

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el país y el mundo •

- НОВЫЙ ГУБЕРНАТОР МОСКВЫ
- ИНФОРМАЦИЯ — ВРАГ РЕЖИМА
- ПРАВИТЕЛЬСТВО ПОД ЛУЧОМ ПРОЖЕКТОРА
- НЕ РУКОВОДИТЕЛЬ, А НАЧАЛЬНИК
- ОТ ХИППИ К ЯППИ
- КРАСНЫЙ ФЛАГ НА НОВЫХ ГЕБРИДАХ
- АФГАНИСТАН — НЬЮ-ЙОРК — МОРДОВИЯ
- ДИРЕКТОР ФБР В ОПТИЧЕСКОМ ПРИЦЕЛЕ
- КОРОЛЕВСТВО ЗА ИОРДАНОМ
- СКРОМНАЯ ПРЕЛЕСТЬ МАРКСИЗМА
- РУБЕЦ В СЕРДЦЕ ЕВРОПЫ
- ОПАЛЬНЫЙ БОНДАРЧУК
- ПЕРЕДОВОЙ ОПЫТ ЭМИГРАЦИИ
- ОДНУ РОССИЮ В МИРЕ ВИДЯ

Ежемесячный общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Вадима Меникера. Оформление Б.Рабиновича. Представители журнала: в США Марк Поповский, в Израиле Рафаил Шапиро. Корреспонденты журнала: Е.Фишер (Бонн), В.Кучинский, Г.Ферон (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Я.Руссакис (Афины), Б.Шрагин (Нью-Йорк), П.Ростин (Рабат). Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок, в США, Канаде и Израиле – 100 нем. марок, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване – 110 нем. марок. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Цена одного номера – 6 нем. марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высылаемого в редакцию. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СОДЕРЖАНИЕ

Политический дневник	1
<i>Р.Бахтамов.</i> Наше неантагонистическое общество	14
<i>Государственный Самиздат.</i> Выступление Б.Н.Ельцина перед пропагандистами Москвы	27
Вести из СССР	35
Дым Отечества	41
Из газет: 60 лет назад	43
<i>К.Любарский.</i> Стена	44
<i>Дж.Майкл.</i> Правительство при свете дня	55
<i>И.Ефимов.</i> Интеллигенция и Советская власть	65
<i>Dominum et vivificantem.</i> Энциклика папы римского <i>Иоанна Павла II</i>	76
<i>Б.Хазанов.</i> Одну Россию в мире видя	91

СТРАНА И МИР

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

Большие события часто начинаются с малого. Первая мировая война началась с того, что студент Гаврило Принцип выстрелил в австрийского эрцгерцога. Эрцгерцога, конечно, жаль как и любого человека, но все же едва ли его жизнь стоила кровавых сражений, бушевавших на целом континенте в течение 4 лет. Гекатомба для эрцгерцога была слишком велика.

Ясно, конечно, что дело не в эрцгерцоге. В течение долгого времени на европейском континенте действовали достаточно мощные силы, нагнетавшие напряженность и ждавшие лишь повода, чтобы выступить открыто. Если бы не было выстрела в Сараево, воспользовались бы другим поводом. Или просто создали бы его.

Арест в Москве американского журналиста Николая Данилова, конечно, не вызовет третьей мировой войны. И не только потому, что Данилов не эрцгерцог и его не убили, а только грозят пятнадцатью годами лагеря. Гораздо важнее то, что сейчас в мире нет, пожалуй, сил (кроме, наверное, полковника Каддафи), которые хотели бы, чтобы новая "горячая" война началась. Одни не хотят ее искренне, другие хотели бы, но понимают, что шансов на выигрыш нет; мотивы могут быть разными, но факт остается фактом — мы сейчас живем в относительно спокойное время, когда войны не хочет никто.

Другое дело — война "холодная", резкое усиление напряженности между великими державами. Сторонники ее существуют безусловно. Арест Данилова для них — это своего рода выстрел Гаврилы Принципа, с тем отличием, что они сами этот эпизод и организовали.

Внешняя канва событий довольно проста. Незадолго до ареста Данилова в Нью-Йорке был арестован советский служащий при ООН Геннадий Захаров в момент, когда он получил от своего "контакта" пакет с военными материалами и вручал ему плату — тысячу долларов. Г. Захаров не имел дипломатической неприкосновенности. При аресте Г. Захаров оказал яростное сопротивление, пытался бежать. Агенты ФБР, лишь повалив его на пол, смогли надеть на него наручники.

Стало уже традицией, что любой арест советского шпиона в США вызывает ответную акцию в Москве. Однако дело обычно не доходит до формального предъявления обвинения в шпионаже и суда. Намеченную жертву обычно высылают, удовлетворившись "демонстрацией флага" и публикацией очередной разоблачительной статьи в "Известиях".

Не то в деле Данилова. Он помещен в Лефортовскую тюрьму, обвинение ему уже предъявлено официально: ст. 65 УК РСФСР, "шпионаж". Главный эпизод обвинения смехотворен. Данилову позвонил человек, с которым Данилов был знаком по городу Фрунзе, и сказал, что хочет с ним на прощание встретиться (срок аккредитации Данилова кончился и он готовился к отъезду из Москвы). Встреча состоялась, и "Миша" вручил Данилову конверт, как он сказал, с газетными вырезками. Когда Данилов конверт взял, появились агенты КГБ и арестовали его.

Это был первый после 1949 г. арест американского журналиста в Москве с предъявлением обвинения в шпионаже. "Предшественником" Данилова была Анна-Луиза Стронг, известная своими восторженными песнопениями в адрес председателя Мао. Мао в 1949 г. был еще "братом навек", но аресту это не помешало. Правда, Стронг не судили, а выслали.

Это был первый после 1949 г. арест американского журналиста в Москве с предъявлением обвинения в шпионаже. "Предшественником" Данилова была Анна-Луиза Стронг, известная своими восторженными песнопениями в адрес председателя Мао. Мао в 1949 г. был еще "братом навек", но аресту это не помешало. Правда, Стронг не судили, а выслали.

Дело Данилова — редкий случай, когда вся мировая пресса единодушна. Буквально все комментаторы без различия политических убеждений согласны в том, что Данилов стал жертвой подстроенной провокации. Николай Данилов — пра-правнук декабриста Александра Фролова, проведшего в ссылке в Сибири 30 лет. Данилов работал в Москве корреспондентом журнала "US News & World Report", а также собирал материалы для биографии своего предка. Возможно, "вину" его усугубляло и то, что, хорошо владея русским языком, он встречался с советскими инакомыслящими. Несколько лет назад КГБ уже предлагало престарелому профессору А. Гольдфарбу, добивавшемуся выезда в Израиль, "подцепить" Данилова — передать ему пакет, который для него специально подготовят. Профессор отказался, и это стоило ему не только выездной визы, но и годичного следствия по его собственному, немедленно созданному уголовному делу.

Президент Рейган направил Горбачеву личное письмо, торжественно заверив его, что Данилов не имеет ничего общего со шпионажем. В свое время, когда в 1963 г. был арестован профессор Йельского университета по такому же обвинению, письмо подобного содержания от президента Кеннеди Хрущеву возымело немедленное действие. Горбачев ответил с недельным опозданием, лишь заверив Рейгана, что он "хочет, чтобы дело было быстро разрешено".

Можно, по-видимому, поверить Горбачеву, что он этого хочет. Он должен понимать — а если сам не понял, то ему было ясно сказано, — что "дело Данилова" может торпедировать очередную "встречу в верхах", которой Горбачев добивался и в которой очевидно заинтересован. Да и весь тон "личной дипломатии" Горбачева в последние месяцы был направлен скорее на оттепель, чем на замораживание советско-американских отношений. "Дело Данилова" вносит в это резкий диссонанс.

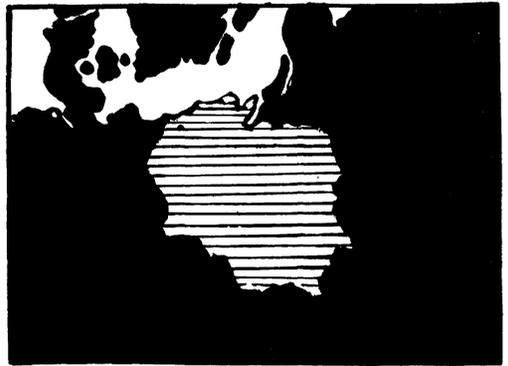
Ситуация сейчас резко обострилась. Рейган недвусмысленно дал понять, что вся система советско-американских отношений поставлена под угрозу.

Значит ли все это, что Горбачев хочет урегулировать дело, но не может? В какой мере его дипломатия является "личной", а в какой отражает общегосударственную политику? И существует ли она, эта общегосударственная политика? Кто

еще, кроме Горбачева, имеет слово в ее определении? КГБ, взявшийся осуществить "выстрел в Сараеве"? Достаточно ли у КГБ сил, чтобы сделать нечто подобное и в других областях внешней и внутренней политики?

Но нельзя исключить и такой возможности, что нет никакого конфликта Горбачев—КГБ. Просто происходит распределение ролей: одним грязная работа, другим ореол миротворца, заслуживающего поддержки.

Трудно судить о действиях правительства, на которое не распространяется пресловутая гласность, широко пропагандируемая в других областях. А ведь действия эти определяют не только судьбы страны, но и во многом судьбы мира. ●

ПОЛОЖЕНИЕ В ПОЛЬШЕ

После четырех лет терпеливого диалога с властями, после предъявления многочисленных доказательств готовности к компромиссу Церковь отказалась от дальнейших попыток просить правительство о разрешении на создание сельскохозяйственного фонда. Этот фонд должен был работать под эгидой Церкви, а целью его была помощь частному сельскому хозяйству в стране (в руках крестьян-единоличников находится около 80% всех сельскохозяйственных угодий Польши.)

В заявлении, опубликованном 3 сентября, секретариат Примаса Польши разъясняет причину отказа — требование властей, чтобы деятельность фонда была "органически связана с аграрной политикой государства" и чтобы основные решения об использовании средств фонда фактически принимались министерством сельского хозяйства. В таких условиях, говорится в заявлении, независимость и общественный характер

фонда были бы фикцией, которую Церковь не намерена прикрывать своим авторитетом. Отказавшись от переговоров с властями, руководство Церкви не распустило оргкомитета по созданию Фонда, а поручило ему изучить другие возможности помощи частному сельскому хозяйству. Так что дверь оставлена чуть приоткрытой на тот случай, если власти изменят свою позицию (что, впрочем, маловероятно).

С предложением о создании Фонда обратился к Ярузельскому еще в период военного положения Примас Польши кардинал Юзеф Глемп. На счет Фонда можно было бы собрать несколько миллиардов долларов. Эти средства можно было получить от зарубежной Церкви и от иностранных правительств при условии, что деньги не затеряются в государственной казне, а останутся под эффективным контролем общества.

Вначале казалось, что власти серьезно отнесутся к инициативе Церкви. Сейм даже утвердил Закон о фондах, которого раньше не существовало, так как доверенные общественные фонды были ликвидированы в 1945 г. после прихода коммунистов к власти. На основе этого закона уже возникло несколько частных фондов, например, для поддержки художественного творчества, для оказания помощи в лечении злокачественных образований у детей и т.д. Между тем вопрос о сельскохозяйственном фонде начал увязать в волоките, а пропаганде была дана директива приуменьшить и высмеять инициативу Церкви. Цель этого была ясна. Убедившись, что из фонда нельзя сделать еще одного государственного мероприятия с фиговым листком общественной инициативы, власти решили постепенно похоронить это дело. Естественно, интересы польского крестьянина и потребителя при этом во внимание не принимались.

В конце июля Главное статистическое управление опубликовало сообщение о развитии хозяйства в первом полугодии. Официальные комментаторы вовсю трубят о том, что рост промышленного производства за этот период составил 5,4% при плане 3%. К сожалению, есть основания опасаться, что значительная часть прироста промышленной продукции достигнута за счет изделий плохого качества или вовсе непригодных для потребления. Наглядное тому доказательство — падение на 3% экспорта в капиталистические страны. Это падение лишь отчасти можно

объяснить катастрофой в Чернобыле. Таким образом, рост производства оказывается в значительной степени иллюзией, и что хуже всего — за эту иллюзию приходится платить долларами. Импорт из стран Запада вырос уже в прошлом году и продолжает увеличиваться. В промышленности усиленно "впрыскивают" валютные материалы и детали, однако готовой продукции удается продать за рубеж все меньше, и, следовательно, валютные запасы тают. вновь ухудшился внешнеторговый баланс. В 1984 г. его активное сальдо составило 1,5 млрд. долларов, то есть примерно половину той суммы, которая необходима для оплаты процентов по полученным займам и для приостановки роста задолженности. Но уже в прошлом году активное сальдо уменьшилось до 1,2 млрд. За первую половину нынешнего года оно составило всего лишь 430 млн. долларов. Создается ситуация, когда без резкого ограничения импорта Польша не сможет справиться с уплатой долгов даже на тех льготных условиях, которые дает ей новое соглашение с кредиторами.

Новое же ограничение импорта может привести к падению производства и национального дохода, к ускоренному сокращению основных фондов в народном хозяйстве, а то и к новым перебоим на товарном рынке. Перебои, напоминающие те, что происходили в 1981 г., могут поставить под угрозу не слишком устойчивую нормализацию. Власти отлично это понимают и уже после съезда официально заговорили о втором этапе экономической реформы, правовой механизм которой был разработан еще в 1982—1983 гг. и пока оставался на бумаге. Реальных шагов еще не видно: вероятно, ожидают дальнейшего ухудшения ситуации, чтобы начать действовать.

Перед опубликованием закона об амнистии 17 июля в стране, по данным властей, было 189 политзаключенных, по данным оппозиции — 350. До конца августа освобождено около ста человек и прекращено около 200 следственных дел против находящихся на свободе. За это время, по сообщению представителя правительства по связям с прессой, 164 человека "явились с повинной", чтобы воспользоваться амнистией. Так, по телевидению выступил некто Росяк из Гданьска, заявивший, что принадлежал к "террористической" ячейке "Солидарности", целью

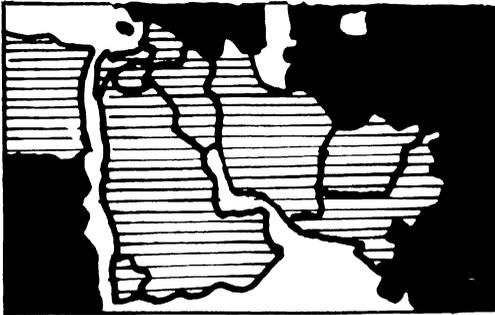
которой было запугивание активистов партии и официальных профсоюзов. "Запугивание" осуществлялось якобы с благословения священника Янковского, который из-за своего влияния среди рабочих Гданьска оказывается постоянной мишенью нападок со стороны властей.

Срок освобождения из тюрем должен был завершиться в середине сентября, но это ограничение не касалось тех заключенных, освобождение которых, в соответствии с законом, определялось специальным решением прокуратуры. Речь шла примерно о 30 главных деятелях оппозиции. Из этой группы были выпущены только Адам Михник, Богдан Лис и Яцек Шимандерский — известный деятель "Солидарности" из Мазовше.

В четверг 11 сентября с сенсационным заявле-

нием по радио выступил министр внутренних дел Ч.Кишак. Он сообщил, что к понедельнику 15 сентября из тюрем будут освобождены все политические заключенные как находящиеся под следствием, так и уже получившие приговор. В их число входит и Яцек Куронь, В Варшаве это заявление было встречено с большой радостью. Его приветствовал и Яцек Куронь, обычно крайне осторожный в оценках действий властей. Лех Валенса сказал, что он считает это первым шагом в создании такого порядка, который позволит всем полякам трудиться на благо страны в соответствии с их различными политическими убеждениями. Подробнее мы об этом расскажем в следующем комментарии. ●

В. Кучинский

ИОРДАНИЯ: КОНЕЦ ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ

С 1973 по 1982 г. экономика Иордании развивалась очень успешно: прирост валового национального продукта составлял 10% в год. Это объяснялось тремя факторами. Во-первых, триста тысяч иорданцев, работавших на нефтепромыслах Саудовской Аравии и княжеств Персидского залива, ежегодно переводили на родину до 1,5 млрд. долларов. Во-вторых, названные страны оказывали Хашимитскому королевству огромную финансовую помощь: в 1979 г. Лига арабских стран решила увеличить помощь Иордании, чтобы она не последовала примеру Египта и не вступила в мирные переговоры с Израилем; была установлена ежегодная квота в 1 млрд. 200 млн. долларов. В-третьих, Иордания получала валюту, продавая фосфаты и поташ Мертвого моря.

В последние годы положение изменилось. Валютные поступления от иорданцев, работающих

в соседних странах, в 1985 г. упали до 800 млн. долларов и продолжают уменьшаться. Иорданцам все труднее найти там работу и даже те, кто много лет трудился на заграничных предприятиях, стройках и нефтепромыслах, вынуждены теперь возвращаться домой. Затянувшаяся ирано-иракская война и падение цен на нефть заставили Саудовскую Аравию и эмираты Персидского залива уменьшить финансовую помощь Амману. В прошлом году экономическая помощь других арабских государств составила всего 600 млн. долларов — вдвое меньше обычного. Премьер-министр Иордании Зейд ар-Рифаи заявил, что ни одно арабское государство, кроме Саудовской Аравии, после падения цен на нефть не выполняет своих финансовых обязательств по отношению к Иордании. Хусейн сам не раз наведывался в другие арабские страны, чтобы убедить их правителей выплачивать ему деньги во имя "арабской солидарности", но они вынуждены урезать и собственные бюджеты. А экономическая помощь, которую оказывают Иордании США и ФРГ, незначительна. Наконец, сократился экспорт поташа и фосфатов. Остаются, правда, немалые суммы, которые Ирак платит Иордании за пользование портом Акаба и шоссейной дорогой, связывающей эти "морские ворота" с Багдадом. По этой дороге в Ирак поступает множество товаров — от спичек и плавленого сыра до танков, — поэтому она жизненно важна для Ирака.

Государственный бюджет Иордании равен 3 млрд. 900 млн. долларов или полутора тыся-

чам долларов на душу населения; военный бюджет составляет 509 миллионов. При этом внешний долг страны достиг 3 млрд. 600 млн. долларов. Валютные резервы снизились до 355 миллионов, а бюджетный дефицит в нынешнем году может выразиться в сумме 1,6 млрд. долларов. О настоящем кризисе пока говорить не приходится, но положение тревожное. Строительство общественных зданий и жилых домов в Аммане и других городах утратило прежний размах. Правительство устанавливает контроль над частными банками, особенно иностранными, и страховыми обществами.

Только теперь, когда экономический бум кончился, жители Аммана начинают замечать пропасть, отделяющую жителей квартала бедноты Джебель-Ашрафие от обитателей роскошных вилл фешенебельного района Абдун — нуворишей, разъезжающих в лимузинах "Мерседес-500". Коммунисты ведут среди бедняков марксистскую пропаганду. Мусульманские фанатики внушают им, что капитализм, делающий бедных еще беднее, чужд исламу.

Трон Хусейна считается относительно устойчивым, в частности, благодаря решительности, с которой он подавляет внутреннее сопротивление. Когда в мае и июне в университетах произошли беспорядки, направленные против королевского режима, Хусейн объявил, что их устроили палестинские террористы, объединившиеся с мусульманскими фанатиками и коммунистами. Сначала было арестовано около 70 левых мусульман-подпольщиков, затем 20 руководителей объявленной в Иордании вне закона компартии; наконец король обвинил в подрывной деятельности против Иордании ООП, закрыл 25 штабов и командных пунктов этой организации на территории страны и изгнал около ста вожakov террористов, включая первого заместителя Арафата Абу-Джихада и полковников Мухаммеда Алула и Цахала эль-Гаамири.

Для укрепления своего положения и в арабском мире, и внутри собственной страны, Хусейну нужна боеспособная армия. Она нуждается в модернизации и повышении своего технического уровня. В ней 100 тысяч солдат и офицеров: 30 тысяч на регулярной службе и 70 тысяч резервистов. Армия состоит из четырех

дивизий (двух моторизованных и двух бронетанковых) и трех отдельных подразделений. Она располагает тысячей танков и полутора тысячами бронетранспортеров. В ВВС Иордании 120 боевых самолетов (F-5 и "Миражи") и несколько десятков вертолетов, а ПВО — 20 батарей "земля-воздух". Но надежды Хусейна на то, что изгнание ООП поможет американской администрации убедить Конгресс санкционировать поставку Иордании новой военной техники, не оправдались. Белый дом предложил продать Иордании самолеты F-16 и F-20 и усовершенствованные зенитные батареи на общую сумму 1,9 млрд. долларов. В конце 1985 г. Конгресс отклонил это требование: о поставках нельзя говорить до тех пор, пока Амман продолжает считать законным представителем палестинцев ООП и отказывается от прямых переговоров с Израилем.

Тогда Хусейн обратился за оружием к европейским странам. Но сделка с США предполагала американские кредиты, а из европейских стран согласилась финансировать военные закупки Иордании только Англия, и то частично. С Англией подписан договор о покупке оружия на 460 млн. фунтов стерлингов: самолеты "Торнадо", бронетранспортеры, электронное оборудование для наводки к танкам "Центурион", сторожевые катера и ракеты. Во Франции — на менее выгодных условиях, чем это предусматривалось соглашением с США, — Иордания купит несколько десятков самолетов "Мираж-2000".

Экономические трудности не позволяют Иордании произвести все необходимые закупки вооружения. Король Хусейн заявил: "Если арабские страны откажутся выполнять свое обещание и не выделят Иордании 1,2 млрд. долларов, я буду вынужден подчиниться американскому диктату и подписать сепаратный мир с Израилем". К угрозе короля не следует относиться слишком серьезно. Это один из ходов в игре. Хусейн зависит от помощи Запада, но не в состоянии выполнить его настоячивые пожелания — перейти от слов к делу и вступить в переговоры с Израилем. Ставка в игре, которую он ведет, — не мир с Израилем, а трон в Аммане. ●

С. Черток

МОСКВА – ИЕРУСАЛИМ

Золотые луковицы и восьмиконечные кресты кафедрального собора Марии Магдалины напоминают Россию. Однако церковь находится в Гефсимании посреди нынешнего Иерусалима, на библейской земле, где некогда жил Иисус. По желанию Александра III и его братьев, великих князей дома Романовых, собор был воздвигнут в память умершей императрицы-матери. Здесь покоятся ее останки, а также прах принцессы Гессен-Дармштадтской Елизаветы, впоследствии русской великой княгини и монахини, расстрелянной в 1919 году.

Ныне Советский Союз выражает желание сделать собор своей собственностью. Об этом стало известно в связи с советско-израильскими переговорами в Хельсинки: как сообщило агентство "Новости", основная цель переговоров – обеспечить охрану советских "имущественных интересов" в Израиле. Речь идет о "недвижимой собственности", принадлежавшей царскому правительству и русскому православному Палестинскому обществу. По советской оценке, собственность эта размещена на территории в 32 гектара. Здесь находятся церкви, монастыри и жилые дома. Агентство утверждает, что в последние годы русские церкви и другие сооружения стали объектом "актов вандализма и грабежа". Поэтому-де и руководство Русской православной церкви совместно с Московской патриархией обратилось с протестами против "произвола" к израильским властям и лично к президенту страны Хаиму Герцогу.

Хотя "рабочая встреча" советских и израильских представителей в Хельсинки окончилась неудачей (она была прервана через 40 минут после начала), высказываются опасения, что в Израиле готовы пойти навстречу советскому требованию, чтобы облегчить восстановление дипломатических отношений с Москвой. В этом смысле – правда, наполовину в шутку – высказался городской голова Иерусалима Тедди Коллек при встрече с присланным из СССР новым руководителем русской православной миссии в Израиле архимандритом Павлом. "Если Советский Союз, – сказал Коллек, – согласится признать единый и неделимый Иерусалим столицей Израиля, Израиль передаст Советам собственность "белой" русской церкви". На что присутствовавший при этом американский консул Дрейпер возразил:

"А что если Советы в самом деле примут это предложение?"

Встает вопрос, входит ли передача церквей и монастырей в правовую компетенцию израильского государства. Ведь до революции большая часть русского церковного имущества на Святой земле фактически и юридически не принадлежала русскому правительству. Можно ли считать правительство СССР правопреемником дома Романовых или основанного в XIX веке Палестинского общества? Является ли собор, построенный на средства членов бывшего царствующего дома, собственностью государства? Нечего и говорить о том, как странно выглядит озабоченность по поводу "актов вандализма" и т. п. со стороны представителей режима, начавшего свой исторический путь с ограбления Церкви. По всей стране были разграблены и разрушены тысячи храмов, сожжено несметное число ценнейших икон, расстреляно, сослано, посажено в лагеря чуть ли не все духовенство.

На Святой земле возникла довольно странная ситуация. Русская церковь в изгнании, иначе "белая" церковь, до сего дня владеет имуществом на территориях, принадлежавших до Шестидневной войны 1967 г. Иордании, – в восточных кварталах Иерусалима и на западном берегу Иордана. С другой стороны, еще в 1948 г. правительство Израиля формально передало Советскому Союзу имущество русской православной церкви, оказавшееся после перемирия внутри тогдашних границ Израиля. Этот шаг объяснялся тем, что СССР одним из первых установил дипломатические отношения с Государством Израиль и эти отношения не хотелось сразу же омрачать. Передача имущества не обошлась без неприятностей. Когда настоятель православной церкви Св. Троицы получил от военного губернатора Иерусалима предписание передать храм со всем, что в нем было, прибывшим из Москвы представителям, он отказался выдать ключи и был избит группой крепких ребят из советского посольства. Через 16 лет после "передачи", в 1964 г., Советы продали значительную часть полученных ими церковных ценностей назад Израилю, выручив круглую сумму в международной валюте. В 1967 г. отношения между СССР и Израилем были прерваны. Тем не менее до сих пор в Иерусалиме находятся присланные Московской патриархией священники, монахи, "секретарь" и даже шофер. Стремясь укре-

пить свои позиции, Москва прислала вышеупомянутого архимандрита Павла. Это энергичный 35-летний мужчина.

Западные наблюдатели полагают, что интерес советского правительства к русской церкви на Святой земле носит чисто политический характер. Нужно быть наивным человеком, чтобы поверить, будто Горбачева и его окружение волнуют проблемы христианской миссионерской деятельности на Ближнем Востоке. ●

*К.-Г. Штрем
(Вена)*

ТРУДНОСТИ ИНДИЙСКОГО КОММУНИЗМА

Прошедшие в декабре 1984 г. парламентские выборы показали, что индийским коммунистам есть о чем подумать. Из 554 мест в парламенте старейшей и безоглядно просоветской КПИ досталось 6 мандатов вместо 12, полученных на выборах 1981 г. Параллельная "марксистская" КПИ (м) имеет 22 места вместо 36. Не менее сокрушительным было поражение коммунистов на состоявшихся одновременно выборах в парламенты штатов. Всего обе эти компартии (есть и другие — помельче) привлекли на свою сторону 2,7% избирателей вместо 4% на предыдущих выборах. Даже "Правда" была вынуждена признать, что "так называемый Левый, или Демократический фронт оказался иллюзией". Так, в штате Керала, который долго возглавляли коммунисты, на последних выборах им досталось всего одно место в парламенте.

Индийские коммунисты всех оттенков — верные друзья КПСС. Они одобряли вторжение в Чехословакию и в Афганистан, осуждали поль-

скую "Солидарность" и поддерживали вторжение Вьетнама в Кампучию. Разногласия между ними сводились к тому, насколько резко следует нападать на правительство, стоять ли в советско-китайском конфликте полностью на советской стороне или же делать некоторые пассы в сторону Пекина. Не последнее место при возникновении разногласий занимал и вопрос о том, кто получит от СССР финансовую поддержку: индийская газета "Patriot" сообщила о том, как члены КПИ и КПИ (м) в штате Керала пошли стенка на стенку, чтобы взять под контроль кампанию митингов "в защиту мира", то есть деньги, которые отпустил на нее Советский Союз. Руководство КПИ (м) представляет в основном местные интересы, от которых стоит несколько дальше руководство КПИ. КПИ (м) готова была кооперироваться с единственным реальным конкурентом Конгресса — партией Джаната, что для КПИ и для КПСС полностью невозможно.

Коммунисты в Индии находятся в трудном положении. Смысл существования обеих главных индийских компартий состоял в их борьбе с крупнейшей и старейшей партией страны — Индийским национальным конгрессом (ИНК). Корить ИНК есть за что. Около сорока лет он почти непрерывно правит страной, а проблемы скорее обостряются, чем решаются. Клан Неру-Ганди правит государством и партией с диктаторской решительностью (в 1978 г. это привело к бунту и образованию "социалистической" партии Индийской национальной конгресс — ИНКС: не слишком грамотному индийскому избирателю приходится во время выборов нелегко). Однако именно ИНК и ее руководство — основные объекты флирта со стороны Советского Союза — ведь именно они решают судьбы страны. Яростные антиправительственные выступления коммунистов ставят Москву в неловкое положение.

Казалось бы, идя в фарватере КПСС, индийским коммунистам легче всего было бы перейти к полной поддержке правительства Конгресса. Однако советскому руководству полезнее держать коммунистов в оппозиции: мало ли куда склонится завтра Раджив Ганди. Поэтому когда в 1982 г. многолетний председатель КПИ Ш. Данге решил полностью перейти к поддержке Конгресса и с этой целью вышел из КПИ и создал третью компартию — Всеиндийскую (ВКПИ),

это вызвало резкое недовольство КПСС.

Тем временем "марксистская" компартия из соперничающей и параллельной превратилась во вполне приемлемую для Советского Союза. Как-никак, она правит двумя индийскими штатами и имеет в парламенте почти вчетверо больше депутатов, чем КПИ. Советская печать все чаще упоминает о сотрудничестве всех компартий Индии, а на последний съезд КПСС, в соответствии с новым курсом, вместе с представителями параллельных компартий других стран, был приглашен и товарищ Намбудурипад — генеральный секретарь КПИ (м).

Обе главных индийских компартии оценивают свою общую численность примерно в 750 тыс., что составляет ровно одну тысячную общей численности населения огромной Индии. Однако существуют островки, где влияние компартии значительно сильнее, чем в среднем по стране. КПИ (м) возглавляет правительство крохотного штата Трипура на северо-западе Индии, а также штата Западная Бенгалия.

Столица этого штата Калькутта в колониальную эпоху стала крупнейшим промышленным центром и портом страны. Еще в конце 60-х гг. промышленность штата давала свыше одной пятой всей промышленной продукции Индии, а джутовые фабрики — половину мировой продукции джутовых изделий (упаковочные ткани, мешки, обивка, канаты, ковры). "Умеренные" коммунисты — КПИ (м) при нерешительной поддержке КПИ — 15 лет назад пришли к власти в штате на плечах неумеренных: Западная Бенгалия, а в особенности Калькутта многие годы была ареной активных действий маоистских левокоммунистических группировок, так называемых наксалигов, которые применяли в качестве средств убеждения террор. Забастовки, политические убийства, осады учреждений потрясли штат.

"Солидные" компартии не участвовали, разумеется, в терроре, но и не противодействовали ему, даже находясь у власти. За это пришлось уплатить дорогую цену. Началось бегство капиталов из Западной Бенгалии. Центральное правительство в Дели тоже прекратило вкладывать средства в развитие штата. В итоге к 1980 г. доля штата в продукции индийской промышленности сократилась до 11,5% и продолжает падать. Отсюда и рост безработицы, которая ныне стала уделом 17% населения, достигшего

трудоспособного возраста. Общие беды индийской экономики — отсталость, неэффективность, засилие государственного регулирования, а стало быть, и продажных чиновников — усугубились в Западной Бенгалии. Все это угрожает последнему серьезному форпосту коммунистов в Индии.

Чувствуя давление со стороны центрального правительства и избирателей, коммунистическое правительство Западной Бенгалии решило перейти к своего рода нэпу. Положение с экономикой в штате было осложнено еще и тем, что центральное правительство Индии, кроме изъятия капиталовложений, провело и чисто социалистическое мероприятие: оно установило твердые цены по всей стране на готовую продукцию металлургии и угольной промышленности, оставив свободными цены на прочие виды сырья. Штат лишился преимуществ от своей тяжелой индустрии, которая вынуждена приобретать сырье по высоким ценам, а готовые изделия продавать по ценам твердым. Два года назад заместитель главного министра штата и один из руководителей КПИ (м) Джайоти Басу провозгласил: "Если в центре сидит реакционное капиталистическое правительство, приходится работать в рамках системы". Была создана зона свободной от таможенных сборов торговли, заложена промышленная зона по производству электроники. Частным предпринимателям были предложены совместные с правительством капитальные проекты, на которые многие охотно согласились: обычно в таких случаях правительство дает гарантии от возможных потерь. Уже в 1984 г. штат привлек полмиллиарда рупий капиталовложений (примерно 42 млн. долларов), а в 1985 г. эта сумма удвоилась. Индийские филиалы концернов "Юниливер" и "Пфицер" готовы содействовать развитию химической промышленности Западной Бенгалии, а "Филиппс" вкладывает капиталы в электронику. Завершилось строительство электростанций, начатое еще в 1981 г., и электроснабжение предприятий резко улучшилось.

Но главное преимущество штата в том, что теперь здесь установилось относительное спокойствие, которое выглядит для предпринимателей особенно привлекательно на фоне тяжелых социальных и этнических конфликтов, бушующих в штатах-конкурентах — Пенджабе, Махараштре, Харьяне и Гуджарате. Внешне компартия и пра-

вительство верны коммунистической ортодоксальности: недавно даже улица в Калькутте, где находится американское консульство, была переименована в улицу Хо Ши Мина. Но пока 71-летний Д.Басу не ушел на покой, никого такие демонстрации особенно не пугают. Правда неясно, что случится при его преемниках — коммунистических аппаратчиках среднего поколения. Пока же частным предпринимателям, да и населению, приятно сознавать, что Западная Бенгалия — коммунистический штат лишь по названию. ●

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ СССР НА НОВЫХ ГЕБРИДАХ

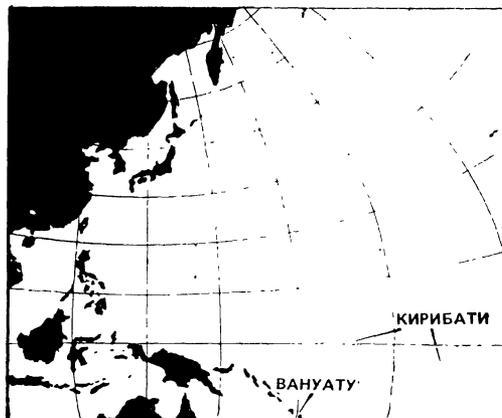
Мы уже писали (в № 9 нашего журнала за 1985 г.) о проникновении Советского Союза в южную часть Тихого океана: СССР подписал соглашение с крошечным островным государством Кирибати (о-ва Гилберта) о создании там советской базы — пока только для рыболовного флота.

Сейчас становится ясно, что это было только начало. В ближайшее время другое тихоокеанское минигосударство — Вануату (о-ва Новые Гебриды) предоставит базу советскому флоту. Флот будет пользоваться портовыми службами в Паликула, на юго-восточной оконечности самого крупного острова Вануату — Эспириту-Санто. Глубоководный порт Паликула и аэродром на Эспириту-Санто в свое время сыграли исключительно важную роль в войне на Тихом океане. Они служили базой для американских ВМС и ВВС — благодаря им военное счастье в битвах за Гвадалканал и в Коралловом море склонилось на сторону союзников.

Согласно договору, подписание которого ожидается в течение ближайших двух месяцев, Советский союз получит гораздо больше простора действий в Вануату, чем по аналогичному договору с Кирибати. Правда, и платить придется больше: 4 миллиона долларов в год, против 2 миллионов, выплачиваемых Кирибати.

Переговоры о подписании договора вел советский посол в Австралии: СССР установил с Вануату дипломатические отношения лишь в июне этого года и посол еще не успел прибыть в столицу государства — г. Вила. Дипломатические отношения с США Вануату еще не установил.

Состоящее из 80 островков государство Вануату с населением около 130 тыс. человек до

1980 г. было англо-французским кондоминиумом. Лидер национальной партии Новых Гебридов (ныне партия Вануату), англиканский священник У. Лили в свое время едва не привел острова на грань войны с прежними метрополиями. Метрополии, однако, проявили сдержанность и предоставили Вануату независимость. С тех пор радикализм отца Лили — он теперь занимает пост премьер-министра — не уменьшился. Он поддерживает тесные связи с Кубой и Ливией (а теперь и с СССР), что вызывает серьезное недовольство даже внутри его собственной партии.

Договор Вануату с СССР вызывает озабоченность остальных стран региона. Он стал одним из главных предметов обсуждения на ежегодной встрече глав правительств региона, открывшейся 8 августа в столице Фиджи г. Сува.

Отец Лили отмахивается от всех предостережений относительно возможной подрывной роли советских представителей на островах (в среднем, на острове будет одновременно находиться до 250 советских граждан). Самой надежной защитой от этого, по мнению премьер-министра, является вануатский патриотизм.

Министр иностранных дел Села Молиса, близкий друг премьера, говорит, что договор — дело чисто коммерческое. Если кто-либо предложит лучшие условия, то он и получит порт. Вануатские коммивояжеры сейчас, дескать, путешествуют по Тайваню, Японии и Южной Корее, пытаясь получить более выгодные условия. Возможно. Но в кругах премьер-министра не скрывают, что подписание соглашения с Советским Союзом — дело практически решенное. ●

ЧЕРНАЯ АФРИКА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В нынешнем году многие страны Черной Африки — так условно называют более 40 государств, расположенных между южной границей пустыни Сахара и ЮАР — отмечают первую четверть века независимости. Все эти годы правители Черной Африки пытались строить национальную экономику на основе причудливых законов, которые неприемлемы для основных партнеров африканских государств. Методы управления хозяйством представляли собой эклектическую смесь советских и восточноевропейских приемов и национальных традиций. В советской печати они получили деликатное название "некапиталистического пути развития". Сейчас этот путь привел страны Черной Африки в тупик.

Хозяйство различных стран этого региона имеет много общего, хотя за последние четверть века они прошли разный путь. Страны эти, в отличие от стран Азии и Северной Африки, относительно слабо заселены. Все они, за немногими исключениями, в момент обретения независимости были крайне бедны. Все они находятся в зависимости от того неустойчивого дохода, который дает экспорт сельскохозяйственной продукции и сырья в промышленно развитые страны. Многие пострадали от природных бедствий: 70-е гг. были временем одной из жесточайших засух в истории континента. В результате массы крестьян бежали в города. Черная Африка — политически нестабильный регион. Здесь произошли десятки вооруженных государственных переворотов, пограничных конфликтов, гражданских войн и вспышек геноцида. Массовые убийства населения происходили в Нигерии и Уганде, в Руанде и Бурунди,

Эфиопии, Заире, Либерии. Страны региона меняли политическую ориентацию с просоветской на прозападную (Гвинея, Мали, Гана, Сомали) и наоборот (Ангола, Мозамбик, Эфиопия, Конго). Однако и там, где десятки лет правили одни и те же руководители (Мобуту в Заире, Каунда в Замбии, Ньерере в Танзании), экономического краха избежать не удалось.

Социалистическая доктрина, которая даже в самом лучшем исполнении способна разрушить экономику, была к тому же правителями Черной Африки плохо выучена. Твердо было усвоено лишь то, что благосостояние можно ввести правительственным декретом. Работе правительственного аппарата уделялось больше внимания, чем работе на полях. Возникла чудовищных размеров бюрократия, к тому же из-за нехватки средств плохо оплачиваемая, а как следствие — продажная и ленивая. На содержание аппарата шли те деньги, которые должны были бы выплачиваться крестьянам за урожай. С другой стороны, цены на сельхозпродукты поддерживались на искусственно низком уровне — крестьяне как бы субсидировали городское население. Для иностранной валюты был установлен искусственно низкий курс — много ниже рыночной стоимости.

В результате всего этого валовой продукт экономики региона с начала 80-х гг. начал снижаться. В расчете на душу населения (в неизменных ценах) он сократился в 1985 г. по сравнению с 1980 г. на 18%. По существу, это снижение съело весь прирост, достигнутый в первые годы независимости.

Особенно упало производство продовольствия, а там, где этого не произошло, оно все равно не поспевало за ростом числа едоков. Население региона в результате улучшения здравоохранения увеличивалось на 3% ежегодно, что дает удвоение числа жителей каждые 20 лет.

Правительства Запада сделали немало, чтобы помочь Черной Африке выжить. Поддерживались даже безнадежные капитальные проекты; поставки бесплатного или почти бесплатного продовольствия, которые субсидировались из кармана европейского или американского налогоплательщика, спасли миллионы жизней. Увы, немало средств, полученных в качестве помощи, было раскрадено и разбазарено на месте. Но и того, что осталось, хватило, чтобы у получателей помощи развилась психология профессиональ-

ного нищего. Помощь стала, выражаясь современным советским языком, антистимулом.

Долги африканских государств не так велики, как у Польши или Латинской Америки, однако для их небольших хозяйств они не менее обременительны. Обычные методы сокращения задолженности и оздоровления финансов, позволившие, в частности, Мексике, найти какой-то выход, — это сокращение импорта, девальвация валюты и форсирование экспорта по принципу "не доедим, но вывезем". Однако для стран Черной Африки такие методы не работают: спрос на многие товары их экспорта (фрукты, какао, медь, тропическая древесина) не растет, а иногда и падает. Лишь гибель бразильских кофейных плантаций повысила за последние годы спрос на африканский кофе. Радикальной же меры — развития предприятий по производству дешевой и пользующейся спросом промышленной продукции — ни одно из государств не осуществило.

Многие африканские страны задолжали так много и так давно, что их уже списали как безнадежных должников. Репутация Судана и Мозамбика, например, на международном рынке такова, что им продают только за наличные. У крупнейшей страны континента Нигерии, некогда (во время нефтяного бума) богатейшей, сейчас дела в таком запутанном состоянии, что никто толком не знает, кому и сколько она должна и на каких условиях. Берег Слоновой Кости — некогда образцовое для Африки капиталистическое хозяйство — сейчас обходит с шапкой кредиторов. И все же за последнее время появились надежды на некоторое улучшение положения, и надежды эти связаны с постепенным поворотом стран Черной Африки в сторону мирового капиталистического хозяйства. Более половины стран региона пригласили экспертов Международного валютного фонда (МВФ) и готовы с ним сотрудничать. Перед их глазами пример Индии 60-х гг., которая тоже считалась безнадежным должником. Ее центральное правительство оставило идею о примате государственного сектора, вложило большие средства в сельское хозяйство и легкую промышленность. Когда-то Маркс писал об индийских ткачах, разоренных внедрением британских текстильных машин. Ныне индийский дешевый текстиль угрожает смертью ткацким производствам Европы и Америки. Всего этого Индия добилась, прислушавшись к советам специали-

стов МВФ и западных стран. Ведение разумной хозяйственной политики снижало ей доверие кредиторов и помогло получить дополнительную помощь.

Жесткие условия, дисциплинирующие экономику, — самая лучшая помощь со стороны МВФ, Мирового банка и его филиала — Международной ассоциации развития, которая обеспечивает развивающимся странам дешевые кредиты на многосторонней основе. Можно полагать, что Нигерия не получит дополнительных займов, пока она отказывается девальвировать свою валюту до реального уровня. То же произойдет и с Ганой, если она не сократит госаппарат до разумных пределов и не повысит выплаты фермерам — производителям какао. Вкладывая деньги в экономику страны и рассчитывая получить их потом назад, МВФ одновременно преподает этим странам урок рационального хозяйствования.

Для спасения африканской экономики необходимы новые люди, более открытые для реального экономического (и политического) мышления. Постепенно они приходят на политическую сцену — со смертью ли вождя, как в Гвинее, или с его отставкой — как в Танзании. Новым людям легче воспринимать новые идеи. Когда они вступают в отношения с международными компаниями, их не преследует страх перед жуэлом империализма. Любопытно, что пока еще ни одно из правительств, приступивших к осуществлению новой политики, не пало жертвой военного переворота (попытки, которые были сделаны, провалились).

Ясно, однако, что в нынешнем критическом положении без иностранной помощи не обойтись. По подсчетам, Черной Африке надо на 2,5 млрд. долларов больше, чем она получает теперь. Это составит примерно 15 млрд. долларов в форме субсидий, низкопроцентных займов и отсрочек платежей по прежним займам. Из них 13 млрд. долларов странам Африки уже обещаны, есть надежда еще на один, однако одного миллиарда пока недостает.

Главные западные доноры — США, ФРГ и Великобритания — вряд ли смогут увеличить помощь, которую они оказывают: их внутренние хозяйственные проблемы достаточно сложны. Франция уже дошла до предела своих возможностей, а Италия связывает помощь с получением новых рынков сбыта для своего экспорта. Остается надеяться лишь на Японию. Что

касается советского блока, то у него больших возможностей нет. Да и наученные печальным опытом Эфиопии, Анголы и Мозамбика, страны Черной Африки вряд ли обратят свои взоры в эту сторону. ●

НА ПЕРЕЛОМЕ

На первый взгляд политическое устройство Соединенных Штатов проще простого – всего две основные партии, попеременно стоящие у власти, а иногда и делящие ее. Разница между партиями разительна. Демократы традиционно исповедуют веру в сильное просвещенное государство, которое сознательно направляет жизнь общества, руководит экономикой, корректирует ход социального развития и опекает наиболее слабые и несамостоятельные слои населения. Республиканцы же отстаивают принципы классического либерализма, сформулированные отцом современной политэкономии Адамом Смитом. Для них свободный рынок, регулируемый "невидимой рукой" (т. е. соотношением спроса и предложения), есть альфа и омега экономической жизни, а попытки государственного вмешательства в экономику не только неизбежно обречены на провал, но и способны усугубить трудности. Словом, по выражению конгрессмен-республиканца Вина Вебера, "чем государство незаметнее, тем лучше жить".

Недавно вышла в свет любопытная книга Уильяма Мэддокса и Стюарта Лайли. В ней предлагается принципиально новая классификация политических сил страны. По мнению авторов, американские избиратели разделяются на четыре отчетливые категории: поддерживающие демократическую партию либералы, оплот рес-

публиканской партии – консерваторы, и две новые группировки – либертарианцы и популисты.

Последние две группы представляют поколение, появившееся на гребне послевоенной демографической волны – так называемые "яппи", а также десятками лет не дававшее о себе знать "молчаливое большинство". Яппи (акроним, означающий "молодые, рвущиеся наверх специалисты-горожане") олицетворяют новые веяния в общественно-политической жизни США. Они горой стоят за открытые горизонты, присущие свободному предпринимательству, и против регламентации, характерной для "Великого общества", которое пытался построить президент Линдон Джонсон.

Популисты в основном представлены миллионами христиан-фундаменталистов, превыше всего ставящих исконные ценности – святость семьи, строгое воспитание. Они выступают за введение молитвы в школах, право родителей выбирать, где и чему должны учиться их дети, запрет на аборт и т. п. Их главные интересы лежат, в отличие от яппи, не в экономической области, а в социальной сфере.

Впервые эти новые силы дали о себе знать на двух последних президентских выборах. Послевоенные "дети" вступили в возраст зрелости и к великому изумлению демократов пошли голосовать за "рейганомнику". А молчаливое большинство, долгие годы никем не замечавшееся и всеми пренебрегаемое, объединилось под знаменем "нравственного большинства" и в ряде штатов забаллотировало наиболее либеральных законодателей, избрав на их места сенаторов и конгрессменов, выступающих в защиту традиционных ценностей.

Идеология либертарианцев, объявляющих себя выразителями чаяний яппи, по сути дела представляет собой доведенный до крайности классический либерализм с некоторыми элементами анархии. С их точки зрения, функции государства должны сводиться только к обороне страны и охране безраздельной свободы личности. В остальном ему нет места в жизни общества. Идеал либертарианцев – так сказать, государство с маленькой буквы. Популисты же стоят за сильное государство, стоящее на страже морали и охраняющее интересы "маленького человека".

Учитывая громадную потенциальную силу обоих блоков, равно как и то обстоятельство, что структурно им вряд ли удастся оформиться, не

нужно обладать даром оракула, чтобы понять, что будущее принадлежит той из двух партий, которая сумеет привлечь их на свою сторону. Но которой из них? В анализе политических склонностей этих групп и в предлагаемых тактических рецептах царит разноречие.

Одни отстаивают ту точку зрения, что обоим историческим партиям страны, — демократам и республиканцам — следует сдвинуться в центр и бороться за симпатии яппи; демократам же нужно порвать с профсоюзами и другими организованными группировками, преследующими узкоэгоистические цели, и принять экономическую программу яппи, а республиканцам пора отрицать "нравственное большинство" и заявить себя сторонниками социальных устремлений новой когорты избирателей.

Но при этом забывают о том, что такие рекомендации идут вразрез с американской политической традицией компромисса, которую столь ярко олицетворяет президент Рейган. Американцы крайне подозрительно относятся к политическому "истэблишменту". Любое проявление концентрации власти, будь-то в политической жизни, в деловой сфере, в профсоюзах, в прессе и т. д., вызывает у избирателей резко отрицательную реакцию.

Может показаться, что между яппи и фундаменталистами есть непроходимая грань. Действительно, что может быть общего между либертарианцами, для которых ненавистно малейшее проявление государственного вмешательства, и популистами, настаивающими на активном вмешательстве государства в дело защиты традиционных устоев. Но на самом деле граница между этими двумя группировками размыта. Отнюдь не все "дети демографического взрыва" — яростные радетели принципов либертарианства, о чем наглядно свидетельствуют толпы молодых людей, заполняющих залы на проповедях евангелистов. И далеко не все популисты не выпускают Библию из рук даже во сне. Большинство из тех, и других хочет лишь, чтобы их оставили в покое.

Зато оба блока едины в сильной неприязни к лево-либеральной идеологии. (Любопытно, кстати, отметить, что левые в Америке называют себя "либералами", узурпировав термин из словаря своих идейных врагов, хотя на самом деле они ближайшие родственники европейских социал-демократов и либерализм им совершенно

чужд.) Так, требование популистов, чтобы школы не посягали на традиционные устои, полностью гармонирует с негодованием либертарианцев по поводу созданной либералами налоговой системы, при помощи которой всемогущее государство добывает средства на свои социальные проекты.

Многие члены демократической партии США осознают, что времена изменились и старые лозунги перестали волновать избирателей. Но актив их партии состоит из левых элементов, захвативших командные посты после неудачной попытки их кумира Джорджа Макговерна стать президентом. И хотя Макговерн потерпел на выборах 1972 г. сокрушительное поражение, созданная им сеть активистов осела в партийной системе. А последние годы непопулярной Вьетнамской войны и Уотергейтская травма позволили им сдвинуть партию еще дальше влево. Костяк демократической партии состоит из ортодоксов, готовых на все во имя своей идеологии и сопротивляющихся переменам. Неудивительно поэтому, что на прошлых президентских выборах ставленник устаревшего партийного аппарата Уолтер Мондейл, по выражению одного остряка, победил во всех штатах, кроме 49.

В то же время республиканцы извлекли урок из неудачи Барри Голдуотера, поражение которого на президентских выборах 1964 г. по масштабам напоминало провал Макговерна. В отличие от своих политических соперников республиканцы поняли, что пора перестраиваться, превратившись из "партии толстосумов" в "партию роста и равных возможностей". И невиданная популярность Рональда Рейгана — свидетельство не только и не столько его личного обаяния, сколько созвучности выдвигаемых им идей веяниям времени. Популярность нынешнего президента наиболее велика среди студенческой молодежи, которой по возрасту вроде бы надлежало стоять на бунтарских позициях. (А впрочем, именно молодежь наиболее остро ощущает направление развития и является его носителем.)

Вот почему можно предположить, что шансы республиканской партии на завоевание симпатий либертарианцев и популистов предпочтительнее — при условии, что партия не будет сидеть сложа руки и создаст платформу, достаточно привлекательную для обеих новых сил на американской политической арене. ●

В. Вольский

Комментирует Ф. Бахтатов

Рисунки Т. Кофьян

I.

Письмо из Байя Бланки. — Назовем это так. — Что от чего идет. — Досадная случайность или печальная закономерность? — Человеку свойственно ошибаться. — Конфликты на уровне. — В поисках универсальной формулы. — Так не бывает. — Черный ящик. — Три основных момента. — С почти математической строгостью.

Наш багдадский почтальон — фигура колоритная. Он не бросает письма в ящик и не просто отдает, он их вручает, сопровождая действие торжествующим взглядом. Дескать, смотрите и восхищайтесь: идет война, а багдадцы живут своей обычной жизнью. Стучат костяшками нардов, до поздней ночи сидят в кафе, разносят почту. Как поется в здешней песне: "У иракских собственная гордость, на иранцев смотрим свысока". Но вручая мне это письмо, Азим еще и прищелкнул языком. Письмо было из Байя Бланки.

У меня нет знакомых в Аргентине, но я не удивился. Судьба (назовем это так) разбросала нас по всему свету, сделала народом странствующих и путешествующих. И если я до сих пор не получал писем с Огненной Земли или из Тринидада и Тобаго, — это чистая случайность, вопрос времени.

Впрочем, это письмо оказалось из России. В краткой записке неизвестный аргентинский доброжелатель сообщал, что письмо ему передали в городе О., на берегу Черного моря. Он привез его в Байя Бланку, узнал мой адрес и отправил. До чего все просто в наше время.

И письмо было вполне обычное, типовое читательское письмо. Автор писал, что регулярно читает мои заметки. То-то и то-то ему нравится, а это, напротив, нет. "В послед-

нее время, — укорял он, — наши газеты по части критики и самокритики Вас переплунули”. Но главное, что ему интересно: по какому принципу я выбираю темы для заметок. ”То Вы занимаетесь вещами конкретными, даже мелкими, то ударяетесь в Ленина и Маркса. Это что же, как Бог на душу положит?”

Насчет переплевывания я, признаться, не уверен. В смысле фактов — да. Читатели, наверно, заметили, что факты я беру почти исключительно из советской печати и делаю это сознательно, — чтобы не спорить хотя бы о фактах. А вот об освещении фактов, как учил нас Иосиф Виссарионович, можно и должно спорить. И я стараюсь. Может, по нынешним временам мне не хватает хлесткости. Но я не считаю хлесткость синонимом убедительности.

А с выбором тем для заметок вопрос сложный. До сих пор я выбирал темы без всякой науки, так сказать, интуитивно. Мне казалось важным понять не только то, что происходит (”факты”), но и почему это происходит, что от чего идет. Скажем, отчего это люди, освобожденные от ига капиталистической эксплуатации, получившие наконец возможность работать на себя, именно с этого момента перестают работать или работают из рук вон плохо. Что это: досадная случайность или печальная закономерность?

Пользуясь таким вот ненаучным методом, собрался я месяца два назад писать о качестве, — тема, по-моему, весьма актуальная. ”Наша с вами общая беда”, — как определил ее Михаил Сергеевич Горбачев. И вдруг — съезд писателей.

Конечно, мне не хотелось менять планы: и материал уже был подобран, и какие-то мысли сложились. К тому же я был уверен, что ничего интересного на писательском съезде не произойдет. Просто не может произойти по условию. И ошибся. Пришлось отложить качество на следующий номер. Тут-то и пришло письмо, заставившее меня задуматься.

Как бы я ни был занят, я регулярно читаю советские газеты и журналы. Отбираю статьи, которые кажутся мне интересными, сортирую по темам и почти механически сую в папки. На сей раз я выложил папки на стол и сравнил их, не сомневаясь, что самой увесистой окажется папка ”Качество”. И снова ошибся. На первое место, решительно потеснив все остальное, вышла совсем неожиданно для меня тема: конфликты.

Понятно, я говорю не о всяких конфликтах. Чего-чего, а конфликтов в человеческой истории хватает: общественных, государственных, идейных, личных, любовных, коммунальных и всяких иных. Их столько, что человека вполне можно определить как Homo militans, Человек конфликтующий. Но в данном случае речь идет о коллизиях специфических, порожденных образом жизни. Или еще конкретнее: существующей в СССР социально-экономической системой.

Советские журналисты тоже обратили внимание на то, что за последнее время число такого рода конфликтов резко возросло. Появились целые дела: Курулюка, Проки, Жукова, Леднева, Касатонова, Ермакова, Бахарева, Чабанова, Гречкина, Мисожникова, Трубникова, Платонова, Борисенкова... Я перечислил только истории, наиболее характерные и крупные. По некоторым делам газеты выступали не раз и не два, в них участвовали суды и прокуратура, решения принимались на уровне Комитета партийного контроля ЦК КПСС, самого Центрального Комитета, генерального секретаря М. С. Горбачева.

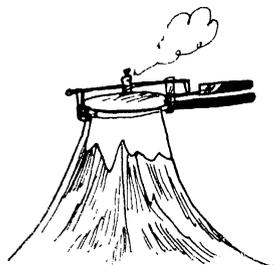

Обилие дел и ожесточенность конфликтов требовали объяснения, универсальной формулы, которая вобрала бы в себя все. Такую формулу нашли. Если раньше ростки нового боролись с пережитками, отличное — с хорошим, патриоты — с космополитами, новаторы — с консерваторами, то теперь идет борьба сторонников перестройки с ее противниками, нового стиля — со старым.

Так-то оно так, только ведь здесь тоже не все понятно. Перестройка (тем более такая, что равнозначна, по словам Горбачева, революции) предполагает систему радикальных мер, меняющих сам механизм хозяйствования. Однако дальше разговоров о необходимости подобных перемен дело не двинулось. Все принятые до сих пор постановления (о повышении качества продукции, легкой промышленности, торговле и пр.) поражают как раз своей незначительностью. Разговоров о перестройке и новом стиле пока несравненно больше, чем дела. Из чего же тогда возникают коллизии — неужто из разговоров?

По опыту знаю: так не бывает. Люди в массе своей вступают в конфликты тогда, когда обстоятельства непосредственно затрагивают их интересы. Конечно, эти обстоятельства могут быть самыми разными, но всегда это нечто реальное, мешающее человеку жить и работать.

Не станем перечислять, что это за обстоятельства. Тут в общем-то все ясно. Жить и работать мешает людям социально-экономическая система. И это не только мое мнение. "Ни рабочий класс, ни крестьянство, ни техническая, ни творческая интеллигенция — никто больше не хочет жить по-старому, мириться с тем, что устарело, что тормозит наше движение, омрачает нашу действительность, нашу жизнь..." Это заявил в Хабаровске генеральный секретарь ЦК КПСС.

Легко догадаться, что нежелание возникло у народа не сейчас, не вдруг, оно существовало и раньше. И все те коллизии, о которых теперь пишут газеты, тоже присутствовали в общественной жизни, но только в скрытой, латентной форме. Так что это не новые конфликты, а старые. Если сейчас они стали явными, то лишь потому, что разговоры о перестройке и новом стиле позволили им выплеснуться на поверхность. Не то чтобы тяжелую крышку, которой придавлено общество, сняли; однако ее приоткрыли. Этого оказалось достаточно: лава вырвалась на поверхность.

Мы много пишем о советской хозяйственной системе, но все еще далеки от понимания ее загадочного механизма. Машина слишком велика, сложна, громоздка, а главное — внеэкономична, чтобы кто-то (включая ее хозяев) мог охватить эту многоступенчатую конструкцию, уловить все присущие ей связи и опосредствования. По существу, мы воспринимаем ее как черный ящик, о котором судим преимущественно по тому, что система дает на выходе. А дает она вялый прогресс (напоминающий быстротекущий паралич), низкую производительность труда, всеобщую нехватку, изделия, смахивающие на брак, и брак под видом товаров, растраниживание природных богатств и многое другое.

Этих результатов достаточно, чтобы оценить эффективность системы. Но одних результатов, безусловно, мало, чтобы понять внутренний, интимный механизм ее действия. И тут на помощь приходят конфликты. Изучая обстоятельства, их порождающие, наблюдая, как эти конфликты развертываются, мы получаем представление о тех рычагах, колесиках, приводных ремнях машины, которые скрыты от наблюдателя ее огромным кожухом.

Советскую систему хозяйствования называют по-разному: политической экономической, административной или административно-политической системой управления. Но,

кажется, все объективные исследователи (в том числе советские специалисты) согласны с тем, что ее отличают три основных момента.

1. Деятельность системы регулируется не законами свободного рынка (то есть спросом и предложением), а набором показателей. Одни из них (план) определяют задачи. Другие (вал или реализация) служат для оценки итогов. Третьи (например, фонд заработной платы) устанавливают рамки, в которых ячейкам системы надлежит функционировать.

2. Управление системой осуществляется не экономическими, а административными методами. Иными словами, деятельность производства корректируется не сигналами рынка (обратная связь), а указаниями вышестоящих инстанций.

3. Положение людей, руководящих хозяйственной деятельностью, практически не зависит от результатов этой деятельности и определяется преимущественно их местом на иерархической лестнице и связями внутри системы. Естественно, что принимаемые ими решения направлены на достижение не положительного экономического эффекта, а некоего искусственного результата, продиктованного набором показателей и указаниями инстанций.

Таковы исходные условия. Легко видеть, что из этих условий с почти математической строгостью выводятся конфликты определенного типа. Прежде всего — между естественным смыслом хозяйственной деятельности и искусственным, навязанным экономике системой показателей. И другой конфликт: между людьми, непосредственно осуществляющими производство (и следовательно, вынужденными считаться с его законами), и теми, кто стремится направлять их деятельность в искусственное русло, образованное набором показателей. Но поскольку в конфликтах участвуют не схемы, а люди, то конфликты неизбежно обрастают житейскими подробностями: трагическими, нелепыми, смешными.

II.

Старое дело и новые обстоятельства. — Вопреки здравому смыслу. — Двадцать девять. — В координатной системе советской экономики. — За то его и судили. — Как лилипуты Гулливера. — Полная хана. — На минное поле поперет не каждый. — Не потому ли?..

В октябре прошлого года "Литературная газета" напечатала статью Игоря Гамаюнова "Опавшие яблоки". Автор рассказал о судьбе двух уважаемых в прошлом людей: с одним он познакомился в зале суда, с другим — в ИТК, исправительно-трудовой колонии. Как-то в заметках я уже касался этих историй, но хочу к ним вернуться, потому что с тех пор открылись новые обстоятельства, позволяющие понять эти истории полнее и глубже.

Итак, первый преступник — председатель колхоза Василий Курулюк. Журналисту, занимавшемуся его делом, эпизоды преступления показались абсурдными, нелепыми, фантастическими. Но закон есть закон, вздыхает он и ищет виноватых на стороне. Вот, например, какой-то несознательный руководитель районного масштаба. Смешно.

А ведь история не смешная, трагическая. Осудили Курулюка на десять лет, с конфискацией имущества. За что? За действия про тивоестественные, противоречащие элемен-

тарному здравому смыслу. Можно с уверенностью сказать, что в любой другой стране им заинтересовался бы не суд, а психиатр.

В самом деле. Очевидно, что любой руководитель предприятия (все равно, хозяин или директор) стремится получить прибыль: купить подешевле, продать подороже, заплатить за работу поменьше и т. д. Между тем Курулюк покупал скот не по 1 руб. 52 коп., как следовало, а по 2 руб. 20 коп. Мало того, он совершал еще совершенно загадочные операции с пшеницей: продавал ее владельцам скота по 11 коп. и тут же покупал обратно, но уже по 30—40 коп.

Ясно, скажет принципиальный читатель, все это фикция. Покупать и продавать в убыток хозяйству может лишь тот, кто преследует личную выгоду. Какую-то часть прибыли от этих операций Курулюк, видимо, клал в карман.

Представьте себе, нет. Когда его осудили, выяснилось, что конфисковать у него нечего. Ни автомобиля, ни драгоценностей, ни собственного дома у председателя колхоза не было. Все, что он оставил, — жена и шестилетний сын. Жил Курулюк скромно. Работал весь световой день, без выходных.

Автор статьи в "Литературке" называет ситуацию абсурдной. Она действительно нелепа, если рассматривать ее с позиций здравого смысла. Но все зависит от системы отсчета. В координатной системе советской экономики все тут естественно, все закономерно.

Некто намерен купить скот. Что он делает? Видимо, сначала выясняет цену. Если цена ему подходит, он покупает; если нет — не покупает. Где тут место для конфликта?

Однако в нашей системе координат ситуация выглядит иначе. Колхозу, которым руководил Курулюк (руководил, заметим, меньше месяца), спустили контрольные цифры. Только мяса колхоз должен был сдать 570 тонн. Между тем всего скота, если взвесить его вместе с курами, набралось бы в колхозе тонн семьдесят. Абсурд? Нет, план. А о плане, как известно, не спорят, план выполняют. Даже если его меняют (об этом тоже писала "Литгазета") 29 раз в год. Всякие объяснения, расчеты и прочее заранее недействительны. На сей счет даже изобретена особая терминология: отговорки, ссылки на обстоятельства, на объективные причины...

Превратить 70 в 570 председатель не мог. Единственно, что ему оставалось, — купить недостающие тонны на стороне. По какой цене? Очевидно, по той, по которой продают. Но где-то там, в далекой Москве, вычислили, что скот должен стоить 1 руб. 52 коп. за кг. По такой цене мясо никто не продавал. Пришлось председателю придумывать сложную экономическую конструкцию с куплей-продажей пшеницы.

На скамье подсудимых председатель другого колхоза — Петр Кириллович Прока. Кандидат наук. Четыре ордена. Председательский стаж — двадцать два года. Что же делал этот кандидат и орденосеец? Кормил свиней хлебом, цыплят манной крупой.

Это напоминало бы массовое помешательство, если бы мы не знали простого объяснения. План. Разумеется, совершенно абсурдный.

"В перерыве между заседаниями... подхожу к барьеру, — рассказывает И. Гамаюнов. — Прошу вспомнить: пытался ли Прока когда-нибудь отказаться от нереальных цифр? И удалось ли это ему хоть однажды за 22 года? Да, пытался, ответил Прока. Не удалось ни разу".

Напомню, статья была напечатана в "Литгазете" почти год назад, в октябре 1985 г. За год много воды утекло, многое изменилось. Тогда перестройка только начиналась, теперь она в разгаре. Недавно, в конце мая этого года, "Изве-

стия” напечатали огромную (на два номера) статью Н. Круглянской ”Двое в деле”. ”В Новороссийске судили Жукова. За что? За дело, теперь это доподлинно известно. За то, что он, Жуков, умел делать деньги. Взятки брал? ”Налево” торговал? Ну да не будем интриговать — газеты мы читаем, о ”бескорыстных преступлениях” знаем. Жуков тоже копейки чужой в карман не положил. Деньги он умел делать для колхоза”.

Когда Жуков принял колхоз ”Черноморец”, хозяйство приносило ежегодно 238 тысяч рублей убытка. Через три года прибыль составила более двух миллионов. О том, что было раньше, журналист пишет коротко: хаос. Напротив, список того, что сделал Жуков, бесконечен. Построены набережная грузового участка, навес рыбцеха, гараж, дизельный цех, склады, магазин, актовый зал, контора; начато строительство холодильника, котельной, электроподстанции...

В иных обстоятельствах Жуков все это сделал бы вполне законно: что тут особенно-го? Правда, результаты едва ли были бы столь впечатляющими — ведь и другие делали бы примерно то же. А в данных условиях как сделаешь, когда ни людей, ни материалов, ни оборудования — ничего нет? И получить их законным путем нельзя. На всех возможных направлениях расставлены столбики-указатели: ”Не ходить, минировано!”

Люди и не ходили: себе дороже. А Жуков пошел. Менял, доставал, изворачивался, ”вступал в преступный сговор с бригадами наемных бригад”, составлял фиктивные наряды... И в итоге? В итоге вытасил колхоз из долговой ямы, построил, в сущности, новое предприятие, наладил дело. При этом не заплатил ни одной лишней копейки. И, еще раз напомину, ни одной копейки не положил себе в карман.

В чем же состояло его преступление? В том, что он нарушил бессчетное число параграфов бесчисленных инструкций, указаний, запретов. Короче, вел себя так, будто цель хозяйственной деятельности состоит не в выполнении когда-то и кем-то сочиненных показателей, а в достижении реальных положительных результатов. За то его и судили.

Так что же, с прошлого года ничего не изменилось? Нет, изменилось. Суд Жукова оправдал. Чтобы подчеркнуть исключительность такого развития событий, корреспондент ”Известий” сообщает: последний оправдательный приговор ”был постановлен в Краснодарском крае лет пятнадцать назад”.

Значит, кое-что изменилось. Только что именно? Ясно, изменилась *правовая оценка* действий. То, что признавалось преступлением, теперь рассматривается всего лишь как нарушение инструкций. А что

эти инструкции, порядок, связывающий хозяйственника, как лилипуты Гулливера по рукам и ногам, система, направленная на достижение не экономического, а ”показательного” эффекта, — изменилась ли она? Нет. Просто власть стала снисходительнее к нарушителям, ибо начала понимать: это благодаря им, нарушителям, советское хозяйство еще как-то существует. Без них была бы полная хана.

Но узаконить их действия, предоставить руководителям хозяйств ту свободу, без которой невозможна нормальная хозяйственная деятельность, — нет, на это высшие эшелоны власти никак не могут решиться. А без этой — узаконенной — свободы какие же могут быть перемены? Ну, не посадили Жукова, освободят (если освободят!) Проку и Курулюка. Допустим даже, что таких, готовых рисковать, станет больше. И все равно на минное поле поперет не каждый. А ведь надо совсем другое. Надо, чтобы подобная деятельность стала явлением обычным. *Нормой*.

Это, конечно, замечательно, что в жизни всегда есть место подвигу. Но, может, было бы лучше, если бы в жизни было место работе. Обычной, будничной работе, не требую-

щей подвига. Вот есть у нас и передовики, и стахановцы, и ударники, а продуктов и товаров нет. В Америке же, напротив, передовиков нет, а товаров и продуктов — сколько угодно. Не потому ли, что наша система устроена таким образом, что создает условия только для подвигов, а их — для работы?

III.

Начинает ломить в висках. — От марта до ноября. — Отставка. — Бежать впереди паровоза. — Итог? Два года исправительных работ. — В спасательных операциях участвовали... — Нет, не странно. — Тут тоже просматривается закономерность. — Мартышкин труд и полное безобразия. — До чего довели.

Читать эти истории тяжело. Тяжело потому, что за внешним сюжетом, за случайными обстоятельствами ищешь причины конфликта. И не находишь. Бессмыслица, абракадабра. Начинает ломить в висках! Человек так устроен, что без смысла ему никак невозможно.

Скажем, случай с Платоновым. Передовой бригадир, создатель комплексной строительной бригады, лауреат Государственной премии СССР. "Известия" писали о нем трижды: два раза — как о маяке, по которому следует равняться ("Нужны Платоновы!", "Вопросы Платонова"), третий (в апреле нынешнего года) — как о потерпевшем. "Когда я доберусь по адресу, — пишет корреспондент, — дверь мне откроет незнакомый Платонов. Слова, жесты, суждения его были как бы в полнакала, поугасли глаза".

И неудивительно. "Еще в марте бригаду ставят в пример, а в ноябре Платонова предлагают исклнить из партии за прогулы, рваческие настроения и создание в бригаде нездоровой обстановки. Отделался Платонов строгим выговором, публично признав свои ошибки и покаившись..."

Что случилось — может быть, он стал хуже работать? Нет. "Работает отлично: как месяц — так и дом, как год — так улица... За пятилетку платоновская бригада выполнила два задания... Такими результатами не может похвастаться ни одна бригада в Нерфнгри".

Пытаясь объяснить причины конфликта, корреспондент ссылается на то, что Платонов не давал начальству жить спокойно: жаловался на плохое снабжение, требовал цемента, панелей. "Это схватка старого с новым", — патетически восклицает журналист.

Несерьезно. Ну, требовал, — что с того? Неужто для всех, кто стоит над Платоновым (директор комбината, райком, горком), эти требования стоили больше, чем все, что бригада сделала: ведь это не только ему засчитывалось, но и директору комбината, райкому, крайкому. Тем более, что все это происходило в Якутии, где людей не хватает, а жилищная проблема стоит чрезвычайно остро. Абсурд какой-то.

Ладно, допустим, это случайность (ссора на уровне коммунальной квартиры) и пойдём дальше. Виктора Ивановича Беспалова, сорока шести лет, кандидата сельскохозяйственных наук, назначили председателем совета РАПО. Работал он отлично. "Известия", рассказывающие об этом конфликте, приводят длинный перечень его достижений. А потом Беспалов "подал в отставку" — так нынче именуется ситуация, когда человека вынуждают уйти. В роли вынуждавшего выступает на сей раз секретарь горкома партии — человек, казалось бы, прямо заинтересованный в успехах сельского хозяйства. И Московский областной комитет партии его поддерживает.

В чем причина конфликта? Да нет ее, этой причины. В районе говорят: "Беспалов пытался бежать впереди паровоза, а такое опасно". Смутное объяснение, темное.

В 1982 году директором крупнейшего в отрасли комбината "Североникель" назначили Геннадия Петровича Ермакова, сообщает "Правда". Комбинат был в прорыве. Директор работал по 16—18 часов в сутки, вникал в каждую мелочь; если нужно, брался даже за меллу. В 1983 году "Североникель" впервые за многие годы справился с зада-

нием, на комбинате проведена реконструкция. И все эти годы комбинат трясет лихорадка. Бесчисленные комиссии, комитет народного контроля, следователи ОБХСС и прокуратуры... За всем этим легко угадывается палочка дирижера – секретаря Мончегорского горкома партии.

Значит снова партийный руководитель. Что это: закономерность или случайность?

Идем дальше. "Упорно, но безуспешно коллектив архитектурной мастерской № 4 отстаивал право на творческое отношение к делу. Несколько десятков специалистов во главе с известным зодчим Л. Мисожниковым хотели исключить проволочки и брак в работе" (*Правда*, 22 апреля 1986 г.). Результат легко предсказать: Мисожникова сняли.

Старший преподаватель Кировского политехнического института А. Мешандин "четыре года назад... предложил ряд технических решений, признанных сегодня изобретениями. Реализация их позволяет полностью заменять импортный продукт на отечественный". Не найдя поддержки в институте и на заводе, изобретатель обратился в обком партии. "Не отвлекайте от текущих дел", – последовал ответ... Через день старшего преподавателя пригласил к себе в кабинет ректор В. Кондратьев: "Если вы будете надоедать обкомовским товарищам своими визитами, придется сделать в отношении вас оргвыводы" (*Правда*, 14 мая 1986 г.).

Впрочем, оргвыводы – это еще что! Преподавателей другого института, Воронежского инженерно-строительного, которые тоже имели неосторожность что-то такое разработать, обвинили в хищении государственных средств. Ученые обратились за помощью в областную прокуратуру. Итог? Два года исправительных работ (*Известия*, 14 августа 1986 г.).

Директор научно-исследовательского института А. И. Чабанов был назначен исполняющим обязанности директора завода. "За короткий срок он организовал на заводе выпуск и отправку заказчикам опытных образцов станков для сверления и фрезерования печатных плат, превышающих по производительности ранее выпускавшихся в два-три раза". Результат очевиден. Чабанов "был освобожден от занимаемой должности, на него произведен денежный начет, а материалы направлены в следственные органы" (*Правда*, 27 июня 1986 г.). Чабанова удалось спасти. В спасательных операциях участвовали Комитет партийного контроля при ЦК КПСС и лично генеральный секретарь ЦК М. С. Горбачев.

"Заместителю секретаря парткома Ленинградского оптико-механического объединения (ЛОМО) "порекомендовали" добровольно уйти со своего поста лишь за то, что он обратился в обком КПСС с запиской, вскрывающей серьезные недостатки в руководстве объединения" (*Известия*, 4 августа 1986 г.).

Я мог бы привести еще десяток примеров, но, думаю, достаточно. Во всех этих конфликтах отчетливо просматривается общая схема. Начал улучшать – возник конфликт с руководством – кончилось плохо.

Не так-то легко понять эту закономерность. Вроде бы в улучшении заинтересованы все и, прежде всего, руководители более высокого ранга. Однако именно они и преследуют того, кто пытается изменить положение к лучшему. В роли гонителей обычно выступают секретари всяких "комов" – парткомов, райкомов, обкомов. Но не обязательно. Неплохо справляются с этой ролью и другие должностные лица: ректоры институтов, директора предприятий, министры, прокуроры. Не странно ли?

Нет, не странно. Административно-политическая система построена так, что ведущие посты в ней занимают, как правило, не руководители, а начальники. Не знаю, нужно ли объяснять, что это не одно и то же. Отметим лишь один момент: руководить – трудно, начальствовать – легко. Ведь руководитель всегда *соучаствует* в выполнении собственного распоряжения. Для этого он должен знать предмет, учитывать реальную об-

становку, уметь спокойно выслушать подчиненного, объективно оценить возражения и даже признать его правоту. Понятно, что от начальника ничего такого не требуется. Его дело — отдавать команды, исполнять их — дело подчиненных.

Как получилось, что ключевые посты в экономике, сфере тонкой и деликатной, заняли не руководители, а начальники? Тут тоже отчетливо просматривается закономерность. Прежде всего срывает сама механика назначения. Даже формально первое место в перечне добродетелей кандидата в начальники занимают политические качества и лишь второе (на практике — десятое) — качества деловые. Поскольку маловероятно, чтобы любой из кандидатов был тайным агентом Гондураса или другом и единомышленником Чемберлена, то под политическими качествами понимаются свойства вполне земные: умение понравиться тому, от кого зависит назначение, личная преданность, готовность беспрекословно выполнить любое указание.

Но это не все. Наш век — век специализации. Между тем лицо, вступившее на высокий пост, вынуждено стать универсалом. Уже глава ведомства имеет дело с десятками предприятий разного уровня, с сотнями различных производств, с тысячами проблем,

требующих его высочайшего решения. От партийного же вождя ждут указаний по любым вопросам: промышленности, сельского хозяйства, науки, литературы, распределения квартир, семейных отношений, приемных экзаменов. Ясно, что ни один человек, будь он трижды Эйнштейн и восьмидесяти Гай Юлий Цезарь, руководить всеми этими сферами не может. А вот командовать — да. Тут не то, чтобы способностей, даже и особого ума не требуется.

Впрочем, руководить не только трудно, но и вредно — система такой подход отвергает. Я вспо-

минаю свой собственный дебют в роли старшего инженера цеха. Меня перевели в этот цех для укрепления инженерного руководства: на предприятие по производству нефтяного оборудования вдруг возложили выпуск чего-то сельскохозяйственного — зернопогрузчиков, кажется. Задание, разумеется, было сверхсрочным и сверхответственным.

В чертежах почему-то зияли провалы — с ними я как-то справился. Хуже было с деталями: комплектующих деталей (каких-то там шестеренок) не было, и никто не мог сказать, когда они появятся.

С этим вопросом я и пришел к главному инженеру. Специалист он был блестящий. Ему ничего не стоило прямо так, в блокноте, набросать несколько вариантов решения сложнейшей инженерной проблемы, один другого лучше. У него был лишь небольшой недостаток. То ли в 37-м, то ли в 47-м его напугали. Но крепко, на всю жизнь.

— Значит, так, — сказал он, бегло глянув в чертежи, — если вы сейчас начнете сборку, вам придется потом все разбирать и собирать снова. Вы правы: мартышкин труд и полное безобразие.

Я покивал головой.

— Теперь, допустим, вы не начнете. Тогда слесарей придется отправить по домам или, того хуже, оплачивать простои. А главное, представьте себе, что появится комиссия — заказ-то важный. И что она обнаружит? Конец второй декады, а процент выполнения плана — нуль. Вы себе представляете, что с нами сделают?!

— Хорошо. Положим, мы соберем эти погрузчики. Но какой от них толк? Без шестеренок механизм работать не будет.

— Это-то ясно, но процент? Процент выполнения вы сможете указать девяносто или даже девяносто пять. Заодно проверите комплектность, метизы.

— Значит, вы рекомендуете?..

— Я? Я ничего не рекомендую. Я рассуждаю вслух. Решаете вы.

Собрали мы эти чертовы зернопогрузчики. Устранили всякие недоделки — их набралось изрядно. И стали ждать: шестеренки привезли 31-го, ровно в 12 часов дня. Мы работали день, ночь, день и еще ночь. Второго утром пришел директор завода и объявил, что дальше нельзя, месяц кончился. "Идите отсыпайтесь, — сказал он. — Вы еле на ногах стоите". Спать я не мог. Мелькали шестеренки, ключи, гайки. Разобрать, установить, закрепить, проверить, снова собрать...

А через несколько дней директор гремел на производственном совещании: "Сорвали! Не выполнили! Безобразия! Выгону!"

По молодости я стал возражать.

— Но ведь не было комплектующих деталей.

— Как не было! Все, что положено, вы получили.

— Когда?! Тридцать первого в 12 часов дня.

— Это неважно, — взревел директор. — Важно, что получили!

— Знаете, — сказал я. — Мне не нравится, когда на меня кричат.

— Кто кричит? — не понял директор. — Это я кричу? Вы послушали бы, как кричат на меня. За все. Хотя бы за восемь не собранных вами зернопогрузчиков.

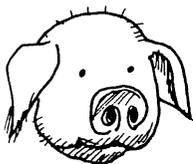
Мне скажут, что это было давно — еще во времена Хрущева. Возьмем пример посвежее, из практики московского "Динамо". 26 декабря 1983 года в план завода включили 500 (пятьсот!) крановых электродвигателей серии "Д". "Смешно было бы и говорить о том, чтобы за четыре оставшихся дня произвести переподготовку производства, получить прикрепление по металлопрокату, оборудованию, решить вопрос с трудовыми ресурсами", — пишут "Известия".

Запомним определение: смешно. Что сделал бы в этих комических обстоятельствах руководитель объединения "Союзэлектротрансмаш", прежде чем вбивать в план эти двигатели? Очевидно, он спросил бы директора завода "Динамо", сможет ли предприятие их изготовить. Тот, понято, ответил бы "нет" и объяснил, почему. Это, кстати, совсем не так трудно. Составляются расчеты: люди, оборудование, инструмент, сырье, материалы, комплектующие изделия...

Допустим, руководитель объединения — человек недоверчивый и дотошный. В таком случае он тщательно проверил бы расчеты, взвесил возможности и уже потом — с полным на то основанием — сказал бы еще более руководящему товарищу: "Невозможно". И выложил бы на стол расчеты. Тогда заводу не пришлось бы просто так, за здорово живешь, платить пять миллионов рублей штрафа, а нынешний секретарь МГК Б. Н. Ельцин, наверно, не мог бы сказать о "Динамо" такие страшные слова: "Я побывал, в частности, на заводе "Динамо". Это просто поразительно — до чего довели это известное, когда-то передовое предприятие".

Все это, однако, идеализм, типичный идеализм. Потому что руководителя объединения, который осмелился бы произнести гнусное слово "невозможно", да еще и имел бы наглость подкрепить его расчетами, мгновенно сдуло бы ветром. А его место занял бы тот, кому и положено там быть, — начальник. Наверно, придет время, и на прилавках магазинов появится капитальный труд: "Происхождение советского начальственного персонала путем естественного отбора".

Очень интересно проследить истоки начальственной психологии. Какие соображения движут руководителем при экономической системе управления хозяйством? Понятно, экономические:

продать продукцию предприятия, выиграть в конкурентной борьбе, получить максимальную прибыль. А при административной? Разумеется, административные. Говоря коротко, обеспечить максимально полное и точное выполнение начальственных указаний.

Эти указания существуют в двух формах: безличной (план, показатели, фонды и пр.) и личной, исходящей от данного начальственного лица. Формально обе формы важны. Но, понятно, какая из них важнее на практике. Бумаге, в общем, безразлично, как ее воспринимают, начальственной персоне — нет. (Именно по этой причине, между прочим, третий раздел моих заметок много больше второго.)

Личные амбиции, самолюбие, обиды — это само собой. Но в каждом отступлении от приказа, в любом проявлении самостоятельности начальственная особа усматривает покушение на устои, подкоп под систему, при которой важны не знания, умение, способности, а должность. Ибо должность автоматически обеспечивает своему владельцу право распоряжаться всем и судить обо всем от имени народа. Тут не имеет значения, что делает нижестоящее лицо: изобретает, улучшает, экономит; существенно другое — оно *нарушает*. Ведь высшая цель административной системы хозяйствования состоит не в ускорении какого-то там прогресса, росте производства, улучшении качества продукции и тому подобных безделицах, а в выполнении нижестоящими указаний вышестоящих. Надо ли удивляться, что всякое такое проявление вызывает прямо-таки неадекватную реакцию.

Иначе не объяснишь действия властей, например, в истории с Чабановым. После того, как его сняли с работы и передали материал в следственные органы, в дело вмешались ЦК КПСС, генеральный прокурор СССР.

”Кажется, все ясно. Но и после того, как была восстановлена истина, партбюро института с ведома местных партийных органов исключило тов. Чабанова из партии. Более того, когда коммунисты встали на его защиту и направили письмо в адрес съезда, оно до Москвы так и не дошло. Его изъяли на почте местные органы”.

Это не я жалуясь, и даже не газета. Это жалуется на пленуме ЦК КПСС в июне М. С. Горбачев. Неужто министерство и обком партии не боятся самого генерального секретаря, который уже доказал, что скор на расправу? Конечно, боятся. Но еще больше они боятся покушения на устои системы, дающей начальнику — в пределах его должности — право решать вопросы за сталеваров и художников, жонглеров и экономистов, продавцов магазинов и архитекторов, кибернетиков и домашних хозяек.

IV.

Может ли хозяин фермы? — На что направлены помыслы нижестоящего. — В Москве и в Конотопе. — Главное противоречие социализма. — Слишком высоко они замахнулись. — Самая нормальная норма. — Ни шагу, чтобы не дать. — То ли аппетиты, то ли инфляция. — Политэкономия социализма. — Вместе с системой.

Очень хорошо, прямо-таки замечательно, когда начальник над экономикой сам от результатов экономической деятельности не зависит. Это дает ему свободу, позволяет парить в высших эмпиреях, откуда наши земные заботы совсем не видны. Может ли, скажем, хозяин капиталистической фермы объявить ударный месячник по заготовке сена, когда в поле дождь? Формально, вроде, бы может (хозяин!), а на практике? Еще два-три дня таких ценных начинаний, и ферма пойдет с молотка. Но вот секретарь горкома объявил, и при этом нисколько не пострадал: закрытого распределителя его не лишили. Пострадал председатель РАПО Беспалов, который эту идею не поддержал. ”Мы готовы, — сказал ему секретарь горкома, — рассмотреть это как неспособность совета РАПО управлять в таких условиях”. И ведь правильно сказал: какой же специалист может управлять в таких условиях?..

Меня упрекнул, что я упрощаю. Все-таки какая-то зависимость между положением начальника и результатами его хозяйственной деятельности существует. Может быть. Хотя не сразу поймешь, какая именно: прямая или обратная. Но думаю, все согласятся, что умело выбранный подарок ко дню рождения жены начальника куда важнее, чем внедрение изобретения или выполнение плана на 103,6 процента. А поскольку подобрать подарок (разумеется, при свободном доступе на склады и базы) все-таки легче, чем внедрить изобретение, то ясно, на чем сосредоточены помыслы нижестоящего.

Однако так ли уж все хорошо при существующем порядке вещей? Боюсь, что нет. Всякая палка о двух концах, есть второй конец и у этой. Система, при которой начальник ничего не проигрывает от результатов хозяйственности вверенного ему хозяйства, конечно, прекрасна. Но при этом он ничего и *не выигрывает*, а это уже плохо. Высокий оклад, спецбуфеты, спецраспределители и прочее — вещи неплохие. Однако беда в том, что к ним быстро привыкаешь, они входят в жизнь, становятся таким же будничным делом, как например, телефон. Ну, кому придет в голову ахать и охать от восторга, что вот тут, в Москве, я снял трубку, а тетя в Конотопе мне ответила? Дело привычное. А вот то, что я, начальник над всей областью, ее полями, реками, писателями и обувными фабриками, должен довольствоваться каким-то жалким окладом, это явная несправедливость. Логично ли, когда мою неограниченную свободу распоряжаться всем вдруг ограничивают, если дело касается рублей, симпатичного желтого металла, ярких камушков? Разумеется, нелогично. Разумеется, несправедливо.

Без понимания этого основного противоречия социализма трудно понять, почему всякого рода хищения, обман покупателей, обвесы, обсчеты и обмеры стали неотъемлемой частью нашей социалистической действительности, почему почти за каждым хозяйственным преступлением маячат могучие тени столпов системы.

Беру едва ли не наугад. "Принять коммуниста В. Касатонова первый секретарь Первомайского горкома партии Ю. Плахотченко отказался. "Сегодня буду у вас, там и поговорим", — сказал он. — Но говорить с капитаном Касатоновым, начальником отделения по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС) Юрий Павлович определенно не собирался. Днем раньше он уже потребовал от начальника городского отделения милиции подполковника А. Ляшенко написать приказ об освобождении капитана от должности" (*Правда*, 12 ноября 1985 г.).

Не будем делать круглые глаза: как это так, по какому такому праву секретарь горкома отдает приказы милиции. Это в порядке вещей. Интересно другое: в чем же провинился Касатонов? Тот же вопрос задает корреспондент "Правды" и отвечает: "Два года назад работники ОБХСС разоблачили группу расхитителей. Шайка воров, которую возглавлял бывший директор комбината бытового обслуживания Е. Разин, длительное время занималась кражей народного добра в особо крупных размерах. Расследование показало также, что к хищениям оказались причастными бывший секретарь Первомайского горкома партии В. Мозалев и бывший председатель горисполкома Е. Ерыгин. Вору щедро одаривали их краденными со склада предприятия ценностями — тканями, кожей, парфюмерными изделиями... Казалось бы, — тут не может быть двух мнений — эти люди должны отвечать по всей строгости закона".

Да нет, ничего такого нам не кажется. Мы хорошо понимаем, что отвечать они не должны. Довольно и того, что обком партии дал им партийные взыскания и перевел на более скромные должности — начальственные, конечно. Дела их скоро забылись, просто затерялись в кипучей созидательной деятельности обкома. А вот дело Касатонова не за-

былось. Свой первый рабочий день новый секретарь горкома Ю. Плахотченко начал с вызова в кабинет руководителей горотдела милиции. Не для объявления им благодарности, естественно. "Чуть ли не каждая законная акция по пресечению преступных действий взяточников, расхитителей народного добра, — удивляется газета, — вызывала у него раздражение. Вскоре он потребовал еженедельно присылать ему сводки по всем операциям этой службы..."

Не знаю, верит ли корреспондент "Правды" или прикидывается, будто верит, что отношение первого секретаря к родной милиции вызвано "личной неприязнью", а не более весомыми соображениями. Допустим, личной корысти у него действительно нет. Но тогда это тем более замечательно. Секретарь горкома защищает преступников бескорыстно! А может корысть все-таки есть, только не личная, а клановая? Милиция посягнула на священное право начальников распоряжаться социалистической собственностью по их, начальственному, усмотрению...

Или другая история, с молодым помощником машиниста М. Ледневым. Однажды он обнаружил в магазине комнату с припрятанным там дефицитным товаром. "Позвонил в милицию, попросил, чтоб срочно приехали и опечатали дверь. Приехали... и уехали, огорошив парня наказом: "Не твое дело! Уходи!" Комсомолец обращался в ОБХСС, горком комсомола, в горисполком, в прокуратуру. Суть ответов была одна: "Ты все еще там? Тебе что, больше всех надо?" (*Правда*, 6 июня 1985 г.).

Ладно, так было в прошлом году, когда перестройка только начиналась. Теперь она вроде шпарит вовсю. "Следствие и последствия" — так называется статья в "Известиях" от 11 июня 1986 года. Часть первая: следствие. Арестованы и осуждены люди, "руководившие организациями, с деятельностью которых так или иначе сталкивается каждый абаканец: жилье, быт, торговля, общепит".

Часть вторая: последствия. 25 октября 1985 года уволен из органов внутренних дел, а затем исключен из партии старший инспектор ОБХСС В. Кириенко; 21 января 1986 года уволен из органов прокуратуры А. Ткачук, переведены или сняты с работы следователь прокуратуры Н. Радикевич, начальник городского ОБХСС А. Горбунов, следователь В. Апанасович. Довольно откровенную характеристику ситуации дал заместитель председателя областного суда: "Слишком высоко замахнулись, что ли... Город, возможно, впервые узнал, что перед законом все равны. Не всем это нравится". Легко угадать — кому именно...

И все-таки, может быть, это исключения, так сказать, отдельные мелкие недостатки? Уже первые строчки интервью, взятого корреспондентом "Известий" Ю. Феофановым у завмага, человека опытного и компетентного, не оставляют на сей счет никаких сомнений. Основной тезис журналиста: "В торговле воруют обязательно; по крайней мере, такое мнение бытует стойко". Ответ специалиста: "А собственно, что вы имеете в виду, когда говорите о воровстве?"

В ходе разговора четко определилась позиция торговли. В торговле можно "потреблять бесплатно продукты, уносить их домой, если образовались в конце дня излишки (в виде колбасы или денег); там можно собирать дань с нижестоящих... Это самая нормальная норма, а не выход из нее; порядок, а не исключение; *предопределенность*, а не преступление. Вот когда не обвешивают и не обмеривают — это ЧП".

Главное тут слово — *предопределенность*. Оно означает, что своеобразный порядок, где все поставлено с ног на голову, возник не сам по себе, не по чьей-то злой воле, он предопределен некими высшими обстоятельствами. Наивно было бы ожидать, что заведующая магазином Анна Семеновна Гарина расскажет корреспонденту (а он — нам) все. И тем не менее контуры ситуации просматриваются достаточно отчетливо: "Ни шагу

нельзя ступить у нас, чтобы не дать”, — говорит завмаг. ”Кому и за что?” — спрашивает корреспондент. Следует перечисление: экспедитору, шоферу, контролеру-ревизору... Конечно, людей повыше Анна Семеновна не называет, но журналист о многом догадывается. Отсюда его вывод: ”Вы рисуете абсолютно безнадежную картину”.

Впрочем, на следующую ступеньку, повыше, нам позволяют подняться. Завмаг получала от ”материальщиков” 500—1000 рублей в месяц и столько же примерно раздавала — ”в торге в основном”. За пять лет ее работы уровень дани повысился: то ли аппетиты росли, то ли инфляция.

Журналист поинтересовался, возможна ли все-таки торговля без воровства, без взяток? Гарина не сомневается, что да, возможна, ”но надо все перевернуть”. А если просто сажать? Тогда нет, ничего не изменится. Ясно и убедительно.

”Такова философия, — комментирует Ю. Феофанов. — Или, если угодно, ”политэкономия”. Все тут правильно, только кавычки я бы снял: действительно, *политэкономия*. И не с магазина она начинается. Магазин — что, частный случай. Подобных случаев можно набрать сколько угодно. Мастерская, ресторан, гостиница, цирк, футбол — в любой из этих сфер мы имеем дело с явлениями одного порядка. У административной системы управления свои законы, своя политэкономия. Политэкономия нехваток, расточительства, брака, воровства, коррупции. Изменить эту политэкономия можно только одним способом — вместе с системой. ●

Государственный САМИЗДАТ
(Москва)

ВЫ П И С К А

из выступления тов.ЕЛЬЦИНА Б.Н.
11 апреля с.г. перед пропагандистами г.Москвы

Население столицы в настоящее время — 8,7 млн. чел. (по плану — 7,6 млн. чел. к 1990 г.). Нуждаются в жилье 2,5 млн. чел. Около 1,0 млн. — в коммунальных квартирах. 28 тыс. живут в ветхих жилищах, которые подлежат немедленному сносу. Подходят сроки сноса ”лагутенковских” домов.¹ Что, вы с этим не согласны? Вы называете их по-другому? Ну что ж, если вам так больше нравится, называйте их так. Я имею в виду дома с кухнями 3, 5 м². Сейчас у нас в стране много полных женщин. Если такая женщина заходит в кухню, то муж уже не умещается.

К 1993 г. сроки предоставления жилья в исполкомах — 2 года, по месту работы — 1 год.

Текст печатается без изменений. Слова, данные в сокращении, приведены полностью.

¹ В.П.Лагутенко — в прошлом гл. инженер ”Мосгорпроекта”. Более распространенное название этих домов — ”хрущобы”.

Исторический облик Москвы изуродован. С 1935 г. уничтожено 2200 крупных архитектурных памятников. Многие находятся в плачевном состоянии, используются не по назначению. Церковь, в которой венчался Пушкин,² превращена в контору, находящуюся в ведении Минэнерго. Позавчера я ездил туда с министром Майорцем, он наконец дал согласие перевести контору в другое место.

Острейшая проблема — транспорт. В городе не построено 60 км линий метро. Изношен подвижной состав. В 1985 г. — 2000 различных аварий. В 1985 г. метро стало впервые убыточным. В результате прекратились отчисления на социальные, культурные, бытовые цели.

За решение различных проблем мы ввели в горкоме персональную ответственность. За транспортную проблему отвечает тов.Королев. Мы все будем ему помогать, а вы, тов.Королев, будете отвечать. Не хватает 5 тыс. водителей, а 200 тыс. — шатающихся.

Мне передали записку: "Говорят, Ельцин ездит на метро. Но мы его там не видели. Он поднимает проблему транспорта. Откуда такие впечатления — неужели из окна?" Что могу сказать? Я вас тоже не видел. Очевидно потому, что в Москве слишком много народа, да и я еще "молодой" москвич, не все еще знают меня в лицо.

Я поставил себе за правило хотя бы раз в неделю бывать в магазинах. К сожалению, меня начинают здесь узнавать. Каким-то образом узнают о моих "маршрутах". Наводят марафет, встречают в белых халатах, вытаскивают из-под прилавков "дефицит". Тут что-то надо предпринимать. Показуха мне не нужна.

В любое время, даже поздно вечером, в магазинах толпа. Фонды надо выделять не только на 9 млн. москвичей, но и на 2–3 млн. гостей столицы.

Прежнее руководство Моссовета запрещало строить в городе лотки под предлогом, что они портят внешний вид города. Такая логика — лучше ходить голодным, но не портить внешнего вида. А почему обязательно портить внешний вид? Разве нельзя для летней торговли настроить красивых и изящных лотков?

Очень трудно в Москве с безалкогольными напитками. Производство "бормотухи" мы прекратили, но продолжаем выпускать в большом количестве крепленые вина. Поскольку в Москве продавать их запрещено, мы спаиваем Московскую область. Надо сокращать производство алкогольных напитков, продолжать сокращать количество точек, торгующих ими. В первом квартале с.г. продажа алкогольных напитков сократилась на 30%. Вместе с тем в последнее время на улицах Москвы вновь начали появляться пьяные. Это свидетельствует о том, что мы несколько успокоились и ослабили борьбу со злом, решили, что оно уже побеждено. Между тем борьба с пьянством еще в самом начале, и успокаиваться рано. Пьянство загнано с улиц в квартиры. Не случайно возросло число квартирных преступлений. В этих условиях лозунг "Превратим Москву в образцовый коммунистический город" звучит издевательски. Критерии образцовости, коммунистичности надо пересматривать.

Я побывал на многих московских рынках. Нигде таких цен, как на рынках Москвы, я не видел. Жалкий пучок петрушки стоит 50 коп., а то и рубль. Килограмм мяса — 8 руб. Но ограничивать цены нельзя, поскольку этот метод уже применялся и не дал результатов. Торговцы просто перекочевывают в другие города и области. На рынок надо давить торговлей. У каждого рынка нужно строить кооперативный магазин. Если в этих магазинах колбаса будет продаваться по 8 рублей — неважно. У меня есть список людей, которые могут заплатить и большую цену. Зато они будут покупать колбасу, которая будет пахнуть мясом.

У нас слишком далеко зашел консерватизм. Городские власти занимались показухой: мы сами с усами, у нас все хорошо, мы лучшие в мире, не надо оголять московские проблемы. Кто так продолжает думать, должен освободить место и уйти.

Моссовет у нас превратился в эталон бюрократизма. Там сейчас идет большая сме-

² Бывшая Церковь Большого Воскресения (ул. Герцена, 36). Еще в 1928 г. была действующей.

на людей. Идет сокращение аппарата. МГК подает в этом пример: например, количество секретарей сократилось с 7 до 6.

Кстати, со всеми столицами соцстран Москва породнена. Между прочим она породнена со столицами еще 64 стран. Поэтому Промыслову некогда было работать. Он только разъезжал и подписывал протоколы. Это нравилось и другим товарищам, особенно после указа о борьбе с алкоголизмом. Ведь на эти столицы указ не распространяется.

Мне поднесли еще 300 ваших вопросов. Давайте объявим перерыв минут на 20, вы попьете водички, а я посмотрю вопросы.

1. Почему Москва не отказалась от присужденного ей Красного знамени?

При всех перекосах в работе городской партийной организации нельзя сбрасывать со счета того, что сделано трудовыми коллективами. От Красного знамени нельзя было отказываться, так как нельзя наказывать тех, кто хорошо работал.

2. Вопрос о принципах подбора кадров. Подчеркивают, что у нас непропорционально много функционеров, не имеющих производственного опыта.

Правильная постановка вопроса, будем поправлять.

3. Почему городская партийная организация избрала на съезд людей, не оправдавших доверия?

Мне трудно отвечать на этот вопрос, поскольку записка дважды анонимная: товарищ, написавший ее, не только не пожелал указать свое имя, но и не назвал имен людей, которых считает недостойными. Я хотел бы подчеркнуть, что 90% записок — анонимные. И это пропагандисты! Ведь мы же договорились разговаривать честно. Сегодня я буду отвечать на анонимные записки, но пусть это будет в последний раз.

4. Дефицитные товары расхватывают приезжие. Не можете ли?

Мы не можем, как 800 лет назад, отгородить Москву забором. Никакие ограничения не спасут. Столица есть столица. Некоторым выпадает счастье приехать сюда один раз в жизни. Повторяю, надо исходить из того, что нас не 9, а 11—12 миллионов. Кроме того, продажу дефицитных товаров надо шире организовать на предприятиях.

Вы знаете, у многих министерств имеются УРСы. Недавно одно из министерств мы схватили за руку: из фондов, выделенных Москве, выбирались десятки тонн апельсинов и других продуктов и отправлялись в Норильск, Новосибирск. Сейчас все эти артерии перерезаны.

10. Говорят, что москвичи "заелись".

Это мнение широко распространено в провинции. Я сам, живя в Свердловске, думал именно так. Однако оказывается, что москвичи живут хуже, чем на периферии.

Смотрите: — капвложения:	1965 г. — 5 место в стране
	1975 г. — 12 место
	1985 г. — 44 место
— ввод жилья:	1975 г. — 2 место в стране
	1985 г. — 58 место
— обеспеченность дошкольными учреждениями:	33 место в стране
— рождаемость:	65 место (средняя по стране 19,6 в Москве — 13,6 на 1000)
— средняя продолжительность жизни в Москве:	
	1983 г. — 70 лет
	1985 г. — 68 лет

12. О "лимитчиках".

Они наносят и нанесли большой социальный ущерб городу. Растет число уголовных преступлений, совершенных этой категорией лиц. Возникают другие ненормальности. Ежегодно завозили 70—80 тыс. "лимитчиков". В этом, переходном, году мы завезем 20 тыс., а в 1987 г. — 0. Надо не ввозить новых людей, а заставлять работать москвичей. Органам милиции будет спущен план по туеядцам.

13. С какими трудностями столкнулись, став первым секретарем?

Главная трудность — незнание кадров и отсутствие кадрового резерва. Вторая трудность — люди привыкли работать в спокойном ритме. А этого мы сейчас позволить не можем.

14. Во время работы секретарем ЦК вы не мало ездили по стране. Как вы оцениваете уровень московской промышленности?

В Москве технический уровень предприятий значительно ниже, чем в целом по стране. Я побывал, в частности, на заводе "Динамо". Это просто поразительно — до чего довели это известное, когда-то передовое, предприятие.

18. О социальной сфере.

За три месяца побывал на 29 промышленных предприятиях. Только два директора уделяют внимание социальной сфере. В одном из КБ — четыре иерархических столовых, каждая из которых на полшишки выше. Что касается директорской столовой, в которую ходит он сам и горстка избранных, то здесь есть все — даже голубой унитаз. Оторвались некоторые руководители от народа. С этим надо воевать.

25. Что произошло в московском такси 31 марта?

В последний день квартала происходит смена талонов на бензин. С вечера у бензоколонок выстроились километровые очереди. Большое количество такси подъехало к Моссовету, устроило "перезвон". Там им разъяснили, что в Москве есть и более высокие организации. Тогда они направились в МГК. Здесь с ними была проведена разъяснительная работа. Приняты меры для предотвращения подобных безобразий. Во всех таксопарках проведены собрания. А вообще, таксисты — народ особый, и секретари райкомов должны бывать в таксопарках каждый месяц.

41. О НИИ и КБ.

Определены 39 НИИ, ничего не делающих уже годы. 15 из них будут сняты с финансирования и закрыты. 30 тыс. научных работников, не прошедших аттестацию, будут направлены на производство. Уровень научных работников и преподавателей снизился. Серость плодит серость.

49. В Москве много квартирных краж.

Это действительно так. Органы милиции до сих пор работают плохо. Первые секретари райкомов должны больше внимания уделять работе с милицией.

55. В Москве широко развита наркомания.

Мы об этом говорим открыто. Уже зарегистрировано 3600 наркоманов. Добровольно регистрироваться они не идут. Возникает вопрос: а сколько наркоманов мы пока не выявили?

64. Спрашивают, что случилось в Перовском райкоме.

Пока могу только сообщить, что налицо злоупотребление, ведется следствие.

77. О втором секретаре Октябрьского РК Данилове.

Он снят с работы и получил партийное взыскание. Квартиру в многоквартирном доме он отгрохал себе барскую, с персональным каминем и персональной дымовой трубой, пронизавшей весь дом. Таким князьям не место в партии! На партработе должны работать кристально честные лица.

96. Группа вопросов о работе с молодежью.

У молодежи заметно стремление к незаработанному, незаслуженному развлечению (кайфу). Это ведь позор, что у комсомольских работников надо заранее записываться на прием.

156. Какие привилегии отменены для работников МГК? Что уже успели отменить?

Думаю, что вопрос поставлен неправильно. Почему только отменить? Кое-что добавили. Прибавили работы, прибавили количество заседаний бюро. Теперь работники МГК трудятся не с 9 до 18, а до 21–22 часов, а иногда и до 12 ч. Что касается отмены, то для начала закрыли промтоварный магазин. Думаю, что это полезно — работники МГК будут острее чувствовать недостатки.

179. Сколько исключено из партии между XXVI и XXVII съездами?

По стране — 70–90 тыс., в Москве — 20 тыс.

206. Как вы относитесь к статье "Очищение" в газете "Правда"?

Считаю, что в статье имеется правильная посылка, но вывод совершенно неправильный, с которым невозможно согласиться. Этот вывод заключается в том, что партия якобы оторвалась от народа.

217. Об изменениях в аппарате МГК.

Были люди, которые, например, прирабатывали: в рабочее время читали платные лекции. ...Многие товарищи переведены на другую работу, имеются кандидаты. Хочу особо подчеркнуть, что партработнику, руководителю должны быть свойственны честность, чистота, компетентность, принципиальность, способность к самопожертвованию, скромность.

256. Группа вопросов о работе Моссовета.

Напоминаю, что Промыслов был снят на другой день после Гришина, хотя и просил дать ему возможность поработать хотя бы пяток лет. Тов. Сайкин активно входит в курс дела. Это человек компетентный, и главное — он ни с кем и ни с чем не завязан. Нам нужно убирать инертный слой приспособленцев, бороться со злоупотреблениями. Жены многих руководящих работников разъезжают на черных "Волгах". Обычно такая машина приезжает утром, для того чтобы отвезти в школу ребенка, затем везет на работу папу, потом приезжает за мамой. С этим надо кончать. Мы ведем соответствующие наблюдения. Раньше работники МГК на подобные мероприятия приезжали каждый на своей машине. Сейчас такие порядки отменены. Видите, секретари горкома улыбаются, они сегодня приехали сюда на одной машине. Тактика у нас такая: наблюдения — беседа — оргвыводы.

265. Много записок с просьбами принять для беседы.

Конечно, всех принять я не в силах. Ну вот одна из таких записок: доктор философских наук тов. Киященко (Институт философии АН СССР) пишет, что у них в институте много безобразий и что он хотел бы рассказать мне об этом. Со временем трудно, но я готов принять вас, тов. Киященко. Приходите ко мне 12 мая в 14 часов.

268. Спрашивают, принимаю ли я простых людей.

Да, принимаю. Вот несколько дней тому назад принял молодую женщину, продавца, мать двоих детей. Мы с ней проговорили 2 часа. И она подробно раскрыла мне систему поборов, существующих в торговле. За последние месяцы в Москве арестовано 800 чел. руководителей торговли. Черпаем, черпаем, а дна в этом грязном колодце пока не видно. Но надо до конца вычерпать эту грязь. Мы стараемся разорвать преступные связи, изолировать руководителей, на их место посадить честных и преданных партии людей, а затем постепенно идти вглубь. Работа предстоит трудная и долгая, но мы твердо намерены вычерпать эту грязь до дна.

277. Получаю, например, такие письма: "Еще Хрущев пытался всех нас одеть в телогрейки ничего у него не вышло, не выйдет и у тебя. Воровали и будем воровать".

Товарищи, разорвать это кольцо мы может только общими усилиями.

280. Чем увлекаетесь в свободное время?

Честно говоря такого времени у меня почти нет. В основном в свободное время читаю. В театр хожу редко, главным образом по служебной необходимости. Из кинофильмов вспомнил "Демидовы", "Сладкая женщина".

281. Интересуются моим режимом дня.

Работаю с 6 утра до 12 ночи. Сплю 4 часа. С 5 до 7 утра — работа над собой.

283. Какие качества цените и какие ненавидите?

Выше всего ценю честность, принципиальность и характер. И соответственно ненавижу нечестность и подхалимство. Вспомнил случай с одним руководителем, ко-

торый, отчитываясь в МГК, слишком бойко говорил о показателях. Вкралось сомнение. Проверили. Реальные показатели оказались значительно ниже. Теперь этому товарищу еще долго предстоит восстанавливать свою репутацию.

286. Мне напоминают, что через три года мне придется отчитываться и отвечать за те авансы, которые я надавал.

Я к этому готовлюсь и намерен эти годы полностью отдать борьбе.

291. Есть и такая записка: "Планы у тебя наполеоновские, куда ты влез? Просто Горбачеву понадобился свой человек, убирайся к себе в Свердловск, пока не поздно" (из зала крики: "Позор").

Успокойтесь, товарищи; я думаю, что этот вопрос не из этого зала, а затесалась записка, полученная ранее. Писал ее, видимо, больной человек.

292. Меня спрашивают, где я покупаю ботинки.

Могу по секрету сообщить, что приоделся я не в Москве, а в Свердловске. Ношу ботинки производства фирмы "Урал-обувь" стоимостью 23 рубля. Рекомендую, очень прочные, хватает на пятилетку.

295. Выражают беспокойство, надолго ли хватит мне сил при таком жестком графике.

Могу товарищей успокоить. Здоровье у меня крепкое, пока не жалуясь. Если начнет сдавать, увеличу отдых на пару часов. Но сейчас надо работать не жалея сил, иначе мы перелома не добьемся. Еще записка: "Надеемся, что через год вы по-большевистски расскажете, что вам не удалось сделать". Хорошо, договорились — через год расскажу.

297. На съезде вы предлагали провести реорганизацию структуры ЦК. Что сделано?

На сегодняшний день ликвидированы отделы внешнеполитической пропаганды, сельхозмашиностроения. Предстоит дальнейшая работа.

299. Товарищи интересуются, почему на съезде ничего не было сказано о членах Политбюро, скомпрометировавших себя, в частности называется фамилия Рашидова. Спрашивают, где работают бывшие члены Политбюро.

Что касается Рашидова, то о нем на съезде говорилось, в частности, в речи председателя Совмина Узбекистана. Но "узбекское дело" не закрыто, следствие продолжается. Когда оно будет завершено, будет сказано все. Бывшие члены Политбюро тт.Тихонов, Романов — на пенсии, тов.Гришин работает референтом в Президиуме Верховного Совета СССР. В записках спрашивают, почему не наказан Гришин? Могу ответить, что каких-либо злоупотреблений, допущенных Гришиным, не обнаружено и судить его не за что. Что касается промахов в работе, то они критиковались и в Политбюро, и на городской конференции. Именно за перекосы и ошибки в работе он и был выведен из состава Политбюро.

В заключение я хочу вам сообщить о решении МГК. Каждому сидящему в этом зале поручается выступить в как можно большем числе парторганизаций и откровенно, ничего не утаивая, рассказать обо всем, что говорилось на сегодняшнем активе. Обо всех наших трудностях и недостатках, о мерах по их устранению; о наших намерениях люди должны узнавать не из слухов и сплетен, не из передач Би-Би-Си, а из уст партийных пропагандистов. ●

Перед нами, бесспорно, подлинный документ. Столь же уверенно можно сказать, что в массовое обращение он попал не случайно, не по недосмотру. В конце своего выступления перед пропагандистами Б.Н.Ельцин сообщил им о решении горкома: каждому сидящему в зале поручено выступить "в как можно большем числе парторганизаций и откровенно, ничего не утаивая, рассказать обо всем, что говорилось на сегодняшнем активе". Видимо, на одного из участников было возложено и более деликатное поручение: подготовить нечто вроде краткой стенограммы актива.

Перед нами, таким образом, произведение государственного Самиздата — жанр, о котором мы недавно писали ("Страна и мир", 1986 г., № 6). Из этого, конечно, вовсе не следует, что документ не заслуживает внимания. Напротив, он интересен вдвойне: и своей фактической стороной, и направленностью — тем, как подаются факты.

Б.Н.Ельцин начинает с жилья. Приводимая им статистика — 2,5 млн. нуждающихся в жилье — настолько выразительна, что к ней ничего не добавишь. По крайней мере каждый четвертый житель столицы, даже по бедным советским стандартам, относится к категории нуждающихся. Десять лет говорилось, что столица показывает пример во всем — в том числе, конечно, и в жилищном строительстве. Если таков эталон, то как же обстоят дела на периферии?

Косвенное объяснение того, почему жилищная проблема в Москве приобрела такую остроту, дают приведенные Б.Ельциным цифры: население Москвы составляет 8,7 млн, тогда как даже в 1990 г. оно по плану не должно превышать 7,6 млн. Итак, население столицы росло куда быстрее, чем планировалось. Тут действовали два фактора и оба — в одном направлении. Руководители предприятий, испытывавшие недостаток рабочих рук, выбивали лимиты на прописку. В то же время люди из провинции, как чеховские сестры, рвались в Москву, используя для достижения этой цели все средства: блат, взятки, женитьбу на москвичках. Возникла целая индустрия прописки.

Причины этого явления многообразны. Отметим одну. Кроме официальной должностной иерархии, в СССР существует и другая — географическая. Суть ее в том, что с удалением от столицы (а в самой Москве — от Кремля) снабжение продуктами, товарами и всякого рода благами ухудшается. Правда, в стране то там, то тут разбросаны островки относительного изобилия (приуроченные к объектам "особого значения"), но в целом тенденция именно такова. Хороших артистов, детскую одежду, выставочные залы, масло, школьные ранцы — все это "выбрасывают" только в Москве.

Любопытно, что первый секретарь Московского горкома, в общем, считает это естественным. В ответ на жалобы пропагандистов ("Дефицитные товары расхватывают приезжие") он извиняется: "Мы не можем, как 800 лет назад, огородить Москву забором". И дальше с гордостью повествует о том, как удалось перерезать артерии, по которым апельсины и другие "московские" продукты утекали на Север. Ясно, что житель какого-нибудь Норильска вполне проживет и без апельсинов. Надо же понимать, что это заморское лакомство (как, впрочем, и отечественное масло) предназначено не столько для еды, сколько для украшения столицы. Пусть иностранцы, которые, разумеется, апельсинов отродясь не видели, смотрят и завидуют богатствам страны социализма.

Надо сказать, однако, что лимитчики и "нелегалы" москвичи — отнюдь не единственная и даже не главная причина жилищного кризиса. На пленуме МГК в середине июля тот же Ельцин назвал цифру: за 15 лет в Москву привлечено около 700 тысяч иногородних рабочих. Людей же, нуждающихся в жилье, почти вчетверо больше. Так что есть и другая причина. М.С.Горбачев обозначил ее как "остаточный принцип" выделения средств. Проще сказать, министерства и ведомства вкладывали основные средства в строительство предприятий. А уж что оставалось (если оставалось), шло на жилье, школы, детские сады и иной "соцкультбыт".

С жильем прямо связана другая проблема — работы. Оказывается, москвичи не хотят работать ("200 тысяч шатающихся"). Почему не хотят? На вопрос уместно ответить вопросом: а почему бы им хотеть? С жильем плохо. Со снабжением овощами, картошкой, фруктами положение такое, что сам секретарь МГК определил его в речи на пленуме МГК как "позор Москвы". Из 29 предприятий, на которых побывал Б.Ельцин, только на двух директора уделяют какое-то внимание социальной сфере. Конечно, и в других местах не лучше. Но в Москве, очевидно, больше возможностей зарабатывать не работая.

Какое решение предлагает руководитель нового типа, как он намерен заинтересовать людей? Очень просто: "надо... заставлять работать москвичей. Органам милиции будет спущен план по тунеядцам". Сказано — сделано. 10 июня Мосгорисполком вынес решение о том, что каждый житель города должен представить справку с места работы или учебы. Таким вот простым и прогрессивным способом решаются нынче проблемы...

С жильем (хотя и не только с ним) связан и еще один вопрос — об историческом облике Москвы. За сорок лет в Москве уничтожено 2200 крупных архитектурных памятников. Зачем? Конечно затем, уверяли нас, чтобы построить на их месте дома, детские сады, школы. А теперь выясняется, что идея тут была совсем другая. Каждый очередной хозяин столицы — большой или малый — желал внести свой вклад в сотворение нового облика города. И вносил, благо ничего, кроме власти, тут не требуется: ни ума, ни вкуса, ни согласия общественности.

Б.Ельцин привел пример: церковь, где венчался Пушкин, была превращена в контору. Теперь, как мы узнали позднее из газет, это безобразие исправлено. Отныне церковь будет использоваться совсем по другому назначению: в качестве концертного зала. Вот он — прогресс!

Вообще с констатацией всякого рода бед у нынешнего руководства получается куда лучше, чем с их устранением. Скажем, на московском базаре жалкий пучок петрушки стоит 50 копек — рубль, килограмм мяса — 8 рублей. Ограничить цены нельзя — пробовали. Что же предлагается? Построить поблизости кооперативный магазин и продавать там колбасу по восемь рублей. Секретарь МГК сообщил, что у него есть список людей, которые могут уплатить и больше, "зато они будут покупать колбасу, которая будет пахнуть мясом". Ясно, что список помянут не зря — это, очевидно, угроза. И потом: а что будут нюхать (и главное — есть) те, кто не значится в списке?

Едва ли не главное место в беседе Б.Ельцина с пропагандистами заняла преступность: квартирные кражи, наркомания, дела магазинные, злоупотребления. Рецепт и тут простой — сажать. За последние месяцы в Москве арестовано 800 руководителей торговли. "Черпаем, черпаем, а дна в этом грязном колоде пока не видно", — жалуется Ельцин. И его можно понять. Каким-то образом зловредные магазинщики узнают о его маршрутах, наводят марафет, встречают в белых халатах, вытаскивают из-под прилавков дефицит. Похоже, у жуликов на самом верху есть свои люди, агентура. Не случайно среди записок, посланных пропагандистами, была программная: "Воровали и будем воровать" и даже угрожающая: "Убирайся к себе в Свердловск, пока не поздно".

Те, кто знаком с материалами XXVII съезда КПСС (а пропагандистам это положено по должности), обратили внимание на речь Б.Ельцина. В ней говорилось о ликвидации начальственных привилегий, перестройке аппарата ЦК, ответственности высших руководителей. Теперь эти же темы были ему предложены в форме вопросов.

Оказалось, что отвечать нечего. Закрыли промтоварный спецмагазин? Надо полагать, работники МГК в очередь не побегут — дефицит им доставят на дом. Продовольственные же спецмагазины, очевидно, не тронуты. Число секретарей горкома сокращено с семи до шести? Но с 1963 по 1984 год их и было шесть, а в 1961-м — даже пять. Реорганизация структуры ЦК КПСС свелась к ликвидации двух второстепенных отделов. Но число этих отделов много лет колеблется как маятник. И что от этого меняется?

О бывших членах Политбюро мы узнали от Ельцина ровно столько, сколько знали и без него. К примеру, второй человек в государстве Романов внезапно превратился в пенсионера. Как? Почему? Превратился и все. Достаточно.

Но самое, пожалуй, интересное и в выступлении секретаря горкома, и в его ответах — он сам. Точнее, тот образ руководителя нового типа, который у нас стремятся создать, тот новый стиль, что коренным образом отличается от старого.

Основные черты нового руководителя — честность, принципиальность и деловитость. Он до всего доходит сам — ездит в метро, бывает на предприятиях и в магазинах. Он скромнен и ценит это качество в других. Наконец, он поразительно работоспособен. Его рабочий день начинается то ли в пять, то ли в шесть часов утра и длится до полуночи. Он очень занят — свободного времени почти нет, в кино и театрах бывает редко, но ежедневно посвящает два часа работе над собой.

Допускаю, что все это так. Однако давно замечено, что человек — это стиль. А как раз в стиле Б.Н.Ельцина трудно обнаружить что-то новое. Лейтмотив всей его деятельности: заставить. Москвичи не хотят работать? Заставить! Тридцать девять научно-исследовательских институтов ничего не делают? Ликвидировать, тридцать тысяч научных работников, не прошедших аттестацию, отправить на производство (еще хорошо, что не в лагерь). Возмущаются таксисты? Принять меры для предотвращения подобных безобразий (не того, что вызывает возмущение, а самих возмущений!). Восемьсот торговых работников арестованы? Мы твердо намерены вычерпать эту грязь до дна.

Все быстро, решительно, категорично. И без малейшей попытки что-то понять, разобраться в причинах. Похоже, вопрос "почему" первому секретарю МГК просто неведом. Существующий порядок вещей он принимает как данность. Это печально. Уже Ю.В. Андропов к концу жизни понял, что заставлять людей работать бессмысленно. Чтобы от работы был толк, их надо заинтересовать и создать им условия.

А что касается скромности... Когда таксисты, возмущенные километровыми очередями у бензоколонок, устроили перезвон у Моссовета, им разъяснили, что в Москве "есть и более высокие организации". Так излагает эту историю Б.Ельцин. При этом его несколько не смущает то странное обстоятельство, что и у избранных народа, Московского Совета, есть, оказывается, начальство — горком партии.

И вопрос, принимает ли секретарь МГК "простых людей" тоже не вызвал удивления у слуги народа. "Да, принимаю", — ответил он спокойно. Ясно же, что люди делятся на "простых" и "непростых". Впрочем, тут же выяснилось, что принимает он этих людей не по их делам, а по своим: безобразия в Институте философии, коррупция в торговле...

Слов нет, безобразий в любой сфере жизни больше чем достаточно. Но уже одно это должно было бы навести секретаря МГК на мысль, что дело не в отдельных людях (продавцах или философам), а в механизме, который порождает всяческие безобразия.

Говоря о статье "Очищение" в "Правде", Б.Ельцин решительно отвергает ее вывод о том, что партия оторвалась от народа. Он, видимо, убежден, что ситуация, когда четверть населения столицы нуждается в жилье; когда людям приходится есть колбасу, которая даже не пахнет мясом; когда тысячи дорогих москвичам памятников старины уничтожаются одним росчерком начальственного пера; когда люди часами стоят в очередях, потому что Некто не желает портить "общий вид"; когда городской совет превратился в "эталон бюрократизма", а к комсомольским работникам надо записываться на прием; когда партия видит свою главную задачу в том, чтобы заставить людей работать (и как — в особом, напряженном ритме!) — такая ситуация, разумеется, никак не свидетельствует об отрыве партии от народа. Интересно было бы знать, а что же Б.Ельцин счел бы таким свидетельством? ●

ВЕСТИ ИЗ СССР

Мы плохо знаем законы природы. Кто объяснит, например, закон тиражирования бедствий? Суть его в том, что как только бедствие происходит у нас, сразу же выясняется, что сходные бедствия уже поражали или вскорости поразят другие страны. Прямое тому свидетельство — катастрофа в Чернобыле. Сразу вслед за ней посыпались как из рога изобилия неполадки на других атомных станциях: в ФРГ, США, Франции... Правда, при этом никто не пострадал и вообще об избыточной радиации ничего не было слышно, но тут важен сам факт! Не мы одни...

И когда в газетах появились сообщения о лесных пожарах во Франции, Испании и еще где-то, стало очевидно: быть беде. Из закона тиражирования следовало, что подобные пожары должны обнаружиться и у нас. И ведь обнаружились — да еще какие! 19 августа "Известия" напечатали — под рубрикой "чрезвычайная ситуация" — большую статью "Пожар". Из нее мы узнали, что пожар (точнее пожары) в Восточной Сибири начался в начале лета и полыхает на огромном пространстве. Только в июне в одном Катангском районе (Эвенкия) было 48 пожаров, а площадь этого района 139 тысяч квадратных километров, что соответствует примерно площади Чехословакии. "Черные плещи гарей, — пишет корреспондент, — теперь не оглядеть и с самолета, они охватывают миллионы гектаров... От Енисея до Забайкалья дым покрыл огромные пространства. В Иркутске собралось около шести тысяч пассажиров, порт задыхался и... был беспомощен что-либо предпринять... Нельзя было не только улететь — поезда ползли по Транссибу ошупью. Встало движение на Лене. Да что там транспорт! На огромной территории без солнца замедлилось созревание хлебов".

Может быть, в нынешнем году на Сибирь обрушилась невиданная напасть? Нет, такая история повторяется из года в год. "Особенно жарко, — пишут "Известия", — полыхает последние четыре года". Выходит, что эту ситуацию и чрезвычайной-то не назовешь. Вполне привычное, будничное, даже рутинное бедствие. А вот узнали мы о нем только сейчас. Видно, у печати были дела поважнее...

Впрочем, не о печати сейчас речь, а о тех, кому надлежит бороться с пожарами. О большой и малой науке. О лучшей в мире советской технике. О плановой социалистической системе хозяйствования, которая тем и отличается от капиталистического хаоса, что способна предвидеть развитие ситуации и мобилизовать все силы на борьбу со стихией. Тем более, что в данном случае и особой проницательности не требовалось, поскольку нынешнее бедствие вытекало из предыдущих как аксиома.

И вот — подготовка. Первая же группа десантников, брошенная для того, чтобы окружить и ликвидировать небольшой вначале очаг огня, оказалась отрезанной на маленьком пятке. Сгорели парашюты, снаряжение, продукты. От гибели людей спасли только сноровка и опыт. В чем дело? Чрезвычайная пожарная комиссия (ЧПК) не имела сведений ни о размерах пожара, ни о положении группы. "Сказать честно, — замечает журналист, — неосведомленность ЧПК о положении дел на пожарах показалась мне, мягко говоря, ненормальной. Как же руководить сражением без связи и точной информации? А если кому помощь нужна? А если беда? Мало ли что может произойти в тайге?"

Все, однако, имеет свои резоны. По правилам, связь непосредственно с пожарами должна осуществлять авиационная служба, а лесхоз — с

лесничествами. Почему же не осуществляли? Нет раций. То есть как?! Вот так, нет.

А что же есть? Есть многое. Во-первых, план противопожарных мероприятий – ”документ на многих листах, утвержденный на заседании исполкома. Все написано – кто и что должен делать, чем тушить, как держать связь. В общем, все там вроде предусмотрено. И вроде гореть не должно. Так вот. Горело. Горит. Увы, и будет гореть”.

Откуда у журналиста этот чуждый нам пессимизм? От знания реальной обстановки. Автор статьи не вдается в объяснение причин, в силу которых пожары стали неизбежными. Он лишь констатирует, что законы по охране природы ”часто нарушают и ведомства, и отдельные люди”. Зато он подробно перечисляет средства, коими располагают ”профессионалы высокого класса”, тысячи человек, брошенных на укрощение стихии.

ЕЩЕ ОДНА МИРНАЯ ИНИЦИАТИВА

В наше время, когда искусственные спутники Земли тщательно просматривают всю территорию Земли – или, по крайней мере, ее наиболее ”чувствительные” участки, хранить военные секреты становится все труднее и труднее.

Норвежский Штаб обороны опубликовал в мае этого года карту и описание советских военно-морских и военно-воздушных баз на Кольском полуострове и на других территориях, омываемых Баренцевым и Белым морями – в непосредственной близости к норвежской территории.

В окрестностях Мурманска находятся одиннадцать военно-морских баз. Пять баз расположены на Белом море или при входе в него, одна – на Новой Земле. Особый интерес представляет военно-морская база в Гремихе, в 300 км к востоку от Мурманска. Эта база предназначена для размещения ракетных подводных лодок класса ”Тайфун”. Лодки этого класса с ядерным двигателем, водоизмещением 25 тысяч тонн, длиной 170 м несут на себе 20 баллистических ракет класса SS-N-20. Сейчас на базе развернуто строительство новых причалов. Всего, по-видимому, должно быть сооружено десять 200-метровых причалов для лодок ”Тайфун”. В настоящее время здесь уже базируются четыре таких лодки.

Собственно, тут и перечислять нечего. Вертолеты, которые в дым не летают; пожарные топоры с красными ручками; БСД, большие саперные лопаты. Все? Нет. Есть еще еда – рожки и тушенка. Вот теперь уже действительно все.

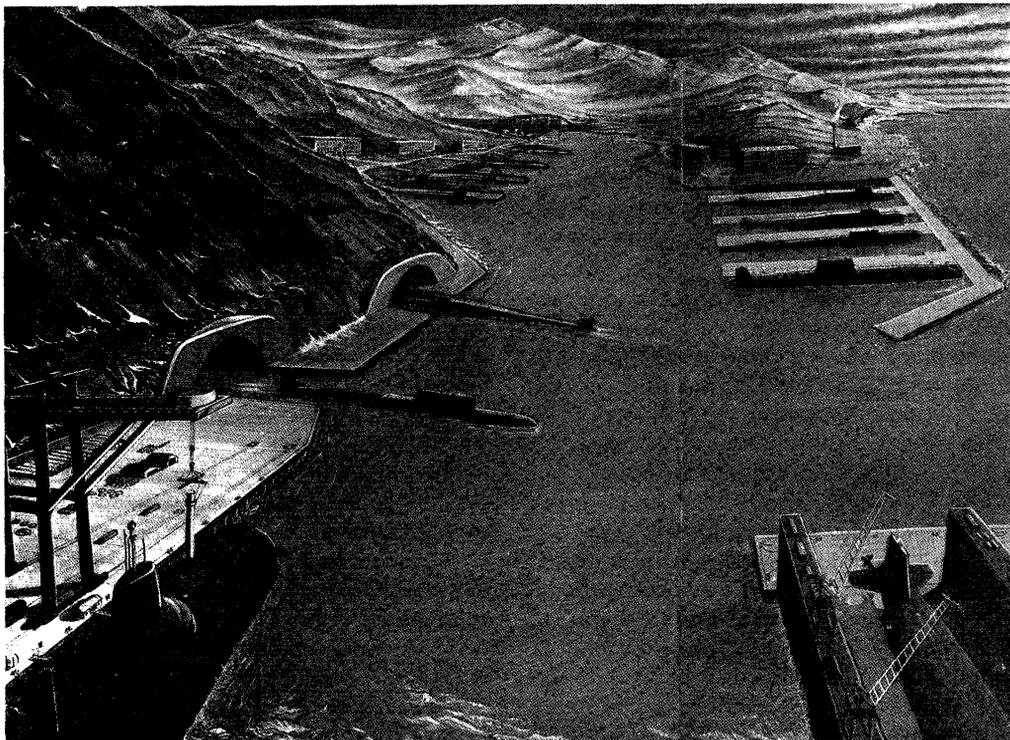
А как же наши славные вертолетчики, ведь в Афганистане они летают в любую погоду и в любой боевой обстановке? В Афганистане – да, там война. Там, наверное, и рации есть. Может, как раз поэтому здесь, в Сибири, раций и не хватает. Ведь единственное, что интересует нас – это война. Собственные же беды – дело второстепенное. Так сказать, свои люди – сочтемся.

А все-таки хорошо, что есть в природе закон тиражирования. Как-то легче на душе, когда узнаешь, что не только у нас с атомными станциями происходит что-то неладное, что и в других странах польхают лесные пожары...●

А. Б.

На публикуемой фотографии, полученной американским спутником Landsat, белым прямоугольником выделен район базы. Четко видны выступающие в пролив причалы. Как выглядит

подобная база с близкого расстояния – видно на прилагаемой реконструкции художника.

На Кольском полуострове зарегистрировано сейчас 16 военно-воздушных баз. Еще три находятся на восточном берегу Белого моря и одна – на Новой Земле. На базе близ Кандалакши сейчас сооружается новая взлетная полоса длиной 4,5 км. Когда строительство будет закончено, это будет ближайшая к норвежским границам военно-воздушная база, на которой будут размещаться бомбардировщики дальнего радиуса действия, такие как Ту-142 или новый самолет системы Ту, известный на Западе под кодовым названием "Блекджек". Он способен поражать цель на расстоянии до 7300 км (по другим данным – 6350 км). Оба эти самолета несут на себе крылатые ракеты AS-15 с радиусом действия 3000 км. Это позволяет наносить с базы близ Кандалакши удары даже по американскому континенту.

К Северному флоту приписан отряд "спецназа" в составе 600–800 чел. Есть основания думать,

что кроме бригады морской пехоты, входящей в состав Северного флота, на Кольском полуострове расквартирована еще одна бригада, прошедшая особо интенсивную тренировку.

Недавно в губе Волковой (внешняя часть Печенгской губы), близ норвежского побережья проходили учения по высадке десанта с судов-амфибий. Учения начались 15 апреля. В них участвовали авианосец "Киев", эсминец класса "Удалой", три сторожевика и ряд других судов.

Незадолго до того, 24–28 марта, в Баренцевом море проходили маневры Северного флота.

Норвежцы, очевидно, должны чувствовать себя в безопасности. ●

СУДЬБА НИКОЛАЯ РЫЖКОВА

Николай Анатольевич Рыжков, Коля Рыжков, родился в 1964 г. Жил с родителями в Казахстане, в г.Петропавловске. Окончил восьмилетку, пошел учиться на шофера. Специальность Николай приобрести не успел – в сентябре 1982 г. он получил повестку из военкомата.

Военному делу его обучили на территории СССР, а через две недели после церемонии принятия присяги Рыжков узнал, что ему предстоит отправиться в Афганистан.

О дальнейшем сам Николай Рыжков рассказал позднее в интервью парижской газете "Quotidien de Paris": "Атмосфера в армии была сносной. В части среди ребят было взаимопонимание. С сержантами и офицерами более или менее ладили. Кого мы не любили, так это политруков. Это они, политруки, заговорили с нами об Афганистане. Они нам так объяснили: в Афганистане, мол, идут бои с китайской армией, которую поддерживают американские подразделения. Надо, значит, по просьбе законного правительства Афганистана защитить страну от китайско-американской агрессии.

Довольно быстро, я понял, что нас обманули. Меня определили в главный штаб советских войск в Кабуле. Разговоры, которые я слушал по служебному телефону, разговоры, которые вел с ребятами, побывавшими на передовой, прояснили дело — ни китайских, ни американских войск в Афганистане нет. Есть только повстанцы, которые сражаются за свою страну, вроде наших партизан, которые боролись с гитлеровцами в Великую Отечественную.

Мысль об этом приходила, наверное, не только мне, но вслух ее мы не высказывали, боялись, что кто-нибудь стукнет политрукам.

16 июня 1983 г. ночью я вышел за пределы части в солдатской форме, но без оружия, и блуждал по Кабулу до тех пор, пока не наткнулся на афганских партизан, которые были на операции в городе. Один из них немного понимал по-русски, и я сказал ему, что хочу бежать из армии. Афганец меня понял. Они меня спрятали в одном из домов Кабула, где я пробыл дней десять. Потом мне устроили очную ставку с другими дезертирами Советской армии, которые задавали мне разные вопросы, чтобы, как говорится, прозондировать, кто я есть. Потом спросили, имею ли намерение обратиться в мусульманскую веру и сражаться, как они, на стороне афганских повстанцев. Я объяснил, что у меня другие намерения, я хотел выехать на Запад, только и всего.

Сначала мне было страшно, потому, что политруки говорили нам, что афганцы зверски расправляются с военнопленными. Кажется, так оно и было в свое время. Но с тех пор политика по отношению к военнопленным изменилась."

24 ноября 1983 г. Коля Рыжков вместе с другим бывшим советским солдатом Александром Вороновым прибыл в Брюссель. Через четыре дня ребята были уже в Нью-Йорке. В США они получили статус политических беженцев.

Сначала все шло как будто бы хорошо. Николай получил работу. Сначала грузчиком, потом реставратором. Начал постепенно входить в новую жизнь. Однако для неопытного паренька из казахстанской глубинки оказалось слишком большим шоком перенестись за океан на незнакомый континент, без языка, без друзей, без понимания окружающей жизни. Николай затосковал по дому. И в этот момент — отнюдь не случайно — с ним встретились представители советского посольства.

Что происходило между ними — никому тогда известно не было. Лишь теперь мы узнали, что Николая уговаривали вернуться многие — включая самого тогдашнего советского посла в США Анатолия Добрынина. Добрынин по-отечески заверил юношу, что возвращение домой ничем ему не грозит, он не будет наказан. И Николай поверил.

17 декабря 1984 г. представитель госдепартамента США заявил, что Н.Рыжков выразил желание вернуться в Советский Союз. Поскольку демократическая страна никого не удерживает против воли, Н.Рыжков свое желание осуществил беспрепятственно.

Что случилось с Н.Рыжковым после этого?

В советской прессе его имя после этого промелькнуло только один раз. ТАСС, рассказывая о судьбах бывших советских военнопленных в Афганистане, вернувшихся домой, сообщал:

"ЦРУ всеми способами пытается заставить свои жертвы участвовать в антисоветских пропагандистских мероприятиях. Николая Рыжкова, к примеру, под страхом смерти принуждали говорить на пресс-конференциях заведомую клевету, публиковали от его имени всевозможные измышления. В конце прошлого года Рыжкову удалось вернуться в СССР, сейчас он живет со своими родителями в Казахстане."

Неясно как ЦРУ, но ТАСС определенно и лжет, и клеветает. Судьба Н.Рыжкова сложилась совсем не так. По возвращении в Советский Союз Николая поместили сначала на "дачу" КГБ в Шереметьево под Москвой. Через 9 дней его перевели в Лефортовскую тюрьму КГБ в Москве, где ему предъявили обвинение в "измене

Родине". О добрынинских заверениях никто не вспоминал. Теперь вместо "дачи" была одна из самых холодных камер в Лефортове, на той стороне, что выходит в сторону ЦАГИ, где целыми ночами, мешая спать, ревет аэродинамическая труба.

Потом был суд. Судил Н.Рыжкова военный трибунал. В зале суда в качестве зрителей сидели офицеры, ожидающие отправки в Афганистан. Прокурор потребовал для Н.Рыжкова 15 лет лагерей и 3 года ссылки. Суд дал "всего" 12 лет лагерей строгого режима.

11 декабря 1985 г. Николая Рыжкова отправили отбывать срок в лагерь ЖХ-385/3-5, что в пос. Барашево (Мордовская АССР).

О судьбе Рыжкова мы узнали. Но сколько других таких судеб, о которых мы пока можем судить только по информации ТАСС! Где вернувшийся вместе с Рыжковым Александр Воронов? Где возвратившиеся из Англии Игорь Рыков и Олег Хлань, интервью с которыми наш журнал опубликовал в № 8 за 1984 г.? Где Валерий Диденко, интернированный в свое время в Швейцарии и также возвратившийся? По сообщениям ТАСС, все они благоденствуют у себя дома.

Но хорошо бы узнать также номера их лагерей...

РАЗВЕНЧАНИЕ КИНОКУМИРА?

Политика ниспровержения авторитетов догорбачевской эпохи коснулась и кино. Заменой секретарей союза кинематографистов СССР, республиканских союзов, директоров некоторых киностудий, в том числе "Мосфильма", и главных редакторов киножурналов дело не кончилось. Началась осторожная критика режиссеров, еще вчера считавшихся столпами советского кино.

В передовой статье в номере от 15 июля газета "Советская культура", говоря о том, что "не иссякает поток фильмов удручающе низкого качества, ничего не дающих ни уму, ни сердцу зрителей", призывает не брать в расчет "былые заслуги", "ссылки на важность темы", "приятельские соображения". "Правда" и "Литературная газета" прошлись даже по официальным фильмам, посвященным сорокалетию победы в Отечественной войне, что, разумеется, невозможно сделать без указания секретариата ЦК КПСС. Картины эти, хотя и вышли на экра-

ны при Горбачеве, запускались в производство и снимались при предыдущих генсеках; зная темпы советского кино, можно предполагать, что еще при Брежнев. Речь идет о так называемых "крупномасштабных" боевиках "Победа" Е.Матвеева, "Берег" А.Алова и В.Наумова и "Битва за Москву" Ю.Озерова. Еще 26 апреля А.Плахов в "Правде" заметил, что эти фильмы "укрепляют уже завоеванные позиции", читай — старомодны... И вроде бы не прямо о них, но сразу после этих слов Плахов пишет: "И не может, естественно, не огорчать то, что появилось немало формально-юбилейных картин, профанирующих священную тему". В "Литературной газете" 4 июня он добавляет: "Даже такой особой значимости дата, как годовщина победы, стала поводом для появления фильмов, в дурном смысле "юбилейных" — фильмов изначально, уже в замысле, лишенных намека на художественный поиск".

В "зону критики" теперь попал и официальный "режиссер и актер номер один" советского кино Сергей Бондарчук, одного взгляда которого еще совсем недавно боялось кинематографическое начальство. Личный друг предыдущих секретарей ЦК по агитпропу, он приносил председателю Госкино и директору "Мосфильма" не заявку на фильм, а устное "указание", равнозначное приказу.

Взлет Бондарчука, начавшийся при Сталине, был стремительным. Окончив в 1948 г. мастерскую С.Герасимова на актерском факультете ВГИКа, он в том же году снялся в фильме своего учителя "Молодая гвардия" и сразу вошел в число официально признанных актеров. В 1951 г. сыграл главную роль в экранизации одноименного романа С.Бабаевского "Кавалер Золотой Звезды" и в том же году — главную роль в картине И.Савченко "Тарас Шевченко". Тогда снималось пять-шесть картин в год, Сталин смотрел все и по каждой высказывал свое мнение. На ночном просмотре "Тараса Шевченко", показывая на исполнителя главной роли, он сказал: "Настоящий народный артист". К концу просмотра уже были услужливо отданы необходимые распоряжения, и утренние газеты вышли с указом Президиума Верховного Совета о присвоении Бондарчуку почетного звания народного артиста СССР. Актеру был тогда 31 год — возраст, не "тянувший" даже на заслуженного артиста республики.

В 1952 г. Бондарчук получил за эту же роль Сталинскую премию. В 1953 г. снялся в дилогии М.Ромма об адмирале Ушакове. Затем сыграл доктора Дымова в экранизации чеховской "Попрыгуньи", и эта роль осталась в его актерской биографии лучшей. Пожалуй, она сравнима лишь с еще одним актерским достижением Бондарчука – Астровым в "Дяде Ване" Чехова, экранизированным в 1971 г. А.Кончаловским.

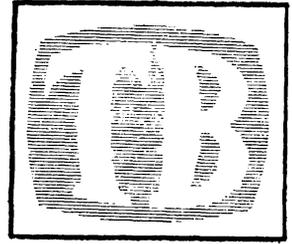
В 1959 г. началась режиссерская карьера Бондарчука – он экранизировал рассказ М.Шолохова "Судьба человека" и сыграл в нем главную роль. Хрущев дал ему за это Ленинскую премию и приказал экранизировать "Войну и мир": Хрущев посмотрел американскую киноверсию Кинга Видора и сказал, что советская должна быть лучше. На Бондарчука работал весь "Мосфильм". Он выполнил задание, сыграл в фильме роль Пьера Безухова, получил Государственную премию и множество других призов помельче.

Эти награды и новые ордена пришлось уже на брежневское время, в которое Бондарчук вступил маститым, важным, и секретари ЦК приглашали его на свои дачи для "дружеской встречи" за стаканом водки. Услужливая критика посвящала Бондарчуку статьи, брошюры и книги, он стал секретарем союза кинематографистов, вместе с женой – киноактрисой И.Скобцевой получил мастерскую во ВГИКе. Бондарчук стал олицетворением советского кинематографа за рубежом – играл русских персонажей в зарубежных фильмах, входил в жюри международных фестивалей и ставил самые "денежные" совместные с иностранцами картины (например, "Ватерлоо" с итальянцами). И одновременно много пил. Чем больше пил, тем хуже играл. Не приняв за завтраком стакана коньяка, из дома не выходил. Режиссерские его работы, и раньше кроме постановочного размаха ничем не отличавшиеся, были не только заурядными, но и беспомощными – взять хотя бы экранизацию шолоховского солдатского раешника "Они сражались за родину" (1975). Это не мешало им получать всевозможные награды и восторженную прессу. Бондарчук – единственный, кто мог делать все, что хотел: братья за любой сюжет, получать любые средства, снимать в любой точке планеты. Он единственный не только в кино, но и во всем советском искусстве, кто не отдает государству большую часть заграничных гонораров в валюте – добился права все оставлять себе.

Удар по Бондарчуку был нанесен неожиданно: секция художественного кино союза кинематографистов в ходе тайного голосования не избрала его делегатом на Пятый съезд кинематографистов, что автоматически лишало его возможности претендовать на должность не только руководителя, но и одного из секретарей союза. Затем в "Литературной газете" появилась статья А.Плахова, в которой в необычном контексте упоминался фильм Бондарчука "Красные колокола" – экранизация "Десяти дней, которые потрясли мир" Джона Рида – лживая, бездарная и нестерпимо скучная поделка, которую в свое время партийная печать превознесла до небес. Ведь если советская "Война и мир" должна была быть лучше фильма К.Видора, то "Красные колокола" обязаны быть лучше американской экранизации книги – фильма "Красные". И вот теперь А.Плахов, журналист из "Правды", выражающий, следовательно, не только свое мнение, пишет: "Следовало бы откровенно поговорить о том, какой экранный вклад в нашу реальную историю внесли "Красные колокола". И далее: "Если бы не было атмосферы априорного захваливания этой работы, мы бы куда скорее осознали, что в ее творческой методологии... себя закономерно исчерпало". Примерно то же самое пишет в газете "Советская культура" В.Демин, который предлагает на такие фильмы, как "Битва за Москву" и "Красные колокола" писать по несколько рецензий с разными точками зрения: "Сложный случай, вызывающий критическую разногласицу, как раз и требует гласности, рассмотрения с разных сторон". Тем самым дается понять: о Бондарчуке можно писать не только панегирики.

Впрочем, пока о падении Бондарчука говорить не приходится. На последний фестиваль в Канн он привез драматическую экранизацию пушкинского "Бориса Годунова", о которой французская пресса написала, что в ней хорошие массовки, исторически точные костюмы и удачные типажи, но "к кино все это не имеет ни малейшего отношения".

Бондарчук остался при всех своих званиях и регалиях. Он сохранил мастерскую во ВГИКе и продолжает руководить творческим объединением на "Мосфильме". Но, если воспользоваться новейшей газетной терминологией, Бондарчук выведен из "зоны безопасности". ●

ГОВОРИТ И ПОКАЗЫВАЕТ МОСКВА

Прошлым летом по советскому телевидению в часы, привлекающие наибольшее число зрителей, три дня подряд демонстрировался фильм из трех серий, снятый по советскому сценарию советским режиссером в исполнении советских артистов. Сценарий фильма был сделан по моему роману.

Мой роман "Документ Р" был опубликован в США в 1976 г., в 1977 г. его переиздали в мягкой обложке. Очень скоро он стал национальным бестселлером. Через 9 лет книга стала еще более известной в Советском Союзе благодаря русскому переводу, а особенно — благодаря популярному серийному телефильму.

Случай поистине уникальный. Однако то, как в Советском Союзе препарировали американский роман, дает нам прекрасную возможность увидеть, какую продукцию советская пропаганда производит для внутреннего потребления.

Чтобы было понятно, что в Советском Союзе сделали с моим романом, нужно вкратце напомнить, о чем говорится в "Документе Р". В романе повествуется о воображаемых событиях недалекого будущего, когда преступность и насилие в США достигли большого размаха. Властный и жестокий директор ФБР Вернон Тайнен, поклонник покойного Эдгара Гювера, продвигает новую, 35-ю поправку к конституции. Новая поправка дает главе ФБР и недавно созданному им Комитету национальной безопасности полномочия приостанавливать действие Билля о правах в случае возникновения в стране чрезвычайных обстоятельств. 35-ю поправку поддерживает Белый дом, и чтобы она стала законом, за нее должен проголосовать еще один штат — Калифорния.

Когда директор ФБР встречается с Генеральным прокурором США Ноем Бакстером, он посвящает его в свой секретный план введения 35-й поправки — план, получивший секретное обозначение "Документ Р" ("Документ Реконструкция"). Генеральный прокурор Бакстер потрясен тем, что он услышал, и у него случается удар. Из больницы Бакстер посылает за свои преемником, молодым Кристофером Коллинзом, чтобы открыть ему ужасную правду о "документе Р". Однако Бакстер умирает, не успев ничего сказать Коллинзу.

Постепенно Коллинз начинает подозревать о существовании опасного таинственного документа. В ходе его поисков он обнаруживает, что ФБР терроризирует калифорнийских политиков, пытаясь заставить их поддержать предлагаемую 35-ю поправку.

В своей борьбе с директором ФБР Тайненом Коллинз сам попадает в ряд грязных ловушек, от попыток шантажировать его сексуальными историями до угроз разоблачить якобы скандальное прошлое его жены.

Коллинз раскрывает существование созданного в соответствии с "документом Р" Арго-сити — призрачного города, построенного одной из американских компаний в Аризоне, где действие Билля о правах уже приостановлено и где граждане лишены всех конституционных свобод. Арго-сити — это своего рода репетиция того, что директор ФБР намеревается совершить, когда он получит власть над всеми Соединенными Штатами.

Когда решающее голосование в Калифорнии приближается, Коллинз, рискуя жизнью, раскрывает основной пункт таинственного "документа Р". Согласно этому пункту, путем убийства президента США должен быть создан национальный кризис, что даст директору ФБР основание приостановить действие Билля о правах. Коллинз разоблачает заговор. Калифорния голосует против 35-й поправки. Билль о правах спасен. Директор ФБР Тайнен кончает жизнь самоубийством.

Переводы моего романа вышли первоначально в 24 странах, включая Бразилию, Японию, Индию, КНР и Грецию. А затем, как ни удивительно, "Документ Р" был переведен в 25-й стране — в Советском Союзе. Сначала он печатался с продолжением в журнале "Вокруг света", а затем, в 1982 г., был выпущен отдельной книгой в "Воениздат".

Вслед за этим пришла уж совсем поразительная весть: "Беларусьфильм" в лице его главы Геннадия Адамовича Губского пожелал снять по моей книге фильм для советского телевидения.

Это было так необычно — я не слышал еще, чтобы по американскому бестселлеру снимали советский сериал, — что я согласился продать им право экранизации, хотя и не без опасений. Я подозревал, что мой роман могут использовать для того, чтобы изобразить ФБР более опасным, чем даже КГБ. Правда, моя озабоченность несколько смягчалась тем фактом, что мой роман имел "хэппи-энд", счастливый конец. В развязке достойный молодой Генеральный прокурор одурачивает "плохих парней" из ФБР. Демократия торжествует. Нет, определенно, советское телевидение не может исказить идею моего романа. Или все-таки может?

В должное время я получил из Москвы положенные мне по контракту видеокассеты. Ученый-американец, бегло говорящий по-русски, перевел мне диалоги из фильма.

Хотя в основных чертах советские постановщики следовали сюжетной линии романа, они, кроме того, включили в фильм ряд сцен собственного изобретения, представляющих собой злую антиамериканскую пропаганду. Некоторые из этих сцен незначительны, но они много говорят нам о советском образе мышления. Например, в моей книге Коллинз врывается в штаб-квартиру ФБР в Вашингтоне в попытке найти магнитофонные ленты с записью "документа Р". В советском фильме место действия изменено — Коллинз врывается в помещения нефтяной компании. "Они не могут себе даже представить, чтобы кто-либо осмелился ворваться в штаб-квартиру КГБ, — сказал мне один эксперт по советским делам, — поэтому они и внесли это изменение: для правдоподобия".

Другое изменение представляет собой уже значительное искажение. Речь идет об Арго-сити, городе, построенном одной американской компанией в Аризоне. Я изобразил его как мрачную, призрачную общину, лишённую всех свобод. Видимо, у советских постановщиков это вызвало тревогу: мое описание Арго-сити слишком уж напоминало средний город в Советском Союзе. Так что в советском фильме Арго-сити превращен в строго охраняемую общину, живущую за колючей проволокой. По советской версии — это концентрационный лагерь, где без ведома президента и Конгресса испытывается космическое оружие. Телевизионный Арго-сити кишит танками, ракетами и солдатами в касках, а американских граждан убивают при испытаниях оружия.

Но самое большое искажение приберегли для конца. В моем романе Коллинз оглашает "документ Р", спасает Билль о правах, а директор ФБР Тайнен кончат с собою. Демократия спасена. Не то в советском телефильме. Сценарист изобрел новую, леденящую душу развязку. Слышен некий, неизвестно кому принадлежащий Голос: "Если 35-я поправка будет провалена, директор ФБР нам более не нужен. Понятно? Будьте готовы". А когда поправка действительно проваливается, директор ФБР наблюдает за своим поражением с галереи для посетителей законодательного собрания штата. Советские телезрители видят его лицо на перекрестке нитей оптического прицела. Раздается выстрел. Директор ФБР убит. Кровь капает из его головы, когда его выносят из здания. Все сцена идет под музыку ударных инструментов. После заключительных титров музыка становится более меланхоличной, и крупным планом возникает лежащий на земле окровавленный американский флаг.

Для советского телезрителя демократия с устранением директора ФБР не торжествует. Ему внушают, что в США существует некто, более могущественный, чем ФБР. Это Голос, сила зла, продолжающий осуществлять контроль над Америкой. "Чей это голос?" — спросил я своего переводчика-ученого. "Это голос либо главы ЦРУ, — ответил он, — либо какого-то генерала, возглавляющего военно-промышленный комплекс. Это Некто, во всяком случае, не президент, а какое-то тайное лицо, правящее в действительности Соединенными Штатами".

Телефильм в точности соответствует тем представлениям, которые советское правительство хочет вложить в головы своих граждан: жизнь на Западе выглядит привлекательной, но она опасна и нездорова, а люди в действительности несвободны.

Чтобы усилить впечатление всеобщего распада и насилия, зрителям демонстрируют монтажи из американских программ новостей: кадры убийств на улицах. Комментатор говорит: "Американцы считают себя лучшей из наций. Но в чем они лучше других? Каждые две секунды в Америке происходит серьезное преступление. Убийство — каждые 23 минуты; изнасилование — каждые шесть минут". При любой возможности, американцы в советском фильме — кстати, все они с квадратными челюстями и прищуренными глазами — показаны сидящими перед телевизорами. Таким путем советские постановщики демонстрируют американский "декаданс", воплощенный в американском певце Майкле Джеконе, рекламирующем пепси-колу, сцене поножовщины, взятой из одного из его фильмов, и рекламе лимонада "Спрайт".

Чтобы подчеркнуть повальное увлечение американцев сексом, стражи в федеральной тюрьме показаны рассматривающими порнографические журналы. В постель к Коллинзу подкладывают проститутку. Директор ФБР смотрит телевизор, а рядом с ним сидит его голая подруга. Цельный ряд

мотивов, лишь слегка затронутых в моей книге, постановщики раздули до невероятных размеров. Если я написал, что некоторые молодцы из ФБР делают грязную работу, то в советском фильме ФБР буквально наводнило Америку своими агентами и на каждом дюйме установлен потайной микрофон.

Посмотрев фильм, мой переводчик, только что вернувшийся из Москвы после проведенных там семи лет, сказал мне: "Советская аудитория жаждет информации о Западе. Такая программа, безусловно, должна была вызвать большой интерес. Кадры с изображением демонстраций в США и зверств полиции — частое явление на экранах советских телевизоров. Но западные рок-группы по телевидению показывают лишь по особым случаям, например, на Пасху, в поздние вечерние часы, чтобы молодые люди оставались дома у своих телевизоров. Советские руководители не хотят, чтобы молодежь из любопытства ходила в церковь и интересовалась религией".

Анонсируя "Документ Р", еженедельник "Говорит и показывает Москва" назвал фильм "документальными размышлениями об американском образе жизни, полном политических интриг, секса и насилия. Трехсерийный фильм отражает тревоги и заботы Америки".

Каждая из серий (кстати, черно-белых) длилась 75 минут и была показана в самое удобное для зрителей время в среду, четверг и пятницу. Американское телеграфное агентство в Москве отправило репортера, чтобы посмотреть, какова будет реакция обычных людей. Одна молодая женщина сказала: "Как хорошо было увидеть и услышать Майкла Джексона, о котором я так много слышала!" Служащий средних лет, спешивший домой, чтобы посмотреть финальные эпизоды, сказал обеспокоенно: "Я никак не дождусь 7.45, чтобы узнать, что произойдет. Я так боюсь, что Коллинза убьют!"

Оценивая фильм в целом, газета "Советская культура" заметила: "Этот фильм — глубокое и документированное размышление о явлениях и фактах, которые западные официальные пропагандисты предпочитают обходить молчанием".

Московское бюро телеграфного агентства ЮПИ сообщило: "На зрителей произвел впечатление не столько политический смысл фильма, сколько короткие эпизоды, показывающие ночные клубы и таких звезд поп-музыки, как Майкл Джексон. Фильм резко расходится с ханжеской советской моралью: он полон едва одетых женщин и "горячих" сцен соблазнения; за минуту в нем проливается больше крови, чем большинство зрителей в Советском Союзе видели за всю свою жизнь. Показаны настырные репортеры, интервьюирующие продажных политиков в ходе регулярных "Встреч с прессой", модные автомашины, рекламный ролик с изящными нимфами, резвящимися на пляже с банками лимонада (в фильме он назван пивом), кровавая перестрелка в ресторане Макдональдс, вроде той, что произошла прошлым летом в Калифорнии".

В заключение я приведу комментарии моего друга, который хорошо знает русский и был в Москве во время демонстрации фильма. Он сказал мне: "Боюсь, что вы придете в ужас от бездарного исполнения и ужасной режиссуры. Но я не могу даже описать вам, до какой степени роман был в пропагандистских целях искажен! Все, что я могу сказать: слава Богу, что мы живем в нашей стране!"

Я могу к этому только добавить: "Аминь".

Ирвинг Уоллес (США)

ИЗ ГАЗЕТ: 60 ЛЕТ НАЗАД

ПЕРЕДОВОЙ ОПЫТ

В связи с организацией в Ленинграде ленинградской базы для советских граждан, эмигрирующих в Америку, Совторгфлот ведет переговоры с иностранными пароходными компаниями о предоставлении пассажирского тоннажа для переброски эмигрантов из Ленинграда в Англию, откуда на океанских судах они будут отправляться в Америку. Одновременно на пароходах будут перевозиться 200–300 эмигрантов. В ближайшее время будет приступлено к оборудованию эмигрантского дома, в котором эмигранты будут ожидать отправки. Пароход Совторгфлота "Совет" осенью будет передан для перевозки эмигрантов.

"Правда", 5 августа 1926 г.

СТЕНА

С вершины 150-метровой западноберлинской радиобашни Берлин кажется единым городом. Улицы изгибаются и пересекаются, образуя сплошную сеть. Шпили церквей возносятся и на Востоке, и на Западе, фабричные дымки поднимаются и тут и там, прямоугольные коробки жилых домов, спешно воздвигнутые на месте прежних руин, видны во всех направлениях. Симметрично закопченному куполу Берлинского кафедрального собора на востоке в западной части торчит черный обломок мемориальной церкви кайзера Вильгельма — в напоминание о гибели и возрождении города. Широкая улица имени 17 июня, перерезающая на западе зеленый Тиргартен, кажется продолжением обсаженной деревьями Унтер ден Линден. Даже черно-красно-золотой флаг над Бранденбургскими воротами на первый взгляд совершенно такой же, как флаг над восстановленным Рейхстагом, чуть левее от ворот. Лишь взглядевшись, замечаешь, что флаг над Бранденбургскими воротами немного иной: в центре его молот и циркуль — эмблема ГДР. Два флага, два Берлина, две Германии.

Вглядевшись в расстилающуюся перед тобой панораму, замечаешь еще что-то, от первого взгляда ускользающее: ломаную белую линию, стежками протянувшуюся по серой ткани города. Но эта нить не соединяет, а разъединяет. Это Берлинская Стена.

* * *

Берлин, которому в будущем году исполнится 750 лет, до сих пор юридически — оккупированный город. В соответствии с Лондонским протоколом 1944 г. германская столица получила особый статус и была поставлена под совместное управление четырех держав-победительниц: СССР, США, Великобритании и Франции. Город был разделен на четыре сектора. Советский Союз получил контроль над восемью восточными районами города — это 46% его территории и более трети населения. Двенадцать западных районов были отданы западным державам.

Четырехстороннее соглашение было вскоре нарушено Советским Союзом. В июне 1948 г. советские представители покинули высший орган управления Берлином — Союзную комендатуру, заявив, что сотрудничество с западными державами стало невозможным. За этим шагом последовала блокада Западного Берлина, длившаяся 11 месяцев. Наземные пути, связывающие город с Западной Германией, по которым поступало решительно все — от вооружения для союзных частей до продовольствия для населения, — были перерезаны. Город хотели просто задуть, но план сорвался — Запад ответил на него созданием воздушного моста. После того, как стало ясно, что город живет и будет жить, Советский Союз снял блокаду.

В ноябре 1955 г. Советский Союз объявил, что он в одностороннем порядке прекращает оккупационный режим Восточного Берлина. В нарушение союзных соглашений Восточный Берлин стал частью ГДР — его столицей. Был нарушен и демилитаризованный статус Восточного Берлина: на его территории были размещены восточногерманские войска. Окончательно — юридически — аннексия Восточного Берлина ГДР была оформлена в 1979 г., когда 66 депутатов от Восточного Берлина стали полноправными членами Народной палаты — восточногерманского аналога Верховного Совета.

Парадоксально, но именно Советский Союз, продемонстрировавший полное пренебрежение четырехсторонним соглашением о Берлине, утверждает, что ФРГ претендует на то, что Западный Берлин является ее частью. Между тем это не так. Конституция 1950 г. дает Западному Берлину статус западногерманской "земли", однако не интегрированной в Федеративную республику. Власть в Западном Берлине принадлежит правящему бургомистру и сенату из 12 членов. В бундестаге ФРГ Западный Берлин представ-

лен 22 депутатами, но они не имеют права голоса (в отличие от депутатов Восточного Берлина в Народной палате ГДР). Военные коменданты трех западных держав по-прежнему осуществляют оккупационную власть в Западном Берлине. Их декреты могут отменять действие на территории города как западногерманских, так и муниципальных законов. Впрочем, коменданты пользуются своей властью очень осторожно и без необходимости в дела города не вмешиваются — кроме вопросов, имеющих принципиальное значение. Так, союзный закон о демилитаризации запрещает производство и владение оружием в городе; западноберлинская молодежь не может быть призвана в бундесвер ФРГ (опять же в отличие от молодежи восточноберлинской). В целом западноберлинцы довольны присутствием союзных сил: в недавнем опросе общественного мнения его одобрило 77% опрошенных.

* * *

С самого начала столь необычное политическое формирование как Западный Берлин было, по выражению Н. Хрущева, "костью в горле" Советского Союза. Анклав, расположенный посреди восточногерманской территории, создавал для советских руководителей стратегические и политические проблемы — достаточно того, что американские, английские и французские военные соединения имеют право беспрепятственного доступа в Западный Берлин. Но самыми главными проблемами стали проблемы социальные.

Посреди ГДР, с трудом восстанавливавшей свое разрушенное войной хозяйство, успешно строившей социализм, но не благосостояние граждан, находилась вызывающая витрина западного мира — его процветающего хозяйства и свобод. Экономика города с помощью западных держав была быстро восстановлена, уровень жизни был очень высоким. Ломящиеся от товаров магазины, оживленные кафе и рестораны, людные бульвары, огни реклам и яркие краски афиш — все это находилось в резком контрасте с унылой реальностью восточной части города. Скрыть этот контраст было невозможно: восточноберлинцы свободно посещали западные секторы. Там же они могли приобрести газеты, журналы, книги со всего мира. Жесткая цензура восточногерманской прессы оказывалась бессмысленной.

Все это, разумеется, не проходило без последствий — с Востока на Запад через открытые берлинские "ворота" шел непрерывный поток беженцев. К 1958 г. — ко времени начала так называемого "берлинского кризиса" — из ГДР на Запад перебежало около 2,5 миллионов человек. Большинство их были молодые люди, многие — специалисты высокого класса. Страна буквально на глазах истекла кровью — лишалась человеческих ресурсов. В обратном направлении — в ГДР — бежать почему-то никто не хотел.

Берлинский кризис начался в ноябре 1958 г., когда Н. Хрущев потребовал вывода из Западного Берлина союзных сил и объявления его "вольным городом". Западные державы ответили на это ясным и недвусмысленным подтверждением своей приверженности к подписанным четырехсторонним соглашениям. Блеф Н. Хрущева не удался. Два с лишним года шла война слов — впрочем, преимущественно односторонняя, с советской стороны.

Наплыв беженцев между тем не только не уменьшался, но усиливался: в 1959 г. через Западный Берлин прошли 144 тысячи человек, в 1960 — 199 тысяч, только за первую половину 1961 г. — 100 тысяч. В июле 1961 г. ежедневно прибывало уже около тысячи человек. Люди "голосовали ногами" не в пользу "первого немецкого социалистического государства".

В марте 1961 г. Н. Хрущев повторил свое требование, теперь уже в виде ультиматума. Западным державам был поставлен срок — до декабря. Если они к этому сроку не эвакуируют Берлин, то против них будут приняты меры. Какие? Об этом оставалось

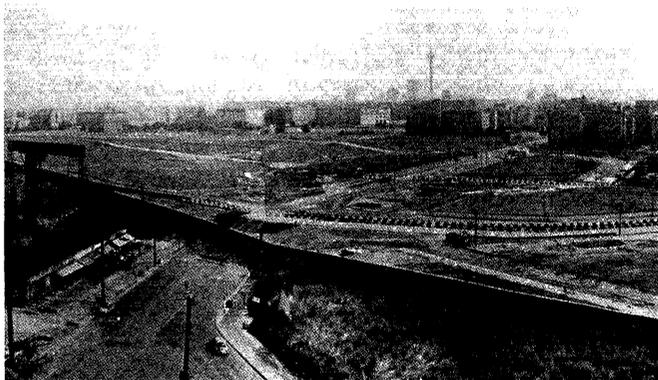
БЕРЛИНСКАЯ СЕНА

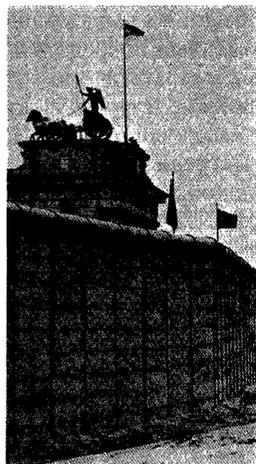
Первые дни.
Встречи через колючую проволоку

Первые дни.
Побег восточногерманского солдата

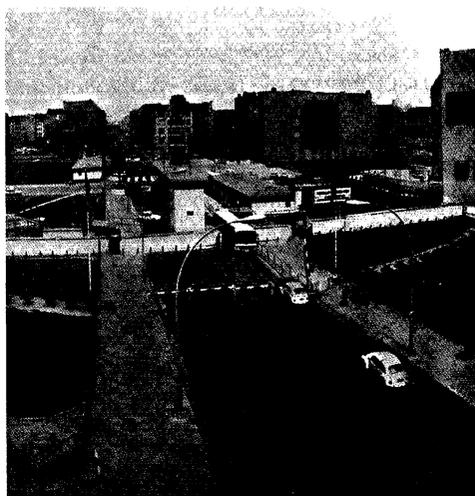
Потсдамерплац в 1976 г.

Сена у Бранденбургских воров

Противостояние советских и союзных танков у контрольного пункта (1961 г.)

Контрольный пункт Фридрихштрассе

Восточногерманские солдаты уносят тело Петера Фехтера от Стены

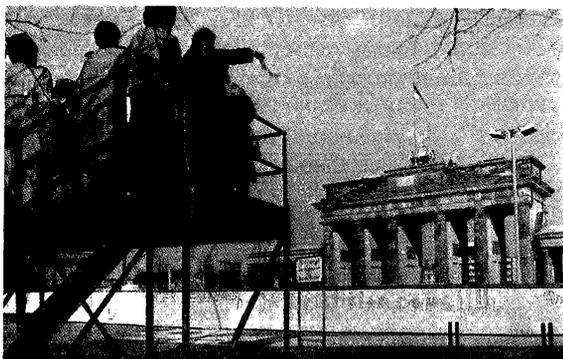
Памяти погибших у Стены

В радиаторе этой машины марки "Исетта" один за другим перевезли девять беглецов

Бегство на Запад по туннелю в районе Бернауэрштрассе

Вдоль Стены с западной стороны установлены смотровые платформы

Росписи Стены. "С 25-летием!"

только гадать. Большинство наблюдателей и военных специалистов полагали, что вновь будут перекрыты все линии сообщения между ФРГ и Западным Берлином, но на этот раз также и воздушные. Союзники начали разрабатывать ответные меры.

Полная блокада Берлина с неизбежностью означала бы войну. Это было ясно всем. Летом 1961 г., пожалуй, впервые после конца Второй мировой войны, в воздухе запахло новым мировым пожаром (такая ситуация повторится через год — в связи с кубинским ракетным кризисом).

В июне 1961 г. Н. Хрущев и Дж. Кеннеди встретились в Вене. Н. Хрущев привез с собой свои "мирные предложения", которые сводились опять же к эвакуации западными союзниками Берлина. Кеннеди, разумеется, их отверг. Хрущев с угрозой заметил: "Я хочу мира. Если вы хотите войны, пеняйте на себя". Кеннеди вспоминал позднее, что он покидал Вену с ясным ощущением того, что "предстоит очень холодная зима".

Возможность физического раздела живого организма города мало кому приходила в голову. Впрочем, руководство ГДР само, казалось, категорически отвергало этот вариант. Председатель Государственного совета ГДР Вальтер Ульбрихт на международной пресс-конференции 15 июня 1961 г. в Восточном Берлине решительно заявил: "В Западной Германии есть люди, которые хотят, чтобы мы мобилизовали строительных рабочих столицы ГДР на сооружение стены. Мне ничего не известно о таких намерениях. Строители нашей столицы заняты главным образом в жилищном строительстве, рабочая сила полностью используется для этой цели".

Мир, по-видимому, никогда не привыкнет к тому, что с высоких государственных трибун можно лгать столь открыто и нагло. Поэтому удар 13 августа пришел неожиданно. В это солнечное воскресенье правящий бургомистр Западного Берлина Вилли Брандт (ныне председатель СДПГ) находился в Западном Берлине, занятый своей безуспешной кампанией против канцлера Конрада Аденауэра. Президент Кеннеди был у себя в Хайаннис-Порте, в штате Массачусетс — отдыхал на яхте. Премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан охотился на куропаток в Йоркшире. Французский президент Шарль де Голль удалился в свое родовое имение в Коломбе-ле-Дез-Эглиз.

Утром этого дня берлинцы обнаружили, что город разрезан пополам колючей проволокой — где натянутой на столбы, а где просто набросанной спиральями. 193 улицы и переулки, проходившие через границу между советским и западными секторами, были перерезаны. Надвое был рассечен, пожалуй, самый оживленный перекресток Европы — площадь Потсдамерплац. По внешнему периметру города тянулись такие же заграждения.

Эта титаническая работа началась вскоре после полуночи; чтобы успеть ее завершить до восхода солнца, были мобилизованы четыре советских дивизии и 20 тысяч восточногерманских солдат, полицейских и строительных рабочих. Работами руководил тогдашний заместитель Ульбрихта и нынешний руководитель ГДР Эрих Хонеккер.

Вероломство властей ГДР вызвало вспышку возмущения у западноберлинцев и отчаяния — на востоке. Толпы собрались на западной стороне около заграждений, восточногерманские солдаты и полицейские угрюмо стояли по другую сторону, стараясь не реагировать на сыпавшиеся на них проклятия и оскорбления. Впрочем, возмущенную толпу сдерживала и западноберлинская полиция — все боялись вспышки, способной вызвать пожар, с которым будет уже невозможно совладать.

Возмущение по восточную сторону колючей проволоки если и было, то его боялись проявить. Люди были больше озабочены тем, чтобы найти хоть какие-то еще оставшиеся лазейки, проскользнуть, просочиться на Запад. Это мало кому удавалось. Более всего повезло тем, кто жил в домах, фасады которых проходили по границе между секторами — например, на Бернауэрштрассе. Они просто прыгали из окон на свободную территорию западного сектора. Западноберлинские граждане скоро сообразили, как помочь этим последним беженцам: из домов притащили палатки и одеяла и растяги-

вали их под окнами, подхватывая прыгавших. Кое-кому удалось проползти на Запад по еще не перекрытым тоннелям метро или перешлыть по каналам.

Берлинский кризис закончился.

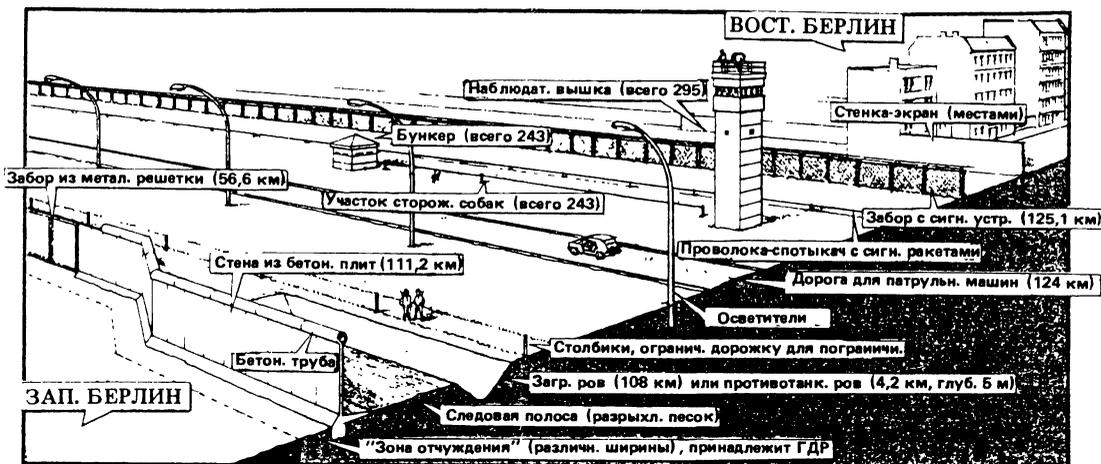
Западные державы были потрясены происшедшим, но не предприняли ничего. Ободренные этим восточноберлинские власти пошли дальше. Уже через несколько дней колючая проволока во многих местах была заменена каменной стеной. К середине сентября — через месяц — длина стены уже достигла 3 км и медленно, но верно продолжала увеличиваться. Начался снос расположенных вдоль межсекторной границы домов — чтобы ничто не заслоняло подходы к ней и не загромождало простреливаемого пространства. По периметру заграждения начали вырастать сторожевые вышки — почти точная копия лагерных. Через год их было уже 130. Там, где позволял рельеф местности или где стена еще не была возведена, люди, находившиеся по разные стороны заграждения, могли еще видеть друг друга, делать друг другу знаки — в этих местах были поставлены на некотором расстоянии от стены дополнительные легкие заборы-экраны, чтобы помешать такому "визуальному контакту".

* * *

На пятый год Стена выросла до 25 км. Из стройматериалов, пошедших на нее, можно было бы уже соорудить маленький город. Ульбрихтовские "строительные рабочие столицы" вынуждены были, очевидно, отвлечься от своей благородной задачи обеспечения трудящихся жильем. Еще в 1963 г., не прекращая основного строительства, каменную стену местами стали заменять железобетонной. В 1964 г. впервые к охране были подключены собаки, бегающие на цепи вдоль 100-метровой проволоки: 102 овчарки, специально тренированные на людей. В 1965 г. вдоль стены стали устанавливать серийно производившиеся бункеры. Колючей проволокой, все еще тянувшейся вдоль "незастроенного" периметра, можно было бы обернуть земной шар. Вдоль этого периметра стояло к тому времени уже 210 сторожевых вышек. Правда, за эти 5 лет накопилась и другая статистика — из числа ГДР-овских солдат и офицеров, воздвигавших и охранявших Стену, на Запад перебежало около 2000.

Шли годы, и величественное сооружение удлинялось, расширялось, совершенствовалось. "Антифашистская защитная стена", как ее с самого начала стали называть в прессе ГДР, постепенно превращалась в шедевр тюремного строительства. Вот как выглядит сейчас Стена — после четырехкратных перестроек и "модернизаций" — для человека, который попытался бы преодолеть это сооружение, направляясь, естественно, с Востока на Запад.

Сначала вы должны преодолеть металлический решетчатый забор с подсоединенными к нему устройствами, подающими сигнал тревоги на ближайшую сторожевую вышку. Забор этот протянулся на 125,1 км. Делая перебежку дальше, вы наткнетесь на низко протянутую проволоку-спотыкач и тем самым задействуете ракетницы с осветительными ракетами — если вы захотите совершить свой побег в ночное время. Вас увидят с одной из 295 расположенных за проволокой сторожевых вышек. На линии вышек установлено также 243 бункера с прорезями-бойницами, где тоже сидит стража. Между вышками и бункерами находятся участки с натянутой проволокой, вдоль которой бегают собаки. Теперь их больше, чем вначале: 243 участка, по числу бункеров. Преодолев это препятствие, вы попадаете на бетонную полосу — дорогу, по которой регулярно патрулируют автомашины с полицейскими. Сразу за дорогой — ряд осветительных мачт с мощными фонарями. Вас, пересекающего эту световую полосу, увидят пешие патрули,двигающиеся по дорожке, идущей вдоль линии осветителей. Дорожка эта лишь пунктиром ограничивающих столбиков отделена от мощного противотанкового рва глубиной до 5 м. По внешнему его краю идет широкая контрольно-следовая полоса,

песчаное покрытие которой регулярно разравнивают. И после этого — только после этого! — идет собственно Стена из железобетонных плит 4-метровой высоты. Поверх Стены проложена толстая (полметра в диаметре) бетонная труба: даже если вы, преодолев все препятствия, подпрыгнете на 4-метровую высоту, вы наверняка не зацепитесь за ее край. Стена как таковая тянется на 111,2 км. Она охватывает не весь периметр Западного Берлина: на остальных 56,6 км ее заменяет той же высоты металлический забор. Всего 167,8 км.

Все? Вроде бы все. Если не считать различных дополнительных устройств — таких, например, как экраны от любопытных, о которых говорилось выше. Или установленных наклонно стальных или бетонных плит со вделанными шипами. Плиты установлены там, где рельеф местности позволяет (и, значит, делает соблазнительным) перемахнуть через один из заборов или саму Стену: попытавшись сделать это, вы должны напориться на заболитиво приготовленные для вас острия.

Ширина всего комплекса Стены — около 100 м. Кроме нескольких узких проходов у специально оставленных контрольно-пропускных пунктов — таких, например, как знаменитый контрольный пункт “Чарли”, — полоса эта прерывается лишь однажды: у Бранденбургских ворот. Сюда водят туристов, посещающих Восточный Берлин. Впрочем, к Бранденбургским воротам они подойти не могут, подход к ним преграждают ряды противотанковых ежей. За воротами, примерно в 30 м, видна Стена, показать которую, собственно и привели группу. “Товарищи, — говорит гид, — было очень много направленных против нас провокаций с той стороны. Мы вынуждены были оградить себя от них.”

* * *

С западной стороны Стена местами представляет собой любопытное зрелище: ее гладкая бетонная поверхность испещрена эмблемами, рисунками, картинами. Тут и известные художники — Чарльз Хэмблтон, Том Скэпода, Кристоф Буше, бывший ленинградец, ныне западноберлинец Лев Нусберг. Еще больше любителей — каждый изошрется кто во что горазд. Кроме рисунков и картин — символы: пяти- и шестиконечные звезды, свастики, серпы и молоты, кресты... И еще больше надписей, сделанных чаще всего из пульверизатора, красным, синим, зеленым — всеми цветами радуги. И конечно, черным. Надписи призывные: “Долой Стену!” Острополитические: “Долой краснонацистский режим ГДР!” Философские: “Для мыслей и чувств стены не существует!”

Теологические: "На небесах стен нет". Насмешливые: "Ну, чего смотришь? Стены, что ли, не видел?" Недавно появились надписи юбилейные: "С 25-летием!". Самая длинная в мире "стена демократии".

Но среди "украшений" есть особые. Там и сям вдоль Стены стоят простые деревянные кресты. На них имя (а иногда и имени нет) и дата — все даты после 13 августа 1961 г. К крестам люди приносят цветы.

Кресты стоят в тех местах, где были убиты те, кто пытался сделать то, что, кажется, сделать невозможно, — преодолеть Стену, вырваться на свободу. Согласно лишь официальной западной статистике, при попытке бегства через стену было убито 74 человека. Наверняка их было больше — тех, кто погиб в самом начале отчаянного штурма укреплений и остался неизвестным.

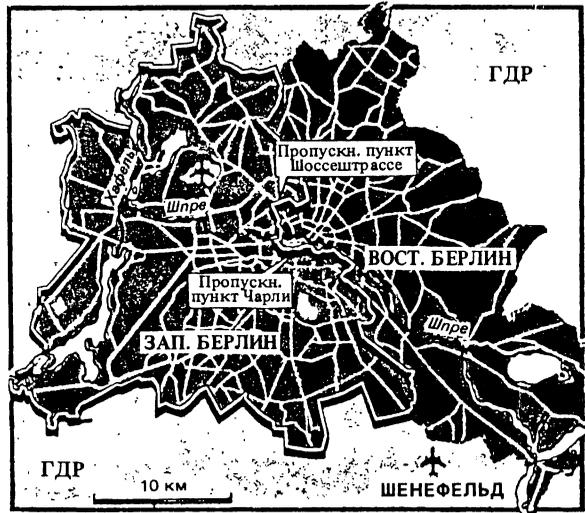
Именно расстрел беглеца окончательно закрепил в сознании берлинцев смысл Стены. 17 августа 1962 г., почти точно через год после воздвижения Стены, при попытке перебраться через нее был убит 18-летний мальчик Петер Фехтер. Пуля настигла его у самой Стены. Около 50 минут лежал он под стеной — с восточной ее стороны, — истекая кровью и крича о помощи. К нему не подошел никто. Западноберлинские полицейские, рискуя жизнью, пытались перебросить ему пакеты первой помощи. Когда Петера Фехтера, наконец, унесли, он уже умирал.

"Это был момент, — вспоминает западноберлинский журналист Герц, — когда мы, наконец, поняли, что именно значит для нас Стена, что раздел города необратим. Стена стала фактом нашей жизни. Все больше и больше людей приходило к Стене и стояло подле, часами глядя на нее".

Расстрелы беглецов перестали удивлять — от "той стороны" иного и не ждут, — хотя смириться с этим невозможно. Удивительно другое: невзирая на все преграды, за 25 лет существования Стены на Запад удалось успешно бежать 5 тысячам человек (правда, по мере усложнения охранной системы, побегов становилось все меньше и меньше).

У пропускного пункта "Чарли" находится уникальный музей — музей Стены. Им много лет руководит д-р Райнер Хиллебрандт, человек, посвятивший свою жизнь тому, чтобы память о Стене не угасла в мире. Музей — удивительная энциклопедия человеческой изобретательности, которую обостряет не только забота о хлебе насущном, но и мечта о свободе.

Как только ни преодолевали граждане "первого в мире социалистического государства на немецкой земле" "антифашистскую стену"! Бросались через Стену "на рыбок". Прятались в радиаторах или специальных контейнерах, смонтированных под шасси автомашин, проходящих через пропускные пункты. Посылали грузовики на таран шлагбаумов. Перелетали на воздушном шаре. Переплывали под водой в скафандрах каналы и реки — частично межсекторная граница проходит по ним, и там стоят свои специальные барьеры. В 1964 г. под Стеной был прорыт туннель длиной 145 м. Через этот туннель, высотой всего 70 см, пока его не обнаружили, на Запад перебралось 57 человек. Из окна одного из домов невдалеке от Стены на другую сторону был переброшен канат, по кото-

рому при помощи специально сконструированного роликового устройства переехала целая семья: стражам на утро осталось лишь разочарованно свернуть протянутый над Стеною канат.

В обратную сторону не бегут. Впрочем, известен случай, когда западноберлинец, протестуя против Стены, рассекавшей его город, направил на нее свою автомашину, совершив самоубийство. Восточногерманские власти ответили на это предьявлением счета за "повреждение государственной границы": 20 кв. м "поврежденной границы" были оценены в 3859,59 немецких марок.

Кстати, если исходить из этой суммы, то стоимость только собственно Стены — без всех перечисленных выше "вспомогательных устройств" — оценивается в 130 миллионов марок. А сколько стоят "вспомогательные устройства"? Во что обходится их эксплуатация в течение 25 лет? Речь уже идет о десятках миллиардов.

Впрочем, разве можно только в деньгах определять цену Стены? Какова политическая и нравственная цена этого шрама на живом теле города и нации?

* * *

Бургомистр Западного Берлина Эберхард Дипген говорит: "Мы рассматриваем Берлин как единый город. Мы ждем, что он в конечном счете станет столицей нации. Как только Стена будет разрушена, это будет единый город".

Впрочем, надежды на это сейчас практически равны нулю. Раздел Берлина — это еще и символ раздела всей нации. Правительство ГДР продолжает линию на увековечивание раздела, находя в этом полную поддержку со стороны СССР: "на немецкой земле исторически сложились два германских государства".

Время приглушает остроту политических проблем, скорее загоняя их вглубь, чем решая. Когда они вырвутся наружу, последствия могут быть катастрофическими. "Германский вопрос остается открытым, пока Бранденбургские ворота закрыты", — сказал недавно президент ФРГ Рихард фон Вейцзеккер.

После сооружения Стены Берлинский кризис уже более не повторялся в тех размерах, как это было в 1958—1961 гг. Острая напряженность сохранялась еще несколько месяцев после начала строительства Стены. В октябре 1961 г. восточногерманские власти пытались вопреки четырехстороннему соглашению воспрепятствовать доступу представителей союзных сил в Восточный Берлин. В течение нескольких дней советские и союзные танки стояли с наведенными друг на друга орудиями по обе стороны контрольных пунктов. Власти ГДР вынуждены были уступить. Президент Кеннеди, подчеркивая неразрывную связь свободы Берлина и всего Западного мира, посетив этот город, торжественно провозгласил: "Ich bin ein Berliner!" (Я — берлинец!)

Но с ходом времени напряженность ослабевала. Подписав дополнительное четырехстороннее соглашение, заключенное в 1971 г., советское правительство вынуждено было признать, что оно согласно уважать три существенные западные требования относительно Западного Берлина: право доступа граждан западных государств в Берлин, союзническое присутствие в Берлине, политическую свободу для граждан Западного Берлина.

Нельзя сказать, чтобы это соглашение соблюдалось идеально. Скорее наоборот. Время от времени восточногерманские власти пытаются "показать флаг" — разумеется, так, как они это понимают. Из самых последних примеров можно назвать советскую obstruction воздушных трасс в Западный Берлин весной 1984 г., закрытие пропускного пункта на мосту Глинике в ноябре 1984 г., новая попытка наложить ограничения на передвижения западных дипломатов весной 1986 г. Однако во всех случаях ГДР и советские власти, столкнувшись со спокойной, но твердой позицией Запада, были вынуждены отступить.

Последний кризис возник летом 1986 г. и продолжается по сей день, когда эта статья идет в печать. ГДР, используя свою авиакомпанию Интерфлюг, организовала воздушные мосты из ряда стран Третьего мира (Гана, Бангладеш и др.) в Восточный Берлин на аэродром Шенефельд. По этому мосту перебрасываются тысячи эмигрантов, которые стремятся вырваться из нищенских условий своих стран. Но в ГДР их не оставляют. Из аэропорта их переправляют поездами метро (сеть подземки находится под управлением ГДР) напрямиком в Западный Берлин, где эмигранты просят политического убежища.

При этом эксплуатируются два обстоятельства: Западная Германия и Западный Берлин имеют самое либеральное в мире законодательство о предоставлении политического убежища, а также широкую программу социальной помощи беженцам; кроме того, поскольку западные державы не признают Стены как государственной границы, они не производят при въезде в Западный Берлин пограничного контроля, и, следовательно, въезд осуществляется беспрепятственно (все препятствия — по ту сторону Стены, а в данном случае "та сторона" как раз и организует въезд).

В результате в Западный Берлин хлынул поток беженцев, из которых лишь малую часть можно назвать политическими. Ежемесячно прибывает более тысячи человек. Неожиданный наплыв их ложится тяжелым бременем на экономику и городское хозяйство Берлина, создает дополнительную межнациональную напряженность в городе — видимо, это и является целью запланированной акции. (ГДР между тем получает немалую сумму в твердой валюте от пассажиров воздушного моста.)

"Кризис с беженцами", вероятно, тоже будет как-то преодолен, но он еще раз показал, что незалеченная рана неизбежно дает и будет давать о себе знать.

* * *

Замкнутый со всех сторон Стеной Западный Берлин продолжает жить. Это и сейчас один из самых оживленных городов Европы. В нем 20 театров, 117 художественных галерей, 58 музеев, три симфонических оркестра (здесь работает всемирно известный дирижер Герберт фон Караян), два университета. Несмотря на разрушения военных лет, Западный Берлин вновь стал крупнейшим промышленным центром, специализирующимся на электронике, производстве частей для автомобилей, тонкой технологии. Здесь самый высокий в Западной Германии промышленный рост (3% в 1985 г.). Валовой продукт западноберлинской промышленности — 23,7 миллиарда долларов в год, ежегодно дополнительно инвестируется 1 миллиард.

Западный Берлин — веселый город. На площади у мемориальной церкви кайзера Вильгельма всегда оживленно — играют музыканты, мальчишки катаются на роликовых коньках, с лотков продают пиво, жареную картошку, сосиски — десятки видов самых разнообразных сосисок, в их числе сосиски со смешным названием "четверть метра" (они именно таковы!). Здесь начинается Курфюрстендам — Ку'дам по-местному — широченный бульвар, который в 30-е годы американский писатель Томас Вульф назвал самой крупной кофейней Европы. И действительно, по обеим сторонам Ку'дам десятки, если не сотни кафе вынесли свои столики на тротуар. Берлинцы сидят под красно-белыми зонтиками кафе Кранцлер, которое стоит на этом месте с 1820 г., смотрят на представления мимов и акробатов. Жизнь как жизнь...

Если бы не Стена. О ней помнят всегда, даже когда забывают.

У Берлинской стены есть младшая сестра — стена, разделяющая Никозию, столицу Кипра — обоих Кипров, греческого и турецкого. Как и Берлинская, она — памятник национальной трагедии. Но рядом с Берлинской Никозийская стена кажется какой-то домашней, несерьезной: мешки с песком, наваленные рядами, — вот и все ограждение, пересекающее кривые и грязные никозийские улицы. Кое-где фанерные вышки-плат-

формы, с которых смотрит на тебя сверху скучающий солдат. На запретительные надписи — ”не фотографировать” — можно не обращать внимания.

Да и обе Никозии — греческая и турецкая — не оторваны от своей пуповины. За каждой из них — своя земля, питающая их своими соками. Ты не чувствуешь себя окруженным, замкнутым, как в Берлине. Пожалуй, это сравнение вызывает особенно острое ощущение уникальности Берлинской Стены, Стены — символа.

25-летие сооружения Стены было отмечено по обе стороны по-разному. Скорбными митингами на Западе, торжествами и парадом на Востоке (даже юбилейную марку выпустили).

Да, Стена — это символ. Символ системы, сделавшей ксенофобию частью государственной политики и способной праздновать годовщину строительства тюрьмы. ●

К. Любарский

Строительство стены в районе Бернауэрштрассе

Джеймс МАЙКЛ (Лондон)

ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРИ СВЕТЕ ДНЯ

Предлагаемая вниманию читателя глава из книги Дж. Майкла "Политика секретности" посвящена проблеме столкновения интересов человека, общества и государства. Людям, воспитанным в условиях тоталитарной системы, совсем не просто понять суть этой коллизии. В Советском Союзе мир заполняет громада государства. Интересы государства (кто бы ни выступал под этим псевдонимом: партия, правительство, армия, КГБ, железнодорожный кассир или начальник ЖЭК) настолько выше интересов жалкой человеческой личности, что о столкновении тут не может быть и речи. Если государство перестает вдруг публиковать сведения о детской смертности или урожаях зерновых, никому и в голову не приходит сумасбродная идея — протестовать. Когда блаженной памяти Андропов ввел практику кратких сообщений о заседаниях Политбюро (упаси Бог, не того, что там говорилось, а лишь о чем) это вызвало всеобщий восторг и умиление. Еще бы! Государство высочайше соизволило приоткрыть малюсенькую щелочку, через которую рядовой гражданин, существо вовсе ничтожное, смог увидеть тень колеса могучего механизма власти.

При таком воспитании нам трудно постичь логику того, что происходит на Западе. А происходит там любопытные вещи. Давно уже стало очевидно, что у каждого из партнеров в системе государство—общество—человек есть свои интересы и эти интересы далеко не всегда совпадают. А поскольку такая коллизия реально существует, то должны существовать и способы ее преодоления, средства, позволяющие ограничить власть правительства, неправомерные претензии общества, чрезмерные аппетиты граждан. Достигается это разными путями: чаще всего законодательным и судебным. Разумеется, не всегда такие решения идеальны, порой они порождают споры и новые коллизии. Но уже тот факт, что о существовании проблемы говорят открыто, что она широко обсуждается и вызывает дискуссии на разных уровнях, позволяет понять природу демократии, ее принципиальное отличие от тоталитарных режимов.

В публикуемой главе автор рассказывает, как решается в Соединенных Штатах Америки вопрос о праве граждан на точную информацию о том, что происходит в государстве, включая самые высшие эшелоны власти.

Почти два века понадобилось Соединенным Штатам, чтобы ввести законы об "открытом правлении". До тех пор считалось само собой разумеющимся, что лучший способ обеспечения полной свободы информации — это отмена всех ограничений на свободу печати. Это вполне гармонировало с либеральными представлениями XVIII и XIX веков, в соответствии с которыми правительство рассматривалось в лучшем случае как неизбежное зло. То правительство считалось лучшим, которое меньше всего вмешивалось в дела управления страной. Распространено было мнение, что, если законодательные ограничения прессы свести к минимуму, будет зависеть только от рынка идей. Томас Джефферсон говорил, что "лучшее правительство — то, которое меньше управляет", и что он "скорее предпочел бы жить без правительства, чем без газет".

Первая поправка к Конституции Соединенных Штатов гласит, что "Конгресс не может принять закона, ограничивающего свободу... слова или печати". Верховный Суд США обычно истолковывает эту поправку если не буквально, то во всяком случае чрезвычайно либерально.

Американская пресса никогда не была и по сей день не является абсолютно свободной, но она в гораздо меньшей степени ограничена законом, чем, например, британская пресса. В частности, закон лишь в крайне редких случаях позволяет приостановить публикацию. Любые взыскания, допускаемые Конституцией, могут быть наложены лишь после того, как публикация уже состоялась. Они почти никогда не используются для того, чтобы ее предотвратить. Пожалуй, далее всего в либеральном толковании Первой поправки американский суд зашел в решении по так называемому делу о "Документах Пентагона", когда активист антивоенного движения Дэниэл Элсберг предал гласности попавшие к нему в руки секретные бумаги министерства обороны.

Но у этой Поправки есть и свои недостатки. С одной стороны, отсутствие сколь-нибудь серьезных наказаний за разглашение информации означает, что такие разоблачители как Дэниэл Элсберг, могут обнародовать сверхсекретную информацию и не понести за это никакого наказания. С другой стороны, информирование общественности о серьезных и щекотливых делах, часто связанных с правительственными секретами, остается на совести тех, кто вовлечен в подобные дела. В сущности, это зависит от готовности потенциальных разоблачителей рисковать личным и служебным положением. Теперь, правда, они находятся под защитой Закона о разоблачителях 1978 г.

За несколько лет до принятия этого закона, в 1966 г. Конгресс попытался поставить вопрос об обнародовании правительственных материалов на более надежную основу, вместо того, чтобы просто полагаться на то, что утечка информации поощряется отсутствием наказаний. Закон о свободе информации 1966 г. обязал федеральное правительство обеспечить доступ общественности к большинству документов, находящихся в его распоряжении. Этот закон стал первым федеральным законом такого рода, хотя попытки ввести сходное законодательство предпринимались в ряде штатов и раньше. Многие из этих ранних законов по существу превосходили также ныне действующие законы о "правительстве при свете дня" или "об открытых совещаниях", требующие, чтобы публика и представители прессы допускались на большинство заседаний правительственных органов.

Хотя свобода информации и право знать стали сегодня расхожими фразами, их смысл заслуживает внимательного рассмотрения. Выражение "свобода информации" в действительности не вполне точно описывает содержание закона США, носящего то же название. "Свобода" в данном случае просто означает отсутствие ограничений и в особенности наказаний, налагаемых законом. Гражданин и в самом деле волен "получать и распространять информацию", как это предусмотрено Всеобщей Декларацией Прав Человека, если он не боится наказания за это. Но это вовсе не означает автоматически, что у правительства есть какие бы то ни было обязательства снабжать его информацией. С другой стороны, "право знать" такое обязательство подразумевает. Если существует право знать о правительстве, значит правительство обязано информировать о своей работе.

Отсюда следует важное обстоятельство: если правительство обязано информировать, налогоплательщики должны за это платить, ибо регистрация, хранение, поиски и фотокопирование документов требуют расходов. Неудивительно, что правительство скорее захочет расходовать деньги на строительство больницы и авианосцев или информировать о своих блестящих достижениях, нежели тратить на предоставление информации, которая вероятнее всего будет использована против него же.

Конгресс Соединенных Штатов принял Закон о свободе информации, пусть с неточным названием, в 1966 г. в результате длительной кампании, проводившейся членом Палаты представителей от штата Калифорния Карлом Моссом, который был председателем влиятельного комитета Палаты представителей по надзору за действиями правительства.

До того, как это произошло, федеральные законы страдали двумя основным недостатками: Закон об административных процедурах 1946 г. открыл доступ к некоторым правительственным документам, но только для "лиц, имеющих к ним прямое отношение"; кроме того, закон не предусматривал никаких мер на случай, если в доступе к информации было отказано.

Закон о свободе информации категорически отверг требование о том, чтобы лица, желающие ознакомиться с правительственными материалами, доказывали, "для чего им нужно это знать". Право доступа к правительственным документам стало всеобщим (по крайней мере, для граждан США), а не правом, предоставляемым только лицу, имеющему для того веские основания. Кроме того, право окончательного решения о том, могут ли те или иные материалы быть изъяты из-под действия закона, было предоставлено независимым судебным, а не исполнительным органам.

Закон содержит девять исключений общего характера. Некоторые из них — например, исключения, дающие право не оглашать материалы, имеющие отношение к обороне и внешней политике, а также документы, содержащие сведения о частных лицах, в принципе понятны, хотя и они являются предметом серьезных споров, когда речь заходит об их применении. Другие — как, например, исключение, сделанное для информации о нефтяных скважинах, гораздо менее ясны. Сегодня политическое объяснение этого "геологического исключения" очевидно. Президент Линдон Джонсон, родом из богатого нефтью штата Техас, дал понять инициаторам закона, что он наложит на него вето, если это исключение не будет добавлено. В результате это исключение прошло, хотя при единогласной поддержке обеих палат Конгресса вето можно было бы отменить.

4 июля 1966 г. Джонсон подписал закон, ознаменовав это событие цветистой речью. Годом позже закон вступил в силу.

Далеко не сразу новый закон начал оказывать воздействие на жизнь страны, и далеко не сразу стали ясны его недостатки. Дело в том, что закон проводился в жизнь и интерпретировался федеральными судами. Органы правительства противились новому закону и не желали уступать. Министр юстиции выпустил меморандум о том, что большая часть исключений, освобождавших правительственные учреждения от обязанности обнародовать документы, может весьма широко интерпретироваться.

Учреждения быстро нашли способы отклонять запросы о доступе к документам, отказываясь, например, сообщать, располагают ли они требуемой информацией, и вздувая цены на поиски и копирование документов. Подлинно секретные документы намеренно хранились вместе с обычными для того, чтобы оправдать отказ предать гласности любой из них. В результате тактики проволочек проходили месяцы и годы, прежде чем дела доходили до суда.

Эти первые судебные дела, как и большинство дел, рассматривающихся ныне, кажутся странными тем, кто полагает, что такие законы, как Закон о свободе информации, изданы в первую очередь на благо прессы. Оказалось, что, пожалуй, все, кроме журналистов, пытались использовать закон, чтобы вырвать у правительства необходимые документы. Историки, промышленные компании, частные лица и лоббисты — все бросились в суды со своими исками. В судах их ждали и победы, и поражения, а в Конгрессе тем временем стали все больше ощущаться настроения в пользу углубления и расширения закона.

Политический климат начала 70-х гг. немало способствовал этому. По мере того, как всплывала Уотергейтская история, общественное мнение все менее было склонно соглашаться с такими доводами о необходимости хранить информацию в тайне, как то, что президент нуждается в откровенных советах,¹ и даже противилось засекречиванию документов по соображениям национальной безопасности.

¹ Содержание бесед президента с советниками обычно держится в тайне, так как не будучи уверенными в конфиденциальном характере этих бесед, советники не рискуют высказывать суждения, которые могли бы повредить им в глазах общественного мнения, прессы и т.п. — Прим.ред.

В 1974 г. чуть не произошел конституционный кризис, когда Верховный суд постановил, что президент должен передать печально знаменитые пленки с магнитофонными записями своих бесед с советниками специальному прокурору, назначенному для расследования Уотергейтского скандала. Президент считал, что это дело не имеет ничего общего с Законом о свободе информации, и заявил, что его отказ представить магнитофонные записи является "привилегией исполнительной власти".

Когда в 1974 г. поправки к Закону о свободе информации легли на стол президента, уже не Ричард Никсон, а Джеральд Форд отказался их подписать, заявив, что они "неконституционны". Однако эти поправки все-таки стали законом, когда две трети обеих палат Конгресса одобрили их и, таким образом, отменили вето президента.

Ныне действующий закон включает в себя поправки 1974 и 1976 гг. и применяется в интерпретации, данной ему судами. Но он не является единственным федеральным законом Соединенных Штатов о правительственной информации. Существуют также и относительно новые законы, такие, как Закон об охране личности 1974 г., Закон о "правительстве при свете дня" 1976 г. и наконец, Закон о разоблачителях 1978 г.

Эти законы будут далее описаны подробно, но, прежде чем рассматривать Закон о свободе информации, нужно дать о них хотя бы самое общее представление.

Закон об охране личности устанавливает для правительственных учреждений правила сбора и передачи информации о частных лицах. Он частично совпадает с Законом о свободе информации, предоставляя частным лицам право ознакомиться с большинством материалов, которые на них имеются у федеральных органов.

Закон о федеральном консультативном комитете требует, чтобы совещания правительства с промышленными группировками проводились открыто.

Закон о "правительстве при свете дня" получил свое название по часто цитируемому выражению верховного судьи Брандеса: "дневной свет является лучшим дезинфицирующим средством". В общих чертах этот закон провозглашает, что совещания руководящих комитетов многих федеральных органов должны быть открытыми.

Закон о разоблачителях защищает от репрессий тех государственных служащих, которые предали гласности "правонарушения, растрату или неэффективность в работе" администрации.

Закон о свободе информации

Закон о свободе информации послужил основой для сотен судебных исков в особенности после 1974 г. Существует едва ли не целая отрасль промышленности, порожденная этим законом: книги, бюллетени, конференции и т.д. и т.п. Сушность закона состоит в том, что все документы федерального правительства должны быть обнародованы. Из этого общего правила сделано всего девять исключений. Федеральные суды, однако, имеют право приказать федеральным органам обнародовать материалы, признав, что они необоснованно ссылаются на указанное в законе исключение.

Закон предусматривает три формы обнародования документов. Инструкции, которыми руководствуются федеральные учреждения, должны публиковаться в "Правительственных Ведомостях". Остальные документы должны находиться в открытом доступе в читальных залах, либо же они должны выдаваться по требованию. Кстати, большинство судебных дел было связано именно с отказом выдать затребованную информацию.

Закон распространяется на все исполнительные органы федерального правительства. Судебные органы, Конгресс и правительства штатов ему не подчиняются (хотя сегодня аналогичные законы уже есть и в большинстве штатов).

Исключения, предусмотренные законом, сформулированы в довольно общей форме. Чтобы их понять, надо обращаться к толкованиям, которые дали им суды.

Первое исключение сделано для информации, которая должна храниться в тайне в интересах обороны или внешних сношений. Но для того, чтобы документы могли держаться в тайне, они должны быть "соответствующим образом засекречены", и в решении о том, оправдана ли подобная секретность, последнее слово принадлежит суду. Это положение было установлено поправками 1974 г., отменившими ту интерпретацию закона, которая была дана ему Верховным судом в 1973 г. Дело, разбиравшееся тогда в Верховном суде, оказало очень сильное влияние на дальнейший ход событий.

Пэтси Минк, член Палаты представителей от штата Гавайи, вместе с некоторыми другими членами Конгресса возбудила дело об обнародовании материалов о возможном влиянии на окружающую среду ядерного испытания, которое планировалось провести в Тихом океане. Эти материалы были засекречены, и Верховный суд тогда постановил, что в соответствии с установленным исключением из закона секретность этих материалов обсуждению в суде не подлежит, "сколь бы циничной, близорукой и даже порочной, — выражаясь словами судьи Стюарта, — эта секретность ни была".

Поправки, принятые в 1974 г., сделали такие решения более невозможными — они предоставляют судам право изучать секретные документы и решать, соответствует ли их секретность закону. Суды имеют право изучать документы при закрытых дверях, чтобы определить, продолжает ли быть оправданной их секретность. Кроме того, они могут потребовать, чтобы документы были представлены на рассмотрение адвокатам лица, добывающегося доступа к ним, чтобы те имели возможность оспорить секретность этих материалов.

В 1978 г. президент Картер ввел новую систему засекречивания материалов (приказ президента № 12065). Эта система требует от работников, засекречивающих документы, учитывать, "не перевесит ли заинтересованность общественности в обнародовании этих материалов тот вред, который их разглашение могло бы нанести национальной безопасности".

Второе исключение относится к внутренним правилам работы персонала учреждения. Это исключение обычно толкуется лишь в очень узком смысле, и Верховный суд постановил, что "исключение № 2 неприменимо к делам, представляющим подлинный и значительный общественный интерес". Исключение защищает от разглашения лишь незначительные "домашние дела" — такие, как, например, условия паркования машин, принадлежащих служащим, или предоставление отпусков по болезни.

Внутренние инструкции, которые могут затрагивать интересы посторонних лиц, должны быть доступны для ознакомления. Верховный суд отвергает требования об удержании их в тайне на том лишь основании, что они предназначены для служебного пользования. "Секретные инструкции — это мерзость", — заявил суд. Инструкции для налоговых учреждений по расследованию налоговых дел могут быть сохранены в тайне только в том случае, если их обнародование затруднит выявление лиц, уклоняющихся от уплаты налогов.

Третье исключение относится к информации, не подлежащей разглашению согласно какому-либо другому закону. До 1975 г. обычно считалось, что новый Закон о свободе информации отменяет все более ранние законы о секретности. Согласно современному толкованию, другие законы о секретных материалах могут применяться лишь в тех случаях, когда они "устанавливают определенные критерии" секретности. Например, с индивидуальными налоговыми декларациями невозможно ознакомиться из-за ограничений, содержащихся в законах о налогах.

Однако Комитет защиты потребителей постановил, что положение о засекречивании информации, содержащееся в Законе о защите потребителя, не является достаточным основанием для того, чтобы удерживать в тайне информацию, полученную от предпринимателей, если пострадавший потребитель требует ее представить.

Согласно третьему исключению некоторые материалы Центрального разведывательного управления могут держаться в тайне, так как Закон о национальной безопасности 1974 г. позволяет ЦРУ засекречивать информацию, разглашение которой могло бы привести к раскрытию источников разведывательной информации и методов разведки.

Четвертое исключение обычно толкуется как "охрана торговых секретов". Оно позволяет засекречивать информацию, определяемую, как "торговые секреты или коммерческая или финансовая информация, полученная от другого лица и являющаяся конфиденциальной". Это исключение до сих пор вызывает страшную путаницу. Суды принялись истолковывать его так и этак, и в этом им очень помогли те компании, которые могли себе позволить дорогих адвокатов, не жалевших времени на обсуждение всевозможных толкований исключения — ибо определение "другие лица" может включать и эти компании.

Исключение это явилось также поводом для длительных тяжб, поскольку часто оказывались затронутыми финансовые интересы обеих сторон. Одни компании используют закон для того, чтобы заполучить информацию о компаниях-конкурентах, находящуюся в руках правительства. Почти столь же часто другие компании обращаются в суд в попытках не допустить разглашения информации о них самих.

Одним из последних дел, которое рассматривал Верховный суд в связи с применением этого исключения, был иск, предъявленный фирмой Крайслер. Фирма требовала предотвратить обнародование отчетов о занятости на ее предприятиях рабочих, принадлежащих к национальным меньшинствам США. Будучи поставщиком Министерства обороны, фирма была обязана представить ему эти отчеты. Фирма Крайслер нарушила Закон о гражданских правах, и кто-то потребовал поэтому обнародования соответствующей информации. В конце концов фирма дело проиграла, и ее отчеты были обнародованы.

Верховный суд вновь тогда повторил, что те положения закона, которые позволяют удерживать информацию в тайне, отнюдь не являются принудительными. Иными словами — суд может только подтвердить секретность документов, но не требовать их засекречивания. Суд постановил также, что закон о торговых секретах, квалифицирующий разглашение государственными служащими торговых секретов как преступление, не дает, однако, права фирме Крайслер препятствовать оглашению информации в делах о нарушении гражданских прав. Вслед за этим Министерство юстиции объявило, что федеральных служащих не будут преследовать за разглашение подобных данных, если они действуют в соответствии с Законом о свободе информации.

Не меньше споров вызывает и пятое исключение. Оно охраняет от разглашения внутриправительственную переписку, если она носит "совещательный" характер. Это исключение является очень важным: оно представляет собой попытку разрешить старый спор о том, не может ли разглашение консультации, данной конфиденциально, нанести ущерб ее эффективности.

Это исключение не ограждает от разглашения фактический материал, как, например, статистические данные или результаты лабораторных исследований. Кроме того, оно ограждает от разглашения материалы конфиденциальных совещаний только до тех пор, пока учреждением не будет принято окончательное решение. После того, как решение принято, содержание этих материалов должно стать доступным для ознакомления, если об этом от кого-либо поступит запрос. В 1975 г. Верховный суд указал, что последующее разглашение такой "предваряющей решение" консультации может только поощрить консультантов давать рекомендации. И в самом деле — если правительственные учреждения полагаются на советы консультантов, значит они заслуживают доверия.

Шестое исключение ограждает информацию о частных лицах от разглашения в том случае, если это является ничем не оправданным посягательством на права личности. Это, разумеется, не означает, что правительственные учреждения могут отказать человеку в доступе к документам, касающимся его самого, утверждая, что это было бы вторжением в его частную жизнь.

Это единственное исключение, требующее веских оснований для запроса об ознакомлении с материалами. Во всех остальных случаях доступ к информации является неотъемлемым правом каждого гражданина, и причина, по которой гражданин обращается за информацией, не имеет значения.

Седьмое исключение освобождает от разглашения "материалы следствий о преступлениях против закона". Это исключение подверглось очень серьезным исправлениям в 1974 г. По заявлению самого Федерального бюро расследований, первоначальный вариант исключения ограждал от разглашения практически все материалы ФБР, включая сведения о преследованиях различных политических групп. Сегодня материалы дел о нарушениях закона ограждаются от обнародования только в тех случаях, когда их разглашение может привести к одному из следующих тяжелых последствий: создание препятствий расследованию (следственные документы можно держать в тайне лишь пока они находятся в "работе", но не после того, как дело закончено); лишение частного лица права на беспристрастный суд; неоправданное вмешательство в частную жизнь; нанесение ущерба источникам конфиденциальной информации (только при расследовании уголовных дел или дел о подрыве национальной безопасности); раскрытие методов расследования; создание угрозы жизни для сотрудников следственных органов. Например, рассматривая одно из самых важных дел по этой статье закона, суд счел, что компания, которую Национальный совет по трудовым отношениям обвинил в несправедливом использовании наемного труда, не имеет права знакомиться с показаниями свидетелей до разбора дела в суде. Верховный суд постановил, что разглашение этих материалов до слушания в суде могло бы привести к попыткам запугать свидетелей или принудить их изменить показания.

Этот последний вариант закона явился объектом яростных нападок со стороны ФБР, которое пыталось добиться его изменения. ФБР чрезвычайно недоволено принятием Законов о свободе информации и об охране личности и объясняет это тем, что информаторы больше не поставляют ФБР сведений, потому что боятся разоблачений. А лица, все-таки снабжающие ФБР информацией, предпочитают оставаться анонимными и имеют для этого, похоже, все основания. С другой стороны, однако, нельзя не принять во внимание документально доказанные злоупотребления, допущенные ФБР в недавнем прошлом, которые никогда не были бы обнаружены, если бы в рамках Закона о свободе информации не состоялись важные судебные процессы.

Восьмое исключение ограждает от разглашения отчеты о результатах проверки работы банков и других финансовых учреждений. Судебные разбирательства в связи с этим исключением довольно редки.

Девятое и последнее исключение ограждает от разглашения информацию о нефтяных скважинах. Выше мы уже говорили, что оно было введено по настоянию президента Джонсона. Это исключение едва ли вообще когда-либо рассматривалось в судах. Известен единственный случай, когда суд, разбирая дело о материалах, представленных Федеральной комиссии по энергетике компаниями по добыче природного газа, просто вернул эти документы Комиссии, посоветовав ей подумать еще раз, нельзя ли их обнародовать.

Другие законы, обеспечивающие гласность

Кроме Закона о свободе информации важную роль играет также Закон об охране личности, который предоставляет человеку право ознакомиться с его личным досье, имеющимся у федерального правительства. В этом он совпадает с Законом о свободе информации. Закон об охране личности устанавливает, кроме того, правила сбора информации о частных лицах.

Законы эти оказались недостаточно скоординированными. Можно часто слышать жалобы на то, что Конгресс не очень четко все продумал, принимая в 1974 г. одновременно и поправки к Закону о свободе информации, и Закон об охране личности (хотя Комиссия по охране прав личности решила в 1974 г., что они должны усиливать друг друга). На всякий случай запросы об ознакомлении с личными делами оформляются таким образом, чтобы иметь возможность использовать подходящие статьи обоих законов.

Закон о свободе информации распространяется на все федеральные учреждения без исключения. Закон об охране личности содержит два исключения общего характера, ограждающие от разглашения все материалы Центрального разведывательного управления и многие документы ФБР и других учреждений, занимающихся расследованием уголовных преступлений. Однако если вы не совершали уголовного преступления, то любые другие материалы, которые почему-либо могло собрать на вас ФБР, оно обязано вам показать. Все прочие федеральные учреждения подпадают под действие закона безусловно. Вы имеете право доступа к вашему служебному делу (если вы были служащим в государственном учреждении), к армейскому досье, к документации налогового управления, полиции, органов соцобеспечения и многих других. Это позволяет гражданину аргументированно оспорить какое-либо решение правительственного органа по его делам, если он с этим решением не согласен.

Одним из важнейших положений Закона об охране личности является право человека не только знакомиться со своим личным делом, но и вносить в него поправки. Закон о свободе информации такого права не дает. Это тоже очень важное обстоятельство. Так, по закону досье американского гражданина не должно содержать никаких данных о его политических взглядах или вероисповедании. Если гражданин такие данные в досье обнаружит, он может потребовать их удаления или исправления (не позже чем в 30-дневный срок).

Закон об охране личности не породил такого потока исков, как Закон о свободе информации. Причиной этому явилось, по-видимому, то обстоятельство, что истцы, направляя в суд запросы об ознакомлении с личными делами, обычно используют более либеральные положения Закона о свободе информации.

Фактически Закон об охране личности является законом об "охране данных" — то есть он регулирует правила сбора информации о частных лицах. От других законов об охране данных, получивших в последние годы чрезвычайно широкое распространение в Западной Европе, он отличается двумя основными положениями. Во-первых, он распространяется только на федеральные учреждения и не контролирует коммерческие "банки данных" (они являются предметом внимания других законов). Во-вторых, в отличие от законов других стран, нацеленных главным образом на "банки данных" в компьютерах, этот закон распространяется и на рукописные и машинописные материалы.

Кроме того, Закон об охране личности предоставляет соответствующие права только гражданам США или иностранцам, постоянно проживающим в США. В этом он резко отличается от Закона о свободе информации, которым может воспользоваться любой человек независимо от гражданства и места проживания.

Закон об охране личности специально оговаривает, какие именно документы попадают в сферу его действия. Если учреждение может извлечь из своих архивов информацию о человеке, используя в поисках либо имя этого человека, либо любые другие сведения о нем, у самого этого человека тоже есть право ознакомиться с этой информацией. А если учреждение не в состоянии это сделать, не может получить информации и человек.

Закон об охране личности также ограничивает возможности учреждений в сборе информации о частных лицах и в передаче этой информации другим учреждениям, в том числе и неправительственным. Запрашивая у частных лиц информацию о них самих,

учреждения обязаны сообщать, зачем правительству понадобилась эта информация и что может произойти, если эти сведения не будут предоставлены.

Правительственные ведомства не имеют права передавать кому-либо сведения о частных лицах без их согласия. Из этого правила есть ряд исключений. Но даже в тех случаях, когда личное согласие не требуется, прежде чем передать информацию, к примеру, какому-нибудь другому правительственному ведомству, учреждение обязано зафиксировать письменно факт этой передачи.

Так же, как и Закон о свободе информации, Закон об охране личности проводится в жизнь федеральными судами. Частные лица могут требовать через суд соблюдения любого положения закона — например, права на ознакомление с материалами и внесение в них поправок, а также просить о возмещении убытков, если они могут доказать, что действия некоего учреждения нанесли им ущерб. За неподчинение закону судом может быть наложен штраф.

До сих пор не были известны сколько-нибудь серьезные судебные дела, связанные с Законом об охране личности.

Мой личный опыт, возможно, даст некоторое представление о том, как действует этот закон и какова его связь с Законом о свободе информации. Я послал два запроса, в которых просил выслать информацию обо мне самом. К запросам были приложены документы, удостоверяющие мою личность. Первый запрос был направлен в ФБР, которое очень быстро ответило, что не располагает материалами обо мне. Второй запрос пошел в Министерство обороны. Во время службы в армии я проходил там серьезную проверку, потому что должен был получить допуск к засекреченным шифрованным материалам. Ответ, пришедший оттуда через несколько недель, представлял собой пачку фотокопий (за которые по закону я должен был заплатить; плата, однако, очень невелика — от 10 до 25 центов за страницу фотокопии плюс почтовые расходы). Это были, главным образом, копии отчетов, составленных сотрудниками службы безопасности, которые опрашивали обо мне разных людей в различных уголках США. Только имена опрошенных были стерты, как того требуют Законы о свободе информации и об охране личности. Кроме того, согласно требованиям Закона об охране личности, было приложено извещение о том, что мое дело в свое время было передано для ознакомления Комиссии по надзору за гражданскими службами, где я временно работал. Отчеты точно отражали все факты и содержали беспристрастные комментарии. Поэтому не было смысла подавать заявление о моем несогласии с чем-либо, не говоря уж о том, чтобы требовать внесения каких-то поправок.

Существует еще целый ряд важных законов, имеющих прямое отношение к нашей теме.

Закон о Федеральном консультативном комитете — первый федеральный закон об открытых совещаниях — был утвержден в 1972 г. Таким образом Конгресс пытался отменить систему закрытых совещаний между сотрудниками руководящих учреждений и подчиненных им отраслей промышленности. Многие из этих совещаний тем не менее долгое время оставались закрытыми вследствие того, что суды очень широко толковали исключения из этого закона. Поэтому в 1976 г. в закон были введены поправки, чтобы максимально сблизить его со сходными положениями Закона о "правительстве при свете дня", который был принят в том же году.

Закон о "правительстве при свете дня" был утвержден в 1976 г. и вошел в силу в 1977 г. В сферу его действия попадают учреждения, руководимые коллегиально, не менее чем двумя лицами, большая часть которых назначается президентом. Таких учреждений в США больше, чем в европейских странах, и они относительно независимы от указаний президента. В их число входят более 50 организаций — таких, как Федеральная комиссия по торговле и Комиссия по надзору за ценными бумагами и их обращением, — выполняющих различные регулирующие и квази-судебные функции и, кроме того, имеющих право на выдачу лицензий.

Закон требует, чтобы совещания этих учреждений были открыты для доступа публики. Закрытые совещания можно проводить только в случаях, предусмотренных одним из десяти исключений, практически скопированных с исключений из Закона о свободе информации.

Но даже если заседания закрыты, закон требует представления отчетов об этих заседаниях в письменном виде или в виде магнитофонной записи. Эти отчеты или протоколы попадают в сферу действия Закона о свободе информации и поэтому могут быть впоследствии открыты для ознакомления.

Закон о "правительстве при свете дня" — все еще новинка, и его будущее зависит от того, как суды будут его интерпретировать. Некоторые простейшие вопросы все еще ждут разрешения — например, можно ли вести магнитофонную запись открытого заседания или снимать его на киноплёнку. Так как закон об этом ничего не говорит, некоторые учреждения ввели правила, ограничивающие пользование магнитофонами.

Закон о разоблачителях был утвержден в 1978 г. с целью защиты государственных служащих от административных репрессий в случае, если служащими были вскрыты нарушения закона или злоупотребления, допущенные правительством. В соответствии с формулировками закона, это означает возможность разглашения государственным служащим фактов, вскрывающих "нарушение закона, постановления или инструкции" или "дурное управление, крупные растраты фондов, злоупотребление властью или существенную и конкретную угрозу национальному здравоохранению или национальной безопасности".

Закон не защищает государственных служащих, если разглашенная ими информация находится под особой охраной закона или, согласно приказу президента, должна держаться в тайне по соображениям национальной безопасности или в интересах внешней политики. Во всех остальных случаях закон запрещает предпринимать какие-либо меры против служащих, включая понижение их в должности или перевод на другую работу.

Закон этот проводится в жизнь иначе, чем другие законы о предании гласности действий правительства. Вместо того, чтобы ждать, пока гражданин обратится за защитой в суд, закон установил нечто вроде арбитра в составе Канцелярии специального советника. Канцелярия располагает значительной властью и может прекращать репрессии против государственных служащих, требовать от учреждений отчетов по обвинениям, выдвинутым против них, и возбуждать дисциплинарные дела против должностных лиц, злоупотребивших властью в попытке отомстить служащему.

"Разоблачитель" защищается законом не только если он просто разглашает сведения в печати или передает их Конгрессу. Закон защищает его и в том случае, если он передает информацию Канцелярии специального советника или главным ревизорам правительственных учреждений.

Закон был принят после ряда случаев, когда государственные служащие были наказаны или переведены на другую работу за то, что они передали информацию в комитеты Конгресса. Одним из наиболее шумевших случаев такого рода было дело одного государственного служащего, значительно пониженного в должности после того, как он сообщил Конгрессу о том, что стоимость производства самолета С-5А, заказанного Министерством обороны, была невероятно завышена.

Игорь ЕФИМОВ (США)

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

Номенклатура и интеллигенция

Реальная власть в СССР (как и в любом устоявшемся коммунистическом государстве) принадлежит партийной *номенклатуре* — высшему слою правящей партии. Структуру этого слоя неоднократно изучали и описывали как внешние наблюдатели, так и те, кто ранее принадлежал к этому классу, а потом решил с ним порвать.

Интеллигенция как социальная группа не изучалась с таким вниманием. Принято считать, что она и так достаточно на виду. Бытует мнение, что, не имея никакой организационной структуры, интеллигенция не может играть активной роли в обществе. Служить катализатором каких-то процессов, отражать новые тенденции и конфликты — единственное, на что она способна.

Расплывчато и само понятие "интеллигент". Русские часто вкладывают в него оценочный смысл: одни скажут с одобрением — "он вполне интеллигентный, порядочный человек", другие используют это слово как ругательство: "ах ты, интеллигент паршивый!" Западные наблюдатели признают, что "интеллигенция" — явление специфически русское; оно не совпадает в полной мере с западными понятиями "интеллектуалы" или "средний класс". Все западные авторы, бывавшие в России, восторженно вспоминают о вечерах, проведенных в обществе русских интеллигентов, в тесноте их маленьких квартир, часто на кухнях (потому что в спальне уже уложены дети), с одной бутылкой водки на десять человек и кипящими тут же пельменями. Все они отмечают, что такой интенсивности и теплоты человеческого общения не доводилось им испытывать ни до, ни после.

Не пытаясь дать исчерпывающее определение понятия "интеллигент", выделим, по крайней мере, одно обязательное свойство, присущее каждому интеллигенту: необычайно широкий круг абстрактных интересов, не связанных непосредственно с личным благополучием данного человека. Это отнюдь не значит, что интеллигент должен быть непременно умен, хорошо образован, прозорлив, бескорыстен. В его характере и поступках могут проявляться все обычные человеческие пороки и слабости. В голове у него может быть полный сумбур, составленный из чужих мнений, неточных сведений, культуртрегерских мифов, диковинных умозаключений. Но при этом одно остается неизменным — он будет готов часами рассуждать о Платоне, дельфинах, кометах, театре Кабуки, строении электрона, фильмах Феллини, раскопках на острове Пасхи, летающих тарелках, Нагорной проповеди, дзен-буддизме, фаумских портретах, походах Наполеона, голландских тюльпанах и пр. Ибо он боготворит знание как таковое.

Это, на первый взгляд, малозначительное свойство, почти чудачество, заслуживает более пристального рассмотрения именно потому, что мы не обнаружим его в других социальных группах — ни среди власть имущих, ни в массах. И в бытность мою инженером, и в период литературной деятельности я не раз сталкивался с представителями номенклатуры разных рангов и уровней. Были среди них люди и безусловно умные, и неплохо информированные, и даже разговорчивые. Но я не помню случая, чтобы они дали втянуть себя в разговор на отвлеченные темы. От общения с ними всегда оставалось ощущение недоговоренности, неполноты, затаивания. Если номенклатурщик попадает случайно на интеллигентское сборище, ему никогда не удастся раствориться в нем, прикинуться своим, поддержать разговор. Общая беседа обтекает его, как река — корягу.

Таким образом, дачи, важные посты, закрытые распределители, командировки за границу, специальные поликлиники и курорты — лишь одна часть стены, отделяющей номенклатуру от интеллигенции. Вторая часть стены проходит в психологической сфере. Номенклатура и интеллигенция представляют из себя как бы две народности, имеющие каждая свою территорию, уклад жизни, традиции, верования, даже язык.

Но так ли непреодолима граница между ними? Нет, дверь в номенклатуру для интеллигента не закрыта. На моих глазах многих моих сверстников, да и меня самого усиленно уговаривали вступить в партию, обещали всевозможные льготы, продвижение по службе, хорошую карьеру. Номенклатура постоянно пытается привлечь людей с образованием и энергией, и можно привести немало примеров, когда ей это удавалось. Такие фигуры, как академики Келдыш и Капица, режиссеры Козинцев и Товстоногов, директор Новосибирского научного городка Лаврентьев или Иркутского — Мелентьев, занимали в течение многих лет высокие посты, оставаясь при этом стопроцентными интеллигентами. Не надо, однако, забывать, что при каждом из них был директор-администратор и секретарь парторганизации, назначенные непосредственно из рядов номенклатуры и осуществлявшие партийный контроль над вверенным учреждением.

“В номенклатуре объединены не представители других классов, а выскочки из них, — пишет М. Восленский. — Номенклатура — класс деклассированных” (“Номенклатура”, Лондон, 1985 г.).

На первый взгляд непонятно, почему далеко не каждый человек стремится попасть в номенклатуру, почему рвутся туда, как правило, одни посредственности. Ведь блага, которые дает принадлежность к номенклатуре, по советским масштабам непомерны. Но интеллигенция сопротивляется, уворачивается, отговаривается под разными предлогами, предпочитает оставаться в бедности и бесправии. Тот же, кто идет на сделку, проходит долгий и мучительный путь обламывания себя.

Наслаждение властью — весьма широко распространенное свойство, но все же его нельзя считать общечеловеческим. Есть люди, которые тяготеют властью, которым трудно отдать простое распоряжение подчиненному. (“Если у вас будет время, Иван Петрович, — говорил один инженер в нашей лаборатории своему механику, — не смените ли вы топливный насос у второй камеры?”) Интеллигент, как правило, не получает удовольствия от возможности распоряжаться другими людьми. У него другие способы самоутверждения, другие амбиции. Именно поэтому он с такой неохотой идет в номенклатуру. Его можно соблазнить материальными благами или возможностью получить интересную работу, но не главным “пряником” — властью над людьми, к ней он обычно равнодушен. Номенклатурное положение, как правило, делает человека профессионально непригодным ни для какого другого дела. Какой бы специальностью ни обладал завербованный в ряды власть имущих, лет через пять-шесть он забудет ее или, во всяком случае, утратит квалификацию. Тракторист разучится пахать, инженер забудет формулы, зазубренные в студенческие годы, врач разучится держать скальпель, писатель будет писать все скучнее и скучнее, моряк не найдет дороги из Ленинграда в Кронштадт.

Номенклатурщик всегда должен быть готов к тому, что его будут перемещать не только вверх и вниз, но и “по горизонтали”, то есть из одной профессии в другую. Тысячи городских партийцев отправлялись в деревню руководить колхозами, хотя никакого представления о сельском хозяйстве они не имели. В начале шестидесятых годов директором Центрального котло-турбинного НИИ в Ленинграде был назначен инженер-номенклатурщик Оглоблин, не имевший ни научной степени, ни опыта исследовательской работы и прославившийся только тем, что под его руководством на Кировском заводе сотни миллионов рублей были угроблены на изготовление турбины, оказавшейся нероботоспособной. Другого инженера поставили в семидесятые годы заведовать киностудией Ленфильм. Бывшего флотского офицера посадили в кресло главного редактора журнала “Молодой коммунист”. Большинство номенклатурных руководителей делают карьеру, минуя институт: через месткомы, профкомы, парткомы.

В результате в подавляющем большинстве случаев номенклатурный руководитель по профессиональному уровню гораздо ниже своих подчиненных. С одной стороны, это делает его еще более преданным партии и системе, потому что он осознает, что его благополучие целиком зависит от занимаемого поста, ибо сам по себе он — ничто. С другой стороны, сознание своей некомпетентности постоянно давит на человека, создает психо-

логическое напряжение, которое часто проявляется либо в виде вспышек необъяснимо-го начальственного гнева, либо, наоборот, в постоянной болезненной скрытности, в полном исчезновении живого человеческого лица за непроницаемой маской.

Любой номенклатурный руководитель имеет в своем распоряжении квалифицированных помощников и подчиненных, которые и снабжают его информацией, необходимой для принятия решений. Номенклатурщик обладает всей полнотой власти, но подчиненный-интеллигент располагает информацией, так что в известной мере всевластный начальник зависит от своего подчиненного. Только очень примитивным людям удается закрывать на это глаза, не страдать от собственного невежества, от постоянного попадания впросак. Именно поэтому люди недалекие и малообразованные успешнее делают карьеру в "коридорах власти". Но и они не могут не замечать того, что есть сфера им неподвластная, что чем дальше, тем чаще жизнь ставит их перед чертой, за которой они бессильны. В мире современной информации номенклатурщик беспомощен. Он попадает в зависимость от того, кого привык считать много ниже себя: от инженера, врача, учителя, химика, летчика, геолога, математика, агронома. То есть от специалиста-интеллигента.

Мы незаметно подошли к моменту, когда употребление термина *интеллигенция* в том значении, которое мы придали ему вначале, оказывается не вполне правомочным. Ясно, что речь идет уже о гораздо более обширной социальной группе, определяемой не психологическим складом, а родом занятий ее членов. То есть о той группе, которая в современном обществе осуществляет контроль за накоплением, хранением и использованием информации.

Александр Штромас называет их *технократами* и дает им следующее определение: "Работники умственного труда высокой квалификации, уверенные в том, что их знания и профессионализм найдут себе применение в любых обстоятельствах... И потому не слишком заинтересованные в сохранении советской системы".¹ Кеннет Гэлбрайт в своей книге "Новое индустриальное общество" назвал людей, управляющих производством в сегодняшней Америке, *техноструктурой*.

В данной статье речь идет о более многочисленной группе, чем та, которую Штромас называет *технократами*. В нее войдут также и учителя, библиотекари, агрономы, художники и другие, не имеющие отношения к технике, люди. Договоримся поэтому называть этот слой *информструктурой*, а отдельных представителей информструктуры будем называть, как их звали еще в двадцатые годы, — *спецами*.

Количественно интеллигенция соотносится с информструктурой примерно так же, как номенклатура со всей партией. Интеллигент вынесен на вершину информструктуры, ибо его вера в знание превышает средний уровень. Номенклатурщик возвышается над простыми членами партии потому, что его поклонение власти — символу веры всех прочих коммунистов — доведено до ее обожествления.

Секретность — оружие номенклатуры

Официальная секретная инструкция перечисляет темы, запрещенные в Советском Союзе к упоминанию в открытой печати.

...Статистика преступлений, число людей, вовлеченных в преступную деятельность, число арестованных и осужденных.

Информация о существовании исправительно-трудовых лагерей.

Статистика неграмотности.

Сведения о человеческих жертвах при несчастных случаях, катастрофах и пожарах...

Информация о последствиях ураганов, землетрясений, наводнений и других стихийных бедствий.

Размер общего фонда заработной платы... или баланс между доходами и расходами населения...

¹ A. Shtromas. Papers of the 2nd International Congress of Professors World Peace Academy (Geneva, Aug. 13–18, 1985), pp. 25–26.

Информация об экспорте в иностранные государства оружия, боеприпасов, военной техники, военного оборудования...

Число наркоманов.

Информация о производственных травмах.

Казалось бы, уж ураганы и землетрясения — зачем их скрывать? Ведь даже самые рьяные антикоммунисты не станут сваливать вину за них на советскую власть. Но нет — тайна.

Полный контроль над печатью, над радио- и телекоммуникациями, над почтой и телеграфом, над системой образования — непереносимое условие существования любой коммунистической диктатуры. Но как быть с другими сферами информационного обмена в современном обществе? Инстинкт номенклатуры говорит ей, что без распоряжения информацией нет полноты власти. С другой стороны, как мы уже говорили, пребывание в номенклатуре и умение распоряжаться информацией — вещи несовместимые. Поэтому всевластная номенклатура пытается преодолеть это противоречие, полностью подчиняя себе носителя информации — спеца-интеллигента.

Предельным случаем такого подчинения были сталинские *шарашки*, описанные Солженицыным в романе "В круге первом". Решение выглядело простым и дешевым: вы запираете несколько сот спецов в тюремных стенах, снабжаете их всем необходимым оборудованием и книгами и затем используете плоды их труда, подхлестывая их творческую энергию то "пряником" (лишней порцией сахарного песка, куском масла, свиданием с родными), то "кнутом" (карцером, угрозой возврата на лесоповал).

Но оказалось, что эффективность этих заведений низка. Без свободного обмена идеями, без свободного выбора сотрудников, без доступа к главным книгохранилищам дело шло через пень-колоду. Можно установить нормы на кладку кирпича, добычу руды, рытье канав. Но как установить норму на конструирование ракеты? Да такой, чтобы долетала до цели? Поэтому после смерти Сталина пришлось двери шарашек открыть и выпустить сотрудников в "большую зону". Роль колючей проволоки и часовых на вышках взяла на себя вездесущая *секретность*.

Железные двери спецхранов, подписки о неразглашении тайны, первая, вторая и следующие категории секретности, системы пропусков для входа на территорию завода и для выхода с нее, миллионы вахтеров, личные дела, тайно пересылаемые с предприятия на предприятие вслед за меняющим работу человеком. Можно задаваться вопросом: верят ли сами носители власти в то, что все эти меры необходимы, что агенты империализма охотятся за нашими научными открытиями и техническими секретами, которые, как правило, плетутся на 10—20 лет позади западных?

Курьезов, связанных с секретностью, можно привести тысячи. В 1946 г. в Англии вышел иллюстрированный альбом-каталог всех военных кораблей мира. В библиотеке Ленинградского военно-инженерного училища этот альбом был спрятан за семью запорами и выдавался только по особому разрешению начальства. Советские географические карты и атласы запрещены к вывозу из Советского Союза, но свободно продаются во всех книжных магазинах, торгующих советскими книгами за рубежом. Карты местности хранятся в сейфах райкомов, выдаются лишь под расписку. Летом 1941 г., когда началась война, карты оказались только у высшего командного состава. Командиры рот и батальонов были совершенно лишены возможности ориентироваться на местности. Поэтому шла охота за немецкими офицерами: у них-то в планшетках были отличные карты, со всеми российскими деревушками, речками и пригорками.

Секретность бьет главным образом по информструктуре. Как это ни печально, население охотно поддерживает культ секретности, ловит "шпионов", враждебно косится на иностранцев. Пятнадцатилетним мальчишкой я попытался сфотографировать какие-то пейзажи на берегу Черного моря и был немедленно задержан бдительным дровосеком. Десять лет спустя мы — молодые инженеры — снимали по поручению дирекции любительский кинофильм на территории института, и снова слесарь-активист "арестовал" нас и отвел к охранникам.

Под покровом секретности номенклатуре легче продвигать своих людей на ключевые посты в научно-техническом мире. Тысячи недочеток и бездарностей могут спокойно пребывать на директорских постах, получать зарплату докторов наук и не бояться, что их невежество будет когда-либо обнаружено. Государственная тайна — с ней шутки плохи!

Расходы на поддержание системы секретности огромны, а потери, наносимые ею народному хозяйству, выше во много раз. Если вы не можете собрать статистику авиационных катастроф и проанализировать причины аварий, ваши самолеты будут разбиваться и впрямь. Если запрещено передавать сведения об эпидемиях, значит вы не сможете быстро отыскивать их источники и предупреждать очередные вспышки. Если научные работы засекречены, значит в разных городах (а порой и на соседних улицах) люди будут тратить миллионы на разрешение одних и тех же проблем, дублировать без нужды работы друг друга.

Аргумент "для пользы дела, для пользы советского государства" часто мелькает на поверхности споров о секретности. Обе стороны пользуются им, но обе понимают, что аргумент этот камуфлирует более серьезный глубинный конфликт. Обладание информацией означает возможность принятия решений, означает обладание властью. Пока номенклатура отсекает информструктуру от огромных объемов информации, она может монополюльно осуществлять власть. Пока спец-интеллигент загнан секретностью и прочими ограничениями в клетушку своей профессиональной деятельности, он не может ощутить себя вполне личностью, страдает от унижения, чувства неполноценности, он беспомощен что-то изменить в обществе.

Таким образом, нелепая и смехотворная на первый взгляд пелена секретности является на самом деле частью тотальной и иррациональной системы власти. Секретность — это оружие номенклатуры в борьбе за контроль над информобменом. Нарушение секретности карается как покушение на прерогативы власти.

Но есть одна — численно небольшая — группа внутри информструктуры, которую оказалось почти невозможно опутать сетью секретности и которая приобрела несопоставимо большой вес в советском обществе. Это — интеллигенция художественная.

Неустанная забота партии об искусстве и литературе

Кому в СССР не нужно каждый день ходить на работу? Писателю, композитору, художнику, кинорежиссеру. Кому, кроме членов номенклатуры, предоставлены специальные поликлиники, курорты, жилые комплексы с хорошими квартирами, дачные поселки, личные автомобили без очереди? Писателям, композиторам, художникам, артистам. Кому нет нужды отсиживать каждый месяц на профсоюзных собраниях, терпеть над собой дурака-начальника, ездить в колхоз на уборку картофеля? Все им же. Кто ведет жизнь вольного предпринимателя, кто может при энергии и изворотливости заработать абсолютно законно очень большие (по советским понятиям) деньги, получить хоть на время материальную независимость от государства? Все они же. Кто чаще всего проявляет недовольство, выражает протест, порой рвется оставить эту сладкую жизнь и уехать из страны победившего социализма, а часто и бежит при первой предоставившейся возможности? Писатели, музыканты, художники, режиссеры.

Парадоксальность этой ситуации ставит номенклатуру в тупик. В середине 70-х гг. в творческих союзах (писателей, композиторов, художников, кинематографистов) проводились специальные встречи с партийными властями, целью которых было выяснить причины недовольства художественной интеллигенции. В Ленинградском обкоме нас, группу писателей среднего поколения, участливо спрашивали, чего нам не хватает, что, по нашему мнению, следовало бы предпринять. Одни отвечали уклончиво, отмалчивались: не станешь же объяснять хозяевам города, что люди, посаженные руководить издательствами и журналами, заботятся не о литературе, а только о собственной карьере и безопасности (как будто хозяева этого не знают!). Другие робко жаловались, что вот цензура иногда зажимает, придирается к совершенным пустякам. Вот детский писатель принес в журнал заказанную ему повесть, работал над ней год, а ему вернули. Почему? Все у него было правильно, дети в трудных обстоятельствах проявляли дружбу и самоотверженность. Только трудные обстоятельства состояли в том, что дети оказались в городе, где был объявлен холерный карантин, и им пришлось месяц провести в больничном изоляторе. Эпидемия холеры?! Нельзя, у нас не бывает. А этот вот (это был я) написал роман о временах Оливера Кромвеля, прошел двадцать цензурных проверок, а потом выход книги задержали чуть ли не на полгода из-за того, что художник использовал

рисунок старинной карты, изображающей берега Ла-Манша. Карта! Пусть даже Англии, пусть Голландии — нужна специальная проверка, специальная виза.

Партийное начальство слушало терпеливо, но при этом с недоумением качало головой. Цензура? Да разве ж это можно назвать цензурой? Так, охрана государственной тайны в печати. Вот в прежние времена бывала цензура!.. За одну опечатку в цитате из произведений вождя можно было 25 лет получить. Теперь не то...

Взаимопонимания не возникло.

Номенклатура смотрит на искусство всегда с одной лишь точки зрения: годится оно или нет для целей пропаганды. Однако в отличие от сталинских времен она понимает сегодня, что искусство, не проникающее до сердца человека, пропагандный заряд не донесет. Сегодняшняя номенклатура, росшая в тридцатые годы, сама, должно быть, помнит, как они на вечеринках танцевали под "буржуазного" Вертинского и переписывали из тетрадки в тетрадку "идейно чуждого" Есенина, а "пролетарские" произведения оставляли для декламации на торжественных митингах. Не надеясь больше никого обмануть обещаниями "коммунизма через 20 лет", зная, что из омертвевшего марксизма-ленинизма живой искры уже не выбить, номенклатура все в большей и большей степени пытается прибрать к рукам, примазаться к тому, для чего души людей еще открыты — к литературе, театру, кино.

Примазывание начинается еще со школы. Великая русская литература анализируется по одному единственному критерию: способствовала ли она "освобождению народа", приближала ли Октябрьскую революцию? Одному литературоведу газета "Правда" в 1971 г. заказала статью к 150-летию со дня рождения Достоевского. Взволнованный ответственным заданием литературовед каждый день звонил партийному референту, уточнял детали. Наконец, раздраженный приставаниями референт спросил: "Слушайте, что вы — не знаете, как подать Достоевского в советской упаковке?"

Проблема, однако, не в том, что литературовед был плохо натаскан, а в том, что русские классики в советскую упаковку не вмещаются. Книги Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Тургенева, Достоевского, Чехова, Блока остаются главной духовной пищей для миллионов людей в России. Если что и противостоит открытию идеологии большевизма, то это русская классика. Советскому человеку вбивается в голову, что классовая борьба оправдывает уничтожение "классово-чуждых элементов", а он упрямо продолжает любить "представителей эксплуататорских классов" Наташу Ростову и Пьера Безухова, сочувствует всей душой Онегину и Печорину, льет слезы над судьбой князя Мышкина, зачитывается "Дворянским гнездом", заучивает наизусть стихи: "И веют древними поверьями ее упругие шелка".

Литература и искусство остаются в глазах номенклатуры одновременно и эффективным инструментом воздействия на человеческие сердца, и опасно неконтролируемым пространством, на котором легко прорастают идеологические ереси. Двойственность отношения порождает и двойственность политики в отношении искусства. В постсталинскую эпоху мы наблюдаем одновременно и постепенную реабилитацию мертвых, и последовательное шельмование живых: травля Пастернака (1959—60), бесчинства Хрущева на выставке в Манеже (1962), суд над Бродским (1964), дело Синявского и Даниэля (1965—66), бульдозеры против независимых художников (1974), арест и высылка Солженицына (1974), разгром альманаха "Метрополь" (1979), принуждение к эмиграции Ростроповича, Неизвестного, Войновича, Максимова, Аксенова, Владимова, Тарковско-го, Любимова — все это лишь основные вехи последовательной войны с ретиками от литературы и искусства; можно было бы назвать еще многих и многих исключенных из творческих союзов, помещенных в черные списки, изгнанных из страны, арестованных.

С другой стороны, в эти же годы идет процесс возвращения в литературно-художественные святцы многих имен. "Реакционер" Достоевский не только был переиздан, включен в школьные программы, но буквально заполнил сцену и экран. Начали издавать "белоэмигрантов" Бунина и Цветаеву. Извлекались из запасников и выставлялись в музеях "упадочные" картины Фалька, Татлина, Гончаровой, Петрова-Водкина. Убитые режимом Бабель, Мандельштам, Клюев и десятки других постепенно появлялись в виде тонких сборников, снабженных обтекаемыми предисловиями. Возвращались на полки библиотек Платонов и Олеша, Ахматова и Зощенко. Самым знаменитым и читае-

мым писателем в 1960-е гг. стал "воскресший" Михаил Булгаков. Наступает очередь Гумилева и Набокова.

Память людская не так коротка, как того хотелось бы номенклатуре. Если человек видит, что десятки писателей и художников, запрещенных еще в годы его юности, через какие-нибудь 20—30 лет становятся классиками, он не может всерьез принимать очередные анафемы. Оказывается, что художественные произведения можно о б с у ж д а т ь, одно и то же произведение разрешается хвалить в одном журнале и ругать в другом, искусство становится сферой, открытой для дискуссий! Социальные, исторические, философские, этические, даже политические проблемы обсуждаются в СССР не в университетах, а на страницах романов, на сценах театров, в кинофильмах, в стихах и песнях. Не случайно и Самиздат сначала зародился как явление чисто литературное.

Но очень скоро Самиздат стал расширять свои границы. Отрезанная государственной монополией от изобретения Гутенберга, информструктура ухватилась за детище Ремингтона и попыталась самостоятельно заниматься решением политических и социальных проблем, которые оказались явно не под силу номенклатуре. Самиздат быстро стал разрастаться, превращаясь в открытый рупор диссидентства.

Движение диссидентов как контрнаступление информструктуры

Западные наблюдатели часто спрашивают, сколько диссидентов в Советском Союзе. И когда им отвечают, что активных участников этого движения от силы две-три тысячи, они, как правило, теряют интерес и лишь недоумевают: почему же власть преследует их с такой несоразмерной свирепостью?

Человек демократического общества, привыкший измерять политическую силу любого движения числом его открытых сторонников, числом потенциальных избирателей на выборах, не замечает, что в советских обстоятельствах такой подход бессмыслен. Насколько опасна горящая спичка? В свежем, орошаемом дождем лесу — совсем не опасна. Но после многолетней засухи она способна вызвать опустошительный пожар. Именно такой спичкой для пересохшего леса советской действительности были диссиденты, именно поэтому карательная машина кинулась "гасить" их с такой истерической поспешностью.

С другой стороны, советским подданным, помнившим безжалостность сталинских времен, поведение властей казалось непривычно мягким, чуть ли не беспомощным. Почему Солженицына только критикуют в газетах и на политзанятиях, но не арестовывают? Почему академику Сахарову не затыкают рот тем же немудреным способом, каким заткнули рот академику Вавилову и сотням других ученых? Или номенклатура утратила былую железную хватку?

Нет, хватка оставалась все той же, и вторжение в Чехословакию показало это вполне наглядно. Дело было в том, что номенклатура пыталась решить непривычную для нее задачу: найти возможность сосуществования с информструктурой, держа ее по-прежнему под контролем, но не доводя этот контроль до парализующей эффективности тюремного распорядка. То, что управлять современным индустриальным обществом без помощи и активного участия информструктуры практически невозможно, становилось постепенно ясно даже самым невежественным представителям партийной верхушки. В шестидесятые годы было сделано много шагов, направленных на улучшение положения информструктуры: были повышены зарплаты учителям и врачам, неуклонно росло число рабочих мест для научных сотрудников, им облегчались условия для покупки кооперативных квартир, удлинялись оплачиваемые отпуска.

Однако приручение информструктуры шло крайне медленно, сталкивалось с неожиданными трудностями. Оказалось, что страсть этого слоя к завоеванию все новых пространств в царстве информации так же иррациональна и неодолима, как и страсть самой номенклатуры — к власти; что невозможно было провести границу и сказать: эти книжки, нужные тебе для работы, бери, а посторонние не смей снимать с библиотечных полок; в этом научном иностранном журнале читай только статью по своей специальности, а в соседнюю (скажем, о падении рождаемости в СССР) не заглядывай; мы раз-

решаем тебе иметь пишущую машинку для печатания диссертации, а не для того, чтобы ты по ночам перепечатывал "Архипелаг ГУЛаг"; мы разрешим тебе время от времени встречаться с иностранным коллегой, но только для того, чтобы ты выведал у него производственные секреты, а не для того, чтобы он рассказывал тебе, живущему в коммуналке, про свою загородную виллу с бассейном и отпуск на Гавайях. Граница между разрешенной и неразрешенной информацией делалась все более размытой, пересекать ее становилось все легче. Номенклатура всегда действовала мерами *тотального* запрещения, полного засекречивания. Любая слабина, неоднозначность, любая щель в созданной стене немедленно начинала расширяться под напором изнутри.

Если мы изучим лозунги диссидентского движения, то увидим, что при огромном многообразии направлений было одно требование, которое выдвигалось почти всеми группами: *гласность*. В 1970 г. Рой Медведев, Андрей Сахаров и Валентин Турчин обратились к руководителям Советского Союза с письмом, где, в частности, говорилось: "Свобода информации и творчества необходима интеллигенции по природе ее деятельности, по ее социальной функции. Стремление интеллигенции к увеличению этой свободы является законным и естественным. Государство же пресекает это стремление путем всевозможных ограничений, административного давления, увольнения с работы и даже судебных процессов".

За исключением организации ВСХСОН, кажется, не было оппозиционной группы, которая объявляла бы своей целью свержение советской власти. Но гласности, открытости — то есть расширения информобмена — требовали все. Когда Сахаров и его сторонники часами выстаивали на улице у дверей суда, за которыми выносили приговоры правозащитникам, они добивались открытости судопроизводства. Когда Солженицын пускал в Самиздат рукопись "Архипелага ГУЛаг", он прорывал покров секретности, наброшенный на преступления недавнего прошлого. Буковский информировал мир о преступлениях советской психиатрии, Шаранский — о подавлении еврейской эмиграции, Григоренко — о преследовании национальных меньшинств. Подпольный журнал "Хроника текущих событий", просуществовавший много лет, был подчеркнуто беспристрастным изданием, которое с завидной объективностью информировало читателя о нарушениях прав человека в СССР.

В этом и состояла внутренняя связь ничтожной кучки открытых диссидентов с огромной массой информструктуры. Масса могла не разделять идеализма многих диссидентов, даже сердиться на то, что своим мученическим примером они разрушали ее душевный уют, но она не могла не ощущать родственности устремлений. Информация — это наш воздух, наш хлеб, мы не можем существовать без нее. Мы не претендуем на вашу власть, на ваши привилегии, на ваши посты. Но информация — это наша сфера, и любое урезание ее есть удар по нашим интересам. Загнанные в ловушку искусственного невежества, мы не можем почувствовать себя полноправными гражданами в своей стране, не можем реализовать свой творческий потенциал.

По невидимым каналам внутри информструктуры растекались потоки Самиздата и тамиздата, ночами перепечатывались и перефотографировались рукописи, крутились бобины магнитофонов, передавая все дальше песни Высоцкого, Галича, Окуджавы, пробились сквозь глушилки западные радиоголоса. Из числа этих тайных читателей и слушателей поднимались все новые диссиденты, занимали места арестованных и высланных. И хотя к началу восьмидесятых годов власти практически задушили открытое диссидентское движение, они не смогли отвоевать обратно территории, проигранные в битве за информобмен. Ибо на том глубинном, невидимом уровне, где проходила главная борьба, позиции рядового спеца-интеллигента остаются очень сильными.

— Вы хотите, чтобы улучшилась система здравоохранения в стране? — как бы говорят врачи. — Но как мы можем улучшить ее, если вы даже не сообщаете о вспышках холеры и сибирской язвы, чтобы мы могли исследовать причины; если лекарство, созданное в одном институте, может быть годами неизвестно даже врачам в соседних больницах?

— Вы хотите догнать Америку в области электроники? — говорят инженеры. — Но как мы можем сделать это, если вы даже не пускаете нас за границу, чтобы мы могли увидеть своими глазами то, что нам следует догнать и перегнать?

— Вы хотите оздоровить экономику? — говорят плановики. — Но дайте нам доступ к реальным цифрам производственных ресурсов в стране, не заставляйте пользоваться пропагандными фабрикациями ЦСУ.

— Вас тревожит падение рождаемости, пьянство, развал семьи? — говорят социологи. — Так разрешите нам проводить исследования, нормальные опросы населения, разрешите публиковать полученные данные.

И номенклатура нехотя и неумело поддается, уступает этому давлению: секретность не снимают, но рассылают врачам секретные же списки лекарств, которые не следует прописывать больным, потому что их недостает в аптеках; за границу специалистов не отпускают, но привозят им украденное или купленное оборудование, разрешают выписывать журналы; статистику по-прежнему хранят за семью замками, но социологические лаборатории кое-где открывают и, морщась, просматривают их невеселые отчеты.

Капитал и информация — исторические параллели

Западные общества не знают такого резкого, почти кастового разделения между властью имущими и информструктурой. Президент Картер после четырех лет в Белом доме возвращается к выращиванию арахиса и плотницкому ремеслу, Ричард Пайпс и Джин Киркпатрик оставляют посты в администрации Рейгана и удаляются в университеты; новые люди приглашаются на работу в правительство часто из гуши информструктуры, как, например, тележурналист Патрик Бьюкенен. Ни о чем подобном и помыслить было бы нельзя в Советском Союзе. Вход в номенклатуру крайне долг и труден, а выхода из нее нет. То есть можно быть выброшенным в пенсионеры, как Хрущев, или расстрелянным, как Берия. Но вернуться к нормальной профессии человек уже не может, ибо пребывание в номенклатуре неизбежно связано с дисквалификацией.

В обществах с рыночным хозяйством орудием контроля и управления в производственной сфере является капитал, взаимодействие спроса и предложения, естественный процесс ценообразования. Информация же поставляется на рынок, как и всякий другой продукт, она доступна одинаково и бизнесмену, и профессиональному политику, и профессору, и чиновнику, и студенту. В обществах коммунистических, где управление хозяйством построено на административном принципе, ключевым инструментом контроля и регулирования оказывается информация. Отсюда вытекает неизбежное возрастание роли той социальной группы, которая осуществляет информобмен — информструктуры.

В социально-историческом плане эта ситуация чем-то сходна с положением в абсолютных монархиях в периоды максимальной централизации. Королевская или императорская администрация сосредоточивала в своих руках всю полноту законодательной, судебной и исполнительной власти. Она пользовалась почти неограниченными возможностями отнятия у общества материальных благ путем налогообложения или же путем грубого произвола, конфискации, взяточничества. Но чтобы отнять блага, нужно, чтобы они существовали, чтобы кто-то произвел их. Производством же благ занималось бесправное третье сословие, контролировавшее рынок и капитал. Но не нужно забывать, что обладание капиталом ценится не выше, чем обладание информацией в обстоятельствах, когда владельца капитала или обладателя больших знаний одинаково легко можно упрятать за решетку.

Держать народ в крепостном состоянии и отбирать плоды его труда было одинаково несложно как во времена Людовика XIV, так и во времена Николая I или же Сталина. Но изъятие капитала из кошелька подданного в пользу центральной власти оказалось таким же трудным делом, как изъятие знаний из его головы. Как капитал приносит доход только при условии свободного и безопасного обращения на рынке, так же и информация в индустриальном обществе оказывается плодотворной при условии свободного информобмена. Проходят десятилетия, иногда века, прежде чем центральная власть начинает осознавать эту простую истину. И в этот момент можно ожидать перемен.

Природа капитала оказалась такой же неуловимой и текучей, как и природа знаний. При развитом рыночном хозяйстве капитал обращается уже не в виде кисетов, набитых золотом, а в виде колонок цифр, хранящихся в бухгалтерских и банковских книгах, а иногда и просто в памяти людей, доверяющих друг другу, ведущих дела под честное

слово. Попробуй-ка, конфискуй такие деньги! Абсолютистская власть, скрепя сердце, вынуждена была обращаться к третьему сословию и как бы говорить: да, мы видим, что силой нам денег из вас не извлечь, потому что они стали какие-то неуловимые и невидимые; ну-ка дайте нам в долг, а мы за это обещаем не слишком давить вас пошлинами и циркулярами и потом вернуть долг с хорошими процентами.

Обладатели капитала давали в долг и Карлу I Стюарту, и Людовику XIV Бурбону, и Николаю II Романову. Но как всякий кредитор, они начинали беспокоиться, когда видели, что должник ведет себя непредсказуемо, что он передоверяет управление бездарным министрам и генералам, лезет в безрассудные войны. Они лишали власть доверия и поддержки — и монархии рушились сами собой, вначале даже почти без крови, от одних речей в Парламенте, Генеральных Штатах, Государственной Думе.

Что впереди?

Приведенные параллели отнюдь не говорят о том, что власть номенклатуры находится накануне краха. Коммунистическая диктатура делает захват власти коммунистами практически необратимым явлением. Она сосредоточивает все силы и энергию на разрушении любых человеческих сообществ, любых независимых ячеек, из которых могла бы вырасти впоследствии альтернатива советской власти, иная форма организации общества. Создание "незаконной" организации считается самым страшным преступлением, а незаконными объявляются все организации, возникшие не по приказу сверху.

В новейшей истории можно привести десятки примеров, когда правые диктатуры уступали место демократическому правлению, как это произошло в Испании, Португалии, Греции и многих латиноамериканских странах. Правая диктатура, какой бы жестокой она ни была, не разрушает рыночный механизм управления хозяйством, ограничивает, но не уничтожает материальную независимость граждан. Но мы не можем привести ни одного примера возврата к демократии страны, "попробовавшей" коммунизм. Ибо коммунизм прожигает общество сверху донизу, разрушает все клетки его, оставляя только семью (а в предельных проявлениях покушается и на нее). После такой операции коммунистическая власть действительно начинает казаться населению неизбежной и незаменимой.

Именно поэтому — а не по трусости или по тактическим соображениям — большинство диссидентов не предъявляло номенклатуре требований отказаться от власти. Даже Солженицын в "Письме вождям" говорит только об улучшении управления страной, об изменении целей и задач. "Альтернативы нет, без нас общество рухнет в анархию", — как бы говорит номенклатура. И люди с трезвым политическим мышлением вынуждены с этим соглашаться.

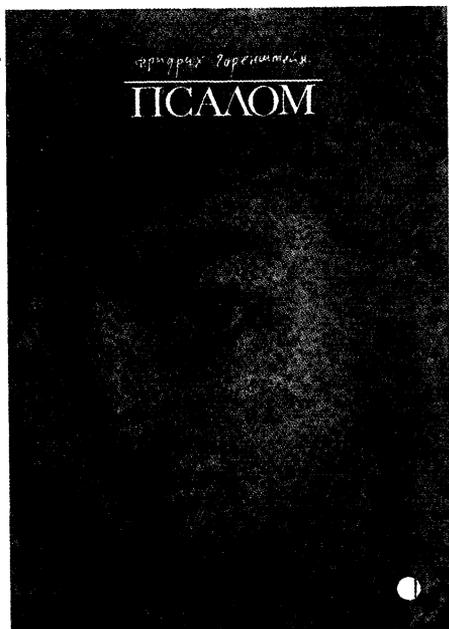
Но никакая социальная ситуация, никакая политическая система не могут существовать вечно. Сделав власть своей единственной монопольной привилегией, поставив себя над всем остальным обществом, номенклатура одновременно оказалась в зависимости от тех, кто ведет хозяйство страны, и от информструктуры. Каждый раз, когда нехватка продовольствия и товаров в стране и техническое отставание от Запада (особенно в военной сфере) будут подходить к опасной черте, власть будет начинать очередную кампанию за "повышение производительности", за "научно-техническую революцию", за "победу над коррупцией и пьянством" и т. п. Каждый раз при этом она будет обращаться к информструктуре с вопросом: что следует сделать, чтобы достичь поставленных целей? И каждый раз ответ — хотя, быть может, и не четко сформулированный, — будет по сути один: откройте нам доступ к реальной информации, ослабьте секретность, снимите запреты на контакты с Западом, перестаньте навязывать нам в начальники бездарей и неучей. Ответ этот всегда будет номенклатуре не по вкусу, очередная кампания понемногу сойдет на нет, но битва за контроль над информацией будет продолжаться и предопределять хозяйственно-социальные сдвиги в стране.

В информструктуре есть одна обширная группа, которой не только разрешено, но и предписано существовать в виде прочной организации: это кадровое офицерство. Хотя идеологический контроль в армии ведется с утроенной силой, стена, отделяющая специнтеллигента от офицера, гораздо ниже и тоньше стены, ограждающей номенклатуру от

всего остального народа. Огромное количество офицеров живет в городах, учится или преподает в военных учебных заведениях или на военных кафедрах институтов, перемешивается в повседневной жизни с прочим населением, ездит в тех же трамваях, стоит в тех же очередях, гоняется за теми же дефицитными товарами. Уровень технической образованности у них довольно высок, так что им не заказан путь демобилизоваться и найти хорошую работу "на гражданке". Относительно высокая зарплата не спасает их от трудностей социалистического быта, а доли в управлении страной у них не больше, чем у остальной информструктуры.

Недовольство среди офицерства — серьезная проблема. Бегство летчика Беленко на своем МиГе, попытка мятежа на военном корабле в Балтийском море, измены офицеров разведки начиная от Пеньковского и кончая Гордиевским — все это симптомы зреющего протеста. Как абсолютная монархия была уязвима для дворцовых переворотов, так и предельно централизованная система коммунистической власти уязвима для переворота военного. Достаточно ввести танковую дивизию в Москву и посадить на место правящего Политбюро ставленников армии — и вся страна начнет принимать распоряжения нового начальства. В истории советской власти такой прецедент уже имел место: Берия был устранен именно военной силой.

Конечно, государственные перевороты так же непредсказуемы и могут быть так же опустошительны, как землетрясения и извержения вулканов. Ученый может лишь отмечать активизацию подземных толчков, интенсификацию напряжения. Думается, имеющиеся в нашем распоряжении данные ясно указывают на то, что напряжение в отношениях между номенклатурой и информструктурой — один из самых серьезных факторов в современной социальной жизни Советского Союза. И та, и другая сила осознали противоположность своих устремлений и в то же время невозможность на данном этапе обойтись друг без друга. Борьба между ними идет не на уничтожение, но за контроль над информацией и информобменом. Судьба страны будет во многом зависеть от того, на чьей стороне окажется перевес в этой борьбе. ●

Огляделся Дан, Аспид, Антихрист вокруг, и верно, не много увидел он праведных лиц среди народа своего, идущего вон отсюда к могиле... Эта прелюбодействовала, этот обижал сироту, этот был скуп и ел поедом близких, этот грязно философствовал, этот лживо молился, эта предала, этот отрекся... И сказал Дан, Аспид, Антихрист:

— Кто же изгоняет нас и откуда изгоняет? Может, Господь изгоняет нас из Эдема? Может, святые ангелы изгоняют нас с неба? Нет, нас грешных изгоняют падшие грешники из падшего мира... Оглянитесь вокруг. Прелюбодеяние ли грех в этом падшем мире? Предательство грех ли? Грязная философия? Лживая молитва? В междоусобицах убивали мы своих пророков от Иеремии до Иисуса, но это ли редкость для падшего мира?

Издательство "Страна и мир"
выпустило роман Ф. Горенштейна

ПСАЛОМ

450 стр. Иллюстрации Б. Рабиновича
Цена книги 50 нем. марок

СТРАНА И МИР

DOMINUM ET VIVIFICANTEM ГОСПОДА ЖИВОТВОРЯЩЕГО

ЭНЦИКЛИКА ИОАННА ПАВЛА II

Третья часть Энциклики "Dominum et vivificantem" завершает нашу публикацию этого не вполне обычного для русской прессы документа. Тема Энциклики – присутствие Святого Духа в жизни католической церкви и всего мира. Третья, заключительная часть посвящена приближающемуся двухтысячелетнему юбилею христианства и трактует ряд актуальных проблем нашего времени; светский читатель обратит внимание, в частности, на страницы, где говорится об историческом и диалектическом материализме, о "знаках смерти", которыми отмечена, по мнению автора Энциклики, современная цивилизация. Более подробные сведения о традиции папских посланий Граду и Миру, а также краткая биография нынешнего римского первосвященника приведены в нашем предисловии ("Страна и мир", № 7, 1986). Энциклика "Dominum et vivificantem" обнародована Ватиканом в мае этого года. Перевод выполнен Борисом Хазановым, цитаты из Ветхого и Нового Завета приводятся по Синодальному изданию.

ЧАСТЬ III

Дух, который животворит

*1. Основание для торжеств 2000 года:
Христос, "принятый от Духа Святого"*

49. К Духу Святому обращается мыслью и сердцем Церковь на исходе двадцатого столетия и в виду третьего тысячелетия со времени пришествия Христа в этот мир, в предвидении великих торжеств, коими Церковь отметит эти события. Ведь и в человеческом летоисчислении пришествие это зафиксировано как событие, принадлежащее истории людей на земле. Принятое летоисчисление основано на отсчете лет, столетий и тысячелетий в их последовательности до или после Рождества Христова. Вместе с тем, однако, следует сознавать, что это событие для нас, христиан, означает, по слову апостола, "полноту времени", так как в нем история людей всецело пронизана Божьей "мерой времени" – трансцендентным присутствием Бога в вечном "Теперь". Он – Тот, "Который есть и был и грядет", "Алфа и Омега, начало и конец" (Откр. 1, 8; 22, 13). "Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную" (Ин. 3, 16). "Но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от жены... дабы нам получить усыновление" (Гал. 4, 4–5).

Оба евангелиста, которым мы обязаны сообщением о рождении и детстве Иисуса из Назарета, пользуются в этом случае сходными выражениями. Согласно Луке, Мария спрашивает после Благовещения: "Как будет это, когда Я мужа не знаю?" И получает ответ: "Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим" (Лк. 1, 34–35). Матфей сообщает в прямой фор-

ме: "Рождество Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде нежели сочелась она, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святого" (Мф. 1, 18). Иосиф, смущенный этим, получает во сне следующее объяснение: "Не бойся принять Марию, жену твою; ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого; родит же Сына, и наречешь Ему имя: Иисус; ибо Он спасет людей Своих от грехов их (Мф. 1, 20—21).

Вот почему Церковь с самого начала исповедует тайну вочеловечения, эту центральную тайну веры, в связи со Святым Духом. Она говорит в апостольском исповедании веры: "Принятый от Духа Святого, рожденный от Марии Девы". То же повторяется и в никейско-константинопольском Символе веры: он "воплотился чрез Духа Святого от Девы Марии и стал человеком".

Чрез Святой Дух человек, которого Церковь в том же исповедании веры признает и исповедует также и как единосущного Сына Отца, стал "Бог от Бога, свет от света, Бог истинный от Бога истинного", зачатый, но не сотворенный. Он стал человеком "во чреве Девы Марии". Это произошло, когда "исполнилось время".

50. Великие торжества в конце второго тысячелетия, к которым уже готовится Церковь, имеют непосредственно христологическое значение: речь идет о праздновании Рождества Иисуса Христа. Вместе с тем они имеют и пневматологическое значение, ибо тайна вочеловечения совершилась "чрез действие Святого Духа". Она была "задействована" через тот дух, который — будучи единосущен Отцу и Сыну — в абсолютной тайне триединого Бога есть "любовь в лице", несотворенный дар, который есть вечный источник всякого дарения Божьего в устройстве творения, равно как и непосредственный первоисток и в известной мере субъект самосообщения Бога в спасительном порядке. Тайна вочеловечения — высшая точка этого дарения и этого самосообщения.

Зачатие и рождение Иисуса Христа суть величайшее свершение Святого Духа в истории творения и спасения, высочайшая милость — "милость единения" как источник всякой иной милости, согласно объяснению Святого Фомы (ср. Фома Аквинский. Сумма теологии, III, 2, 10—12; 6; 7, 13). Великое торжество посвящено этому деянию, а также — если мы продумаем его во всей его глубине — Тому, кто его содейл, лицу Святого Духа.

"Полноте времени" соответствует на самом деле особая полнота самосообщения триединого Бога во Святом Духе. "Чрез действие Святого Духа" свершается тайна "гипостатического единства", то есть тайна соединения божественной природы с человеческой, божества с человечеством в единственном лице Вечного Слова и Сына. Когда Мария в момент Благовещения говорит: "Да будет мне по слову твоему" (Лк. 1, 38), она девственным образом зачинает человека, сына человеческого, который есть Сын Божий. В этом "вочеловечении" Слова и Сына самосообщение Бога достигает своей окончательной полноты в истории творения и спасения. Полнота эта находит особо концентрированное и красноречивое выражение в Евангелии от Иоанна: "И Слово стало плотью" (Ин. 1, 14). Вочеловечение Сына Божьего означает не только получение человеческой природы в единстве с Богом, но и до некоторой степени — всего того, что является "плотью": всей человечественности, всего человечества, всего видимого и материального мира. Таким образом, вочеловечение имеет и космическое значение и измерение. Будучи рожден "прежде всякой твари" (Кол. 1, 15) и принимая плоть в этом человеческом индивидууме, Христос тем самым соединяет себя со всей действительностью человека, который тоже есть "плоть", а потому и со всей "плотью", со всем творением (ср., напр.: Быт. 9, 11; Втор. 5, 26; Иов. 34, 15; Ис. 40, 6; 52, 10; Пс. 145, 21; Лк. 3, 6; 1 Петр. 1, 24;).

51. Все это совершается под действием Святого Духа и потому тоже принадлежит к содержанию близящегося великого юбилея. Церковь может готовиться к нему не иначе как в Духе Святом. Что случилось в "полноте времени" действием Святого Духа, сегодня может вновь пробудиться в памяти Церкви только чрез его действие. Его действием все это может стать современностью в новой фазе истории людей на этой земле: в 2000 году от Рождества Христова.

Дух Святой, чья сила осенила девственное тело Марии и осуществила в ней тем самым начало божественного материнства, в то же время сделал ее сердце полностью послушным тому самосообщению Бога, которое превосходит всякое понятие и всю силу

разумения человека. "Блаженна Уверовавшая" (Лк. 1, 45). Так приветствует Марию родственница ее Елизавета, которая тоже "исполнилась Святого Духа" (Лк. 1, 41). В словах приветствия той, кто "уверовала", сквозит отдаленный, но по сути дела очень отчетливый контраст со всеми теми, о которых Христос скажет, что они "не веруют" (ср. Ин. 16, 9). Мария вошла в историю спасения мира благодаря своему веропослушанию. Вера в ее глубочайшей сущности есть открытие человеческого сердца навстречу божественному дару — навстречу самосообщению Бога в Духе Святом. Как пишет Святой Павел: "Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода" (2 Кор. 3, 17). Когда триединый Бог открывает себя человеку во Святом Духе, это "самооткровение" становится откровением для человеческой твари и одновременно дарит ей полноту свободы. Эта свобода нашла свое возвышенное выражение именно через послушание Марии, благодаря ее "веропослушанию" (ср. Рим. 1, 5). Воистину "блаженна Уверовавшая".

2. Основание для торжеств: милость явилась

52. В тайне вочеловечения деяние Духа, "который животворит", достигает своей высшей точки. Жизнь, полнота которой принадлежит Богу, может быть сообщена лишь если она становится жизнью человека, каков Христос в своей человеческой природе, которая через "Вечное Слово" в гипостатическом единстве становится личностью. Одновременно по-новому открывает себя в тайне вочеловечения источник всякой божественной жизни в истории людей — Святой Дух. Слово, рожденное "прежде всякой твари" (Кол. 1, 15), становится "первородным между многими братьями" (Рим. 8—29); таким образом, оно становится и главой тела, каковым является Церковь, — Церковь, которая рождается у креста и откровение о которой совершается в день Троицы. Через Церковь же оно становится главой человечества — людей всех народов и рас, всех стран и культур, языков и континентов, которые все призваны к спасению. "И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины... источником воды, текущим в жизнь вечную" (Ин. 1, 14; 2, 14). Всем, кто его принял, оно дало силу стать детьми Божиими. Все это совершилось и совершается постоянно деянием Святого Духа.

"Сыны Божьи", по учению апостола, суть "все, водимые Духом Божиим" (Рим. 8, 14). Сыновство через божественное принятие в дети возникает в человеке из тайны вочеловечения, то есть благодаря Христу и ради него, вечного Сына. Но рождение или возрождение происходит, когда Бог посылает в сердца наши духа Сына своего (ср. Гал. 4, 6; Рим. 5, 5; 2 Кор. 1, 22). Ибо тогда мы принимаем "Духа усыновления, Которым зываем: Авва, Отче!" (Рим. 8, 15). Оттого это сыновство Божье, внедряемое в человеческую душу освящающей милостью, есть дело Духа Святого. "Сей Самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии. А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу..." (Рим. 8, 16—17). Освящающая милость в человеке есть начало и первоисточник новой жизни — жизни божественной, сверхъестественной.

Подаяние этой жизни новой есть как бы окончательный ответ на молитву псалмиста, в которой эхом отдается голос всех тварей: "Пошлешь дух твой — созидаются, и ты обновляешь лице земли" (Пс. 103—30). Тот, кто в тайне сотворения дает жизнь человеку и мирозданию в ее многообразных видимых и невидимых формах, обновляет ее через тайну вочеловечения. Так совершенствуется творение через вочеловечение и проникается с той поры силами избавления, охватывающими человечество и все сотворенное. Так говорит нам об этом Святой Павел, чье космически-теологическое видение словно бы подхватывает голос древнего псалма: все творение "с надеждою ожидает откровения сынов Божих", то есть тех, "кого Он предугадал", и тем "предопределил быть подобными Образу Сына Своего (Рим. 8, 19; 8, 29). Так сверхъестественное "принятие в дети" первоисточник которого — Дух Святой, оказывается для человека божественной любовью и даром. Как таковой он даруется человеку. И в сверхполноте несотворенного дара находит свое начало в сердце человеческого тот особый сотворенный дар, благодаря которому люди становятся "причастниками Божеского естества" (2 Петр. 1, 4). Так жизнь человека проникается соучастием в божественной жизни и оттого сама приобретает божественное, сверхъестественное измерение. В этой новой жизни как соуча-

сти в тайне вочеловечения люди получают "доступ к Отцу, в одном Духе" (Евр. 2, 18; ср. также Догматическое установление о божественном откровении "Слово Божье", 2). Существует, таким образом, тесная связь между Святым Духом, который животворит, и освящающей милостью, а также следующей из нее сверхъестественной жизненной силой в человеке: между несотворенным Духом и сотворенным человеческим духом.

53. Все это, можно сказать, вписывается в рамки вышеупомянутого великого юбилея. Следует, таким образом, перешагнуть историческое измерение события, которое до сих пор рассматривалось лишь поверхностно. Необходимо увидеть в христологическом содержании этого события его пневматологическое измерение, рассматривая двухтысячелетнее действие Духа истины глазами веры; Дух этот на протяжении столетий черпал из сокровищницы Христова спасения, даруя людям новую жизнь, приобщая их к себе как детей Божьих в едином Сыне и освящая их, так что и они могут повторить слова Святого Павла: "Мы приняли... Духа от Бога" (1 Кор. 2, 12).

Следуя этому мотиву предстоящих торжеств, нельзя, однако, ограничиваться лишь двумя тысячелетиями от Рождества Христова. Следует отступить еще дальше и охватить взглядом все действие Духа Святого до Христа — его действие с самого начала, во всем мире и прежде всего в спасительном порядке Ветхого Завета. Ведь это действие во всяком месте и во всякое время, более того — в каждом человеке совершалось по вечному плану спасения, посредством которого оно тесно связано с тайной вочеловечения и избавления, но уже успело воздействовать на тех, кто уверовал в грядущего Христа. Это особенным образом засвидетельствовано в Послании к Ефесянам (ср. Еф. 1, 3—14). Милость имеет поэтому христологический и вместе с тем пневматологический характер, который проявляется, прежде всего, в тех, кто ясно и четко веруют во Христа: "В Нем и вы... запечатлены обетованным Святым Духом, который есть залог наследия нашего, для искупления удела Его" (Еф. 1, 13—14).

В виду великого юбилея мы должны смотреть и дальше, и шире, потому что мы знаем, что "Дух дышет, где хочет" (Ин. 3, 8), как говорит, пользуясь наглядным сравнением с ветром, Иисус в разговоре с Никодимом. Второй Ватиканский собор, уделивший основное внимание теме Церкви, напоминает нам о действии Святого Духа также и "за пределами" видимого тела Церкви. Собор отчетливо говорит о "всех людях доброй воли, в чьих сердцах незримо действует благодать. Поелику Христос умер ради всех и так как поистине есть лишь одно последнее призвание человека — божественное, мы обязаны твердо считать, что Дух Святой всем предоставляет возможность присоединить себя к этой пасхальной тайне, а как — об этом знает Бог" (Пастырское установление о Церкви в современном мире "Радость и надежда", 22; ср. Догматическое установление о Церкви "Свет народов", 16).

54. "Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине" (Ин. 4, 24). Эти слова взяты из другого разговора Иисуса, при встрече с женщиной самаритянской. Великий юбилей, которым будет отмечен конец этого тысячелетия и начало следующего, должен стать мощным призывом ко всем тем, кто "поклоняется Богу в духе и истине". Он должен стать для всех особым поводом задуматься над тайной тринитного Бога, который как таковой вполне превосходит дух: "Бог есть дух" (там же). Но вместе с тем чудесным образом он не только близок этому миру, но присутствует в нем и в известном смысле имманентен ему; он пронизывает и оживляет мир изнутри. Это прежде всего относится к человеку: Бог присутствует в самых недрах его бытия, в его мышлении, совести и сердце; Бог есть психологическая и онтологическая действительность, размышляя о которой Святой Августин говорит: *Interior intimo meo* — "ближе мне, нежели самое глубочайшее мое" (ср. Августин. Исповедь, III, 6, 11). Слова эти помогают нам лучше понять ответ Иисуса женщине самаритянке: "Бог есть дух". Только дух может быть во мне глубже, ближе, чем я сам себе, как в бытийственном отношении, так и в духовном опыте; только дух может быть столь имманентен человеку и миру, не ущемляя и не меняя при этом своей абсолютной трансценденности.

Новым и зримым образом, однако, божественное присутствие в мире и в человеке открыло себя в Иисусе Христе. В нем поистине "явилась благодать Божия" (Тит. 2, 11). Любовь Бога Отца, божественный дар, безграничная милость, первоисток жизни открылись во Христе и ныне суть в его человечности "часть" мироздания, рода человеческого, истории. Это "явление" милости и благодати чрез Иисуса Христа в истории людей со-

вершилось действием Святого Духа, каковой есть первоисточник всякого спасительного деяния Бога в мире; он "Бог сокровенный" (Ис. 45, 15), который наполняет землю любовью и дарами. Вся жизнь Церкви, которая свидетельствуется в праздновании великого юбилея, означает движение навстречу сокровенному Богу, навстречу Духу, который животворит.

3. Святой Дух во внутреннем конфликте человека

55. Увы, из истории спасения явствует, что это приближение и сопричастие Бога человеку и миру, это чудесное "нисхождение" Духа в нашей человеческой действительности наталкивается на сопротивление и отвержение. Как красноречивы в этом отношении пророческие слова старого Симеона, который был приведен "по вдохновению в храм" в Иерусалиме, чтобы возвестить о новорожденном из Вифлеема, чтобы возвестить, что "лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий" (Лк. 2, 27, 34).

Противоположность Богу, который есть незримый Дух, проявляется в известной мере уже на уровне принципиального отличия мира от него, то есть вытекает из "зримости" и "вещественности" мира по сравнению с Богом, который "невидим" и представляет собой абсолютный дух, — из сущностного и неустранимого несовершенства мира по сравнению с ним, совершеннейшим бытием. Эта противоположность становится конфликтом, приводит к возмущению в этической области вследствие того греха, который овладевает человеческим сердцем: "ибо плоть желает противного духу, а дух — противного плоти" (Гал. 5, 17). Вот в этом грехе и должен Дух Святой "обличить мир", о чем мы уже говорили. К числу тех, кто особенно красноречиво описывает напряжение и борьбу в человеческом сердце, принадлежит Святой Павел. "Я говорю, — читаем мы в Послании к Галатам, — поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти; ибо плоть желает противного духу, а дух — противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы" (Гал. 5, 16—17). В человеке как в существе, соединяющем в себе дух и тело, уже поэтому существует известное напряжение, известная борьба направлений между "духом" и плотью". На самом деле борьба эта принадлежит к наследию греха; она его следствие и одновременно его подтверждение. Она, эта борьба, принадлежит к повседневному опыту. Как пишет апостол: "Дела плоти известны; они суть: прелюбодение, блуд, нечистота, непотребство... пьянство, бесчинство и тому подобное". Таковы грехи, которые можно было бы назвать "плотскими". Но апостол добавляет к ним и другие: "вражда, ссоры, зависть... распри, разногласия" (Гал. 5, 19—21). Все это — "дела плоти".

Этим делам, без сомнения, злым, Павел противопоставляет "плод духа", а именно "любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание" (Гал. 5, 22—23). Из контекста отчетливо следует, что в намерение апостола не входит дискредитировать тело, осудить телесную природу человека, которая вместе с духовной и душевной составляет человеческое естество и личностную субъективность человека; но речь идет о делах или, вернее, о привычных способах поведения — добродетелях и пороках, которые нравственно хороши или дурны как плод послушания (в первом случае) или сопротивления (во втором) по отношению к спасительному действию спасающего духа. Поэтому апостол пишет: "Если мы живем духом, то по духу и поступать должны" (Гал. 5, 25). И в другом месте: "Ибо живущие по плоти о плотском помышляют, а живущие по духу — о духовном... Но вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в вас" (Рим. 8, 5, 9). Противоположность, которую Святой Павел устанавливает между жизнью "по духу" и "жизнью по плоти", становится причиной дальнейшего противоречия: между "жизнью и смертью": "Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные — жизнь и мир", и далее следует поучение: "...если живете по плоти, то умрете, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете" (Рим. 8, 6, 13).

Стоит заметить, что это есть поучение и призыв жить в истине, то есть по заповедям правой совести, и одновременно — исповедание веры в Духа истины, как Того, кто животворит. Ведь "тело мертво для греха, но дух жив для праведности... мы не должники

плоти, чтобы жить по плоти" (Рим. 8, 10—12). Мы обязаны Христу тем, что в пасхальной тайне он осуществил наше оправдание, приблизив к нам Духа Святого: "Ибо вы куплены дорогою ценою" (1 Кор. 6, 20).

В текстах Святого Павла наслаиваются друг на друга — и взаимопроникают — онтологическое измерение (плоть и дух), этическое (нравственно-доброе и нравственно-злое), наконец, пневматологическое (действие Святого Духа в порядке благодати). Слова Павла, особенно в Посланиях к Римлянам и к Галатам, заставляют нас живо ощутить величие того напряжения и той борьбы, какие совершаются в человеке между открытостью по отношению к действию Святого Духа и сопротивлением ему, отвержением его, отвержением его спасительного самопредложения. Противоположные понятия или полюсы со стороны человека суть его ограниченность и греховность — невралгические точки его психологической и этической действительности; со стороны же Бога — тайна дарения, непрестанное самодарение божественной жизни в Духе Святом. Кто одержит победу? Тот, кто умеет принять дар.

56. Сопротивление Духу Святому, которое Святой Павел подчеркивает во внутреннем и субъективном измерении как напряжение, борьбу и восстание в человеческом сердце, находит, к сожалению, в различные исторические эпохи и особенно в наше новейшее время также и свое внешнее измерение, приобретая конкретные формы в содержании культуры и цивилизации как та или иная философская система, как идеология, как программа образования и действия для человеческого поведения. Это сопротивление находит свое наивысшее выражение в материализме, в его теоретической форме как в системе идей и в его практической форме как методе истолкования и оценки фактов, а также программе соответствующего поведения. Системой, которая более всего развивает этот образ мыслей, идеологию и практику и которая делает из этого самые крайние практические выводы, является диалектический и исторический материализм, который все еще считается жизненной субстанцией марксизма. Материализм принципиально и фактически исключает присутствие и действие Бога, который есть Дух, в мире, а главное — в человеке; делается это на том основании, что материализм отрицает существование Бога, так как по своей сути и программе марксизм представляет собой атеистическую систему. Таков этот впечатляющий феномен нашего времени, которому II Ватиканский собор посвятил несколько примечательных страниц: атеизм (ср. Пастырское установление о Церкви в современном мире "Радость и надежда", 19—21). Если об атеизме и невозможно говорить как о чем-то целомом и однородном, сводя его исключительно к материалистической философии, так как существуют различные виды атеизма и можно, по-видимому, сказать, что это понятие зачастую употребляется в разных значениях, — то все же несомненно, что настоящий и подлинный материализм, понимаемый как теория, которая объясняет реальность, и применяемый в качестве основного принципа личной и общественной деятельности, носит атеистический характер. Совокупность ценностей и целевых установок практической деятельности, предписываемая материализмом, тесно связана с истолкованием совокупной действительности как "материи". Хотя он и говорит иногда, как например, в области культуры и морали, о "духе" и о "вопросах духа", но делает это лишь постольку, поскольку он рассматривает определенные факты как следствия и проявления (феномены) материи, которая, согласно этому учению, представляет собой единственную и исключительную суть бытия. Отсюда следует, что религия в соответствии с такой интерпретацией может быть понимаема лишь как "идеалистическая иллюзия", иллюзия, с которой надлежит бороться всеми возможными, в зависимости от конкретных условий, от места и от исторических обстоятельств, способами, чтобы искоренить ее из общества и из человеческого сердца.

Поэтому можно сказать, что материализм есть дальнейшее, систематическое и последовательное развитие того "сопротивления" и той противоположности, на которые указывает Павел: помышление плоти направляется против духа. Эта конфликтная ситуация — двусторонняя, как подчеркивает апостол во второй части своего высказывания: помышление же духа направлено против плоти. Кто хочет жить по духу, в приятии и в созвучии со спасительным действием, по необходимости должен отвращаться от внутренних и внешних склонностей и требований "плоти", в том числе и в ее идеологическом и историческом проявлениях — в форме антирелигиозного материализма. На этом фоне, столь характерном для нашей эпохи, следует, готовясь к великому юбилею, выдвигать

на первый план "помышление духа", как настоятельный призыв, который прозвучит в ночи нового Кануна, на исходе которого, как и две тысячи лет назад, "узрит всякая плоть спасение Божие" (Лк. 3, 6; ср. Ис. 40, 5). Такова возможность и надежда, какую Церковь предлагает нынешним людям. Церковь знает, что столкновение между "помышлением против духа", характерным для столь многих аспектов современной цивилизации, особенно в некоторых ее областях, и "помышлением против плоти" — с пришествием Бога, с его вовлечением и его все новым самосообщением во Святом Духе во многих случаях может принимать драматический характер и, возможно, вести к новым человеческим поражениям. Однако Церковь твердо верует, что с Божьей стороны речь идет всегда о спасительном самосообщении, о целительном пришествии и избавительном "раскрытии греха", чрез действие Духа.

57. В павловом противопоставлении "духа" и "плоти" содержится также противостояние "жизни" и "смерти". Весьма глубокая проблема, по поводу которой сразу же следует сказать, что материализм как умозрительная система во всех своих разновидностях означает приятие смерти в качестве окончательного предела человеческого существования. Все материальное преходяще, и потому человеческое тело (поскольку оно является "животным") смертно. Ежели человек в своем существе есть всего лишь "плоть", то смерть остается для него непреодолимой границей и окончательным финалом. Отсюда понятно — и можно именно так и сказать, — что жизнь человеческая есть исключительно "бытие для смерти".

Необходимо добавить, что на горизонте нынешней цивилизации — и прежде всего в ее наиболее развитых в научно-техническом отношении формах — знаки смерти и указания на смерть встречаются особенно часто. Достаточно вспомнить о гонке вооружений и заключенной в ней опасности ядерного самоистребления. С другой стороны, становится все более очевидным для всех тяжелое положение в обширных районах нашей планеты, стоящих под знаком нужды и голодной смерти. При этом речь идет не только об экономических, но прежде всего об этических проблемах. Однако на горизонте нашего времени сгущаются еще более мрачные "знаки смерти": распространился обычай — в некоторых местах он грозит стать чуть ли установлением — отнимать жизнь у человеческих существ, прежде нежели они рождаются или до того, как они подойдут к естественному пределу смерти. Далее, вопреки многим честным устремлениям к миру, развязаны и продолжаются новые войны, которым жертвуют своей жизнью или здоровьем сотни тысяч людей. И наконец, можно ли забыть о покушениях на человеческую жизнь со стороны терроризма, который организован уже на интернациональном уровне.

Все это, увы, лишь частичный и неполный обзор той картины смерти, которая предстала в нашу эпоху, в то время как мы все более приближаемся к концу второго тысячелетия христианства. Не поднимается ли из густой тени материалистической цивилизации и прежде всего от тех знамений смерти, которые становятся все многочисленней в социологически-исторических рамках, в коих реализует себя эта цивилизация, — более или менее сознательный зов к Духу, который животворит? В любом случае и независимо от степени человеческой надежды или отчаяния, равно как и от иллюзий или заблуждений, какие выявляют себя в эволюции материалистических мыслительных и жизненных систем, христианская уверенность в том, что "дух веет где хочет" и что мы обладаем "даром первенцев духа", остается незыблемой. И мы тоже можем быть подвержены страданиям преходящего времени, однако "и мы в себе стенаем, ожидая... искупления тела нашего" (Рим. 8, 23), то есть всего нашего человеческого бытия, телесного и духовного. Мы стенаем, это верно, но в ожидании, полном непреходящей надежды, потому что именно к этой человеческой сущности приближен Бог, который есть Дух. Бог Отец "послал Сына Своего в подобии плоти греховной в жертву за грех и осудил грех во плоти" (Рим. 8, 3). В наивысшей точке пасхальной тайны находится Сын Божий, за грехи мира ставший человеком и распятый, после воскресения своего посреди апостолов наполнивший их дуновением и сказавший: "Примите Духа Святого". Это "дуновение" продолжается всегда. И вот, "Дух подкрепляет нас в немощах наших" (Рим. 8, 26).

4. Святой Дух в укреплении "внутреннего человека"

58. Тайна воскресения и того, что случилось в Троицын день, возвещается и переживается Церковью, которая восприняла и продолжает в качестве наследницы апостолов их свидетельство о воскресении Иисуса Христа. Церковь — постоянная свидетельница этой победы над смертью, победы, которая открывает мощь Духа Святого и которая определила его новое пришествие, новое присутствие в людях и в мире. Ибо в воскресении Христа Святой Дух, Утешитель открывает себя прежде всего как Тот, кто животворит: "Кто воскресил из мертвых Иисуса, живет в нас... оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас" (Рим. 8, 11). Именем воскресения Христова Церковь возвещает о жизни, которая дала о себе свидетельство по ту сторону смерти, о жизни, которая сильнее, чем смерть. Одновременно Церковь возвещает о Том, кто дарует эту жизнь: о Духе, подателе жизни; она возвещает о нем и вместе с ним действует в посредничестве жизни. Ибо если "тело мертво для греха... дух жив для праведности" (Рим. 8, 10), той праведности, которая осуществлена распятым и восставшим из мертвых Христом. Именем воскресения Христова Церковь служит жизни, которая исходит из самого Бога, в тесном единении и преданном служении совместно с Духом.

Чрез это служение человек и оказывается, вечно по-новому, "путем Церкви", о чем я уже говорил в Энциклике о Христе искупителе (см. *Redemptor hominis*, 14) и повторяю в этой Энциклике о Духе Святом. В единении с Духом Церковь более, чем кто-либо иной, сознает действительность внутреннего человека, действительность того, что глубже и существенней в человеке, ибо оно является духовным и непреходящим. На этом уровне Дух зароняет и выращивает "корень бессмертия", из коего возникает новая жизнь — жизнь человека в Боге, лишь под этим действием Духа могущая раскрываться и укрепляться как плод спасающего самосообщения Бога в Духе Святом. Оттого апостол обращается от имени верующих к Богу и объясняет им: "Для сего преклоню колена мои пред Отцом... да даст вам... крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке" (Евр. 3, 14—16).

Под влиянием Святого Духа зреет и набирает силу этот внутренний, то есть духовный, человек. В самосообщении Бога человеческий дух, который лишь "знает, что в человеке", встречается с Духом, который "все проникает, и глубины Божии" (1 Кор. 2, 10—11). В этом Духе, который есть вечный дар, триединый Бог открывает себя человеку, человеческому духу. Действием сокрытого дуновения божественного Духа совершается то, что и человеческий дух со своей стороны открывается спасительному и спасающему самооткровению Бога. Чрез дар милости, исходящий от Духа, человек вступает в "жизнь новую", он сам вводится в сверхъестественную действительность божественной жизни "местонахождением Духа Святого", живым храмом Божиим (ср. Рим. 8, 9; 1 Кор. 6, 19). В благодатной общности с Троицей "жизненное пространство" человека расширяется благодаря тому, что он возвышается до сверхъестественного уровня божественной жизни. Человек живет в Боге и из Бога; он живет "по духу" и "жаждет того, что отвечает духу" (Ин. 14, 23; ср. Ириней. Против ересей, V, 6; Иларий. О Троице, VIII, 19, 21; Амвросий. О Духе Святом, I, 6, 8; Августин. Толкование на Псалом XLIX, 2; Кирилл Александрийский. На Евангелие от Иоанна, кн. I; кн. II, 154—158, 246; кн. IX; Афанасий. Речь III против арианцев, 24; Послание I к Серапиону, 24; Дидим Александрийский. О Троице, II, 6—7; Иоанн Златоуст. Гомилия на Послание к Римлянам, XIII, 8; Фома Аквинский. Сумма теологии, I, 43, 1, 3—6).

59. Внутренняя связь с Богом в Духе Святом дает человеку по-новому понять и самого себя, свое собственное человеческое бытие. Таким образом полностью осуществляется тот образ и подобие Божие, каковым изначально является человек (ср. Быт. I, 26 сл.; Фома Аквинский. Сумма теологии, I, 93, 4, 5, 8). Эта внутренняя истина человеческого бытия должна быть постоянно и вновь раскрываема в свете того, что есть первообраз отношения к Богу, а вкупе с нею и истина "полного самонахождения посредством искренней отдачи самого себя вместе с другими людьми", как пишет II Ватиканский собор, — а именно, на основании уподобленности Богу, которая "делает очевидным, что человек... на земле есть единственное возникшее по воле Божьей ради самого человека творение", во всем своем достоинстве как личность, которая, однако, вместе с тем и открыта общественному восполнению и общности с другими людьми (Пастырское уста-

новление о Церкви в современном мире "Радость и надежда", 24, ср. также 25). Конкретное познание и полное осуществление этой истины бытия совершаются лишь чрез действие Святого Духа. Человек научается этой истине от Иисуса Христа и осуществляет ее в собственной жизни под действием Духа, которого даровал нам сам Христос.

На этом пути, на пути такого внутреннего созревания, которое включает в себя полное раскрытие глубочайшего значения человеческого бытия, присутствие Бога становится интимнейшим достоянием человека, Бог все глубже проникает весь человеческий мир. Троичный Бог, который в самом себе "существует" как трансцендентная действительность межперсонального дара, сообщая себя в Святом Духе человеку как дар, преобразует мир человека изнутри, из глубины сердца и совести каждого человека. На этом пути мир, ставший причастным божественному дару, становится — как учит Собор — "все более человеческим, все глубже человеческим" (там же, 38; 40). В нем, в этом мире, вызревает чрез сердце и совесть человека то царство, в котором Бог окончательно "будет все во всем" (1 Кор. 15, 28) — как дар и любовь. В этом — вечное могущество троичного Бога для человека и мира, во Святом Духе.

В преддверии двухтысячного года от Рождества Христова надо стараться достигнуть того, чтобы, как сказано в упомянутой выше фразе Собора, все большее число людей "сумело найти себя... чрез искреннюю самоотдачу". Пусть под действием Духа-Утешителя совершается в нашем мире, в жизни каждого человека и в человеческом сообществе тот истинный процесс созревания человечества, о котором сам Иисус молится Отцу: "да будут едино, как Мы едино" (Ин. 17, 22), наводя нас на мысль об определенном сходстве между единством божественных лиц и единством детей Божьих в истине и любви (ср. Пастырское установление о Церкви в современном мире "Радость и надежда", 24). Собор подтверждает и укрепляет эту истину о человеке, Церковь видит в ней особенно сильное и решающее указание на ее собственные апостольские задачи. Ведь если человек есть путь Церкви, то путь этот проходит чрез всю тайну Христа как божественную модель человека. На этом пути Святой Дух укрепляет в каждом из нас "внутреннего человека", дает человеку все лучше "найти себя чрез искреннюю самоотдачу". Можно сказать, что в этих словах Пастырского установления Собора подытожена вся христианская антропология — та теория и практика, которые основаны на Евангелии, в коем человек, открывающий в самом себе принадлежность ко Христу, а в нем — свое возвышение до чада Божьего, лучше понимает и свое достоинство как человека, именно потому, что он, человек, является субъектом пришествия и присутствия Бога, субъектом божественного нисхождения, в каковом содержится перспектива и даже корень окончательного прославления. Можно, таким образом, с полным правом повторить слова о том, что "честь Бога есть человек живущий, жизнь же человеческая есть видение Божье" (*gloria Dei vivens homo, vita autem hominis visio Dei.* — Ириней. Против ересей, IV, 20, 7). Человек, когда он живет божественной жизнью, — это честь Бога, и Святой Дух — скрытый податель этой жизни; он и сообщает ему эту честь. Святой Дух, по словам Василия Великого, "в существе своем един, в проявлениях власти многообразен... он распространяет себя, не растрчивая себя... у тех, кто способен принять его, он сопредисутствует каждому отдельному так, как если бы сей был единственным, и всем вместе дарует он благодать всецело и в полном достатке" (Василий. О Духе Святом, XI, 22).

60. Когда люди под влиянием Утешителя открывают это божественное измерение своего бытия и своей личной и общественной жизни, они в состоянии высвободиться из-под гнета различных принуждений, каковые, главным образом, исходят от материалистических принципов мышления, от материалистической практики и соответствующих методов. В наше время эти факторы проникли в самую глубь, в то святилище совести, где Дух Святой непрерывно сообщает свет и силу новой жизни соответственно "свободе детей Божьих". Созреванию человека в этой жизни препятствуют ущербные влияния и давление, каковые в различных областях общественной жизни оказывают на него определенные структуры и механизмы. Можно сказать, что во многих случаях общественные факторы, вместо того чтобы стимулировать раскрытие и развитие человеческого духа, скорее отделяют его от собственной истины его бытия и его жизни, от того, над чем бдит Святой Дух, — и тем подчиняют человека "князю мира сего".

Великий юбилей 2000 года несет в себе, таким образом, весть об освобождении чрез действие Духа, который единственно может помочь людям и обществам тем, что он ру-

ководит ими посредством "закона духа жизни во Христе Иисусе" (Рим. 8, 2), помочь выбраться из-под гнета старых и новых принуждений, с тем чтобы люди открыли и осуществили таким способом полную меру истинной человеческой свободы. Ибо, как пишет Святой Павел, "где Дух Господень, там свобода" (2 Кор. 3, 17). Это откровение свободы и вместе с ней истинного достоинства человека приобретает для христиан и для Церкви на протяжении всей истории — будь то в древности или в Новое время — особое значение, ибо свидетели божественной истины становятся благодаря этому живым доказательством действия Духа истины, присутствующего в сердце и совести верующих, и нередко своим мученичеством являют собой наивысшее прославление достоинства человека.

Но и в обычных условиях общества христиане как свидетели истинного достоинства человека послушанием своим Святому Духу вносят вклад в многообразное "обновление лица земли", сотрудничая со своими братьями, дабы осуществить и усовершенствовать все то, что является благим, благородным и прекрасным в нынешнем прогрессе цивилизации и культуры, науки и техники и других областей человеческой мысли и человеческого действия (ср. Пастырское установление "Радость и надежда", 53—59). Так поступают они как ученики Христа, который — как пишет Собор — "восстав из мертвых... уже силою своего духа действует в сердцах людей таким образом, что он не только пробуждает в них тягу к будущему миру, но также оживляет, очищает и усиливает те самоотверженные устремления, которыми человеческая семья старается гуманнее устроить свою собственную жизнь, а всю землю — приспособить для служения этой цели" (там же, 38). Так они еще более утверждают величие человека, который был создан по образу и подобию Бога, величие, возмывшее во всей полноте в тайне вочеловечения Сына Божия, который "в полноте времени" действием Духа Святого вступил в историю и открыл себя как истинный человек, он, первенец всего творения, "Иисус Христос, Которым все, и мы Им" (1 Кор. 8, 6).

5. Церковь, таинство внутреннего единения с Богом

61. В приближении к концу второго тысячелетия, должествующему напомнить всем нам о пришествии Слова в "полноте времени" и вместе с тем заново сделать нас сопричастными ему, Церковь хотела бы еще раз погрузиться в суть своего богочеловеческого установления и той миссии, которая позволяет ей участвовать в мессианском послании Христа, согласно неизменно значимому учению и намерению Второго Ватиканского собора. Следуя этой линии, мы можем возвратиться вплоть до трапезной Тайной вечери, где Иисус Христос открывает Духа Святого как Утешителя, как Духа истины, и говорит о своем собственном "уходе" через крест как необходимом условии его, Духа, "прихода": "Лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если я пойду, то пошлю Его к вам" (Ин. 16, 7). Мы видели, что это воззвешение получило свое первое осуществление уже вечером дня Пасхи, а далее вновь в день Пятидесятницы в Иерусалиме; с тех пор оно, это воззвешение, исполняется в истории человечества чрез Церковь.

В свете этого воззвешения приобретает свое полное значение и то, что Иисус — тогда же на Тайной вечере — сказал о своем новом "приходе". Знаменательно, что в той же своей речи он воззвещает не только свой "уход", но и свой новый "приход". Он говорит: "Не оставлю вас сиротами; приду к вам" (Ин. 14, 18). И в момент своего окончательного прощания перед вознесением на небо он повторяет еще отчетливей: "Я с вами" — и добавляет: "...во все дни до скончания века" (Мф. 28, 20). Этот новый "приход" Христа, его постоянный "приход" ради того, чтобы быть с апостолами, с Церковью, это "Я с вами во все дни до скончания века", конечно, не отменяет факт его "ухода". Оно происходит потом, после завершения мессианского деяния Христа на земле и в связи с воззвешенным посланием Святого Духа, оно принадлежит к глубочайшему ядру его собственного послания. Все это, следовательно, совершается чрез Святого Духа, который действует таким образом, что Христос, который ушел, приходит по-новому ныне и присю. Это новое "пришествие" Христа чрез действие Святого Духа, а также его постоянное присутствие и постоянное действие в духовной жизни совершаются в

сакраментальной действительности. Христос, который в своей видимой человечности ушел, становится и остается присутствующим в Церкви и действует в ней столь внутренне-интимным образом, что делает ее своим телом. Как таковое Церковь живет, действует и растет "до окончания мира". Все это происходит благодаря Святому Духу.

62. Наиболее полным сакраментальным выражением "ухода" Христа через тайну креста и воскресения является Евхаристия. В ней вновь и вновь осуществляется сакраментальным образом его "приход", его спасительное присутствие: в жертве и в причастии. Происходит это под действием Святого Духа, внутри его собственного послания. (Это выражено и в словах священника во время католической мессы: "Ниспошли дух твой на эти дары и освяти их, дабы они стали нам телом и кровью Сына Твоего, Господа нашего Иисуса Христа".) Через Евхаристию Дух Святой осуществляет то "утверждение во внутреннем человеке", о котором говорит Послание к Ефесянам (ср. Еф. 3, 16). Через Евхаристию лица и общества научаются под действием заступника и Утешителя открывать божественный смысл человеческой жизни, на что указал Собор, — тот смысл, посредством которого Иисус Христос "оповещает человека о самом человеке, показывая ему определенное сходство между единством божественных Лиц и единством детей Божьих в истине и любви" (Пастырское установление о Церкви в современном мире "Радость и надежда", 22 и 24). Такое единство и осуществляется прежде всего чрез Евхаристию, в которой человек, соучаствуя в жертве Христа, в совершаемом им торжестве, научается "находить себя чрез самоотдачу" (там же, 24), в сообществе с Богом и со своими братьями-людьми.

Вот почему первые христиане со дней сошествия Святого Духа твердо держались "преломления хлеба и молитв" (Деян. 2, 42) и таким образом, на основе учения апостолов, создали единое сообщество. Так они "познали", что их воскресший Господь, который уже вознесся на небо, в том их евхаристическом сообществе Церкви и чрез нее пришел и стал посреди них. Руководимая Святым Духом Церковь с самого начала выразила себя и утвердилась благодаря Евхаристии. И так было всегда, во всех христианских поколениях, вплоть до нашего времени, до сего кануна свершения второго христианского тысячелетия. К сожалению, мы должны констатировать, что это уже почти завершившееся тысячелетие было эпохой великих раздоров между христианами. Поэтому все, кто верует во Христа, должны по примеру апостолов всеми силами стараться о том, чтобы привести свое мышление и действия в согласие с волей Святого Духа, который есть "начало единства Церкви" (II Ватиканский собор. Декрет об экуменизме "Восстановление единства", 2) дабы все, кто чрез единый Дух восприняты в крещении в единое тело, соединились в братстве на торжестве одной и той же для всех Евхаристии, которая есть "таинство радостного помилования, знак единства, сопряжение в любви" (Августин. На Евангелие от Иоанна трактат XXVI, 13; ср. II Ватиканский собор. Установление о Святой литургии "Священный Святой Собор", 2).

63. Евхаристическое присутствие Христа, его сакраментальное "Я с вами", позволяет Церкви все глубже открывать собственную тайну, о чем свидетельствует вся эkleзиология II Ватиканского собора, для которого "Церковь во Христе... есть вместе с тем и таинство, то есть знак и орудие глубочайшего внутреннего соединения с Богом, а также единства со всем человечеством" (Догматическое установление о Церкви "Свет народов", 1). Как таинство Церковь развивается из пасхальной тайны "ухода" Христа, причем она живет от его постоянно нового "прихода" чрез действие Святого Духа внутри все того же послания Духа истины, Утешителя. Именно это, по исповеданию Собора, есть существенная тайна Церкви.

Если Бог в силу творения есть Тот, в котором все мы "живем и движемся и существуем" (Деян. 17, 28), то мощь избавления, в свою очередь, остается и раскрывает себя в истории людей и мира в своего рода двойном ритме, источник которого находится в вечном Отце. С одной стороны, это ритм послания Сына, который пришел в мир, будучи рожден от Девы Марии чрез действие Святого Духа; с другой стороны, это также ритм послания Святого Духа, который окончательно открыт Христом. Чрез "уход" Сына пришел Святой Дух, приходит непрерывно как заступник и Дух истины. А в рамках его послания, равно как и в сокровеннейшем пространстве незримого присутствия Духа, "приходит" Сын, который "ушел" в пасхальной тайне и который постоянно присутствует в тайне Церкви; он то скрывается, то обнаруживает себя в ее истории, ход кото-

рой он всегда определяет. Все это совершается сакраментальным образом чрез действие Святого Духа, который, черпая из богатства избавления Христа, непрерывно животворит. Церковь, во все более живом сознании этой тайны, все больше и лучше познает сама себя в первую очередь как таинство.

Это совершается потому, что Церковь по воле своего Господина несет свою спасительную службу людям посредством различных таинств. Всякий раз, когда совершается сакраментальная служба, она содержит в себе тайну "ухода" Христа чрез крест и воскресение, "ухода", в силу которого приходит Святой Дух. Он приходит и действует, "он животворит". Ибо таинства обозначают милость и сообщают милость, обозначают благодать и сообщают благодать, обозначают жизнь и сообщают жизнь. Церковь есть зримая подательница священных знамений, тогда как Дух Святой действует как незримый податель жизни, которую они знаменуют. Вместе с духом присутствует и действует в сем Иисус Христос.

64. Если Церковь есть таинство глубочайшего внутреннего соединения с Богом, то она является таинством во Христе, в котором это же соединение присутствует как действительность спасения. Она является таковой в Иисусе Христе чрез действие Святого Духа. Полнота действительности спасения, какую Христос представляет в истории, сакраментальным образом распространяется в силу Духа-Утешителя. Поэтому Дух Святой есть "новый заступник" ("другой заступник"), так как чрез его действие благая весть принимает облик в совести и сердце людей и распространяется в истории. Во всех этих измерениях Святой Дух "делает живым", животворит.

Употребляя слово "таинство" применительно к Церкви, мы должны отдавать себе отчет, что в соборном тексте сакраментальность Церкви понимается как отличная от той сакраментальности, которая присуща таинствам (сакраментам) в узком смысле слова. В этом тексте мы читаем: "Церковь... есть вместе с тем и таинство, то есть знак и орудие глубочайшего внутреннего соединения с Богом". Важно, однако, — и это становится ясным из аналогичного смысла, в котором слово употребляется в обоих случаях, — что Церковь могуществом Святого Духа находится в связи с Тем, кто один животворит: Церковь есть знамение и инструмент присутствия и действия Духа, подателя жизни.

Второй Ватиканский собор добавляет, что Церковь — "таинство единения всего человечества". Очевидным образом речь идет здесь о единстве человеческого рода, который в самом себе многообразно дифференцирован, с Богом и в Боге. Единство коренится в тайне творения и содержит в тайне избавления новое измерение соотносительно со всеобщим спасением. Поелику Бог хочет, "чтобы все люди спаслись и достигли познания истины" (1 Тим. 2, 4), избавление обнимает всех людей и в известном смысле все творение. В том же всеобщем измерении избавления действует в силу "ухода" Христа Святой Дух. Оттого Церковь, чрез свою собственную тайну укорененная в тринитарном порядке спасения, с полным правом понимает себя как "таинство ради единства всего человечества". Церковь знает, что она является таковым таинством в силе Святого Духа, чье знамение и орудие в осуществлении спасительного плана Бога она собою являет.

Так осуществляется "нисхождение" бесконечной троичной любви: пришествие Бога, который есть невидимый дух, в видимый мир. Единый и тройственный Бог изначально сообщает себя человеку во Святом Духе посредством своего "образа и подобия". Под действием того же Духа человек, а с ним и сотворенный и спасенный Христом мир приближаются к своему окончательному определению в Боге. Для этого сближения обоих полюсов творения и спасения, Бога и человека, Церковь служит "таинством, то есть знаком и орудием". Она действует, дабы восстановить и скрепить единство у самых корней человеческого рода — в обоюдном отношении, которое связывает человека с Богом как своим творцом, господином и спасителем. Это есть истина, которую мы можем, опираясь на учение Собора, продумать, объяснить и применить во всем диапазоне ее значения для нынешней фазы перехода от второго к третьему христианскому тысячелетию. Мы с радостью и все более сознаем тот факт, что внутри деяния, совершенного Церковью в истории спасения и наложившего отпечаток на историю человечества, присутствует и действует Святой Дух, который пронизывает дуновением божественной жизни земное странствие человека и направляет все творение — всю историю — к ее конечной цели в безбрежном Божьем море.

6. Дух и невеста говорят: "Прииди!"

65. Божественное дуновение жизни, Святой Дух, в своей наипростейшей и самой обычной форме выражается в молитве и тем самым делает себя слышимым, воспринимаемым. Прекрасно и целительно думать о том, что где бы мы ни молились, Дух Святой, оживляющее дыхание молитвы, здесь, с нами. Прекрасно и целительно сознавать, что так же как молитва в прошлом, настоящем и будущем распространена на всей земле, так и Дух Святой повсюду присутствует и действует, проникает "дуновением" сердце человека в неизмеримом многообразии самых различных ситуаций и обстоятельств, которые частью способствуют духовной и религиозной жизни, частью же препятствуют ей. Зачастую молитва под действием Святого Духа поднимается из сердца человеческого вопреки запретам и преследованиям, вразрез с официальными заявлениями о нерелигиозном или даже атеистическом характере общественной жизни. Молитва всегда остается голосом всех тех, у кого по видимости нет голоса, — и в голосе этом всегда звучит тот "сильный вопль", который в Послании к Евреям приписывается Христу (см. Евр. 5, 7). Молитва есть также откровение той бездны, какую представляет собой сердце человека, — глубины, которая исходит от Бога и может быть наполнена только Богом, а именно наполнена Святым Духом. У Луки мы читаем: "Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Небесный даст Духа Святого просящим у Него" (Лк. 11, 13).

Святой Дух есть дар, вместе с молитвой приходящий в сердце человека. В этом он проявляет себя сперва и прежде всего как дар, который "подкрепляет нас в немощах наших". Великолепная мысль, которую развивает Святой Павел в Послании к Римлянам, когда он пишет: "Ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными" (Рим. 8, 26). Таким образом, Святой Дух подвигает нас не к тому, чтобы мы молились, но ведет нас "изнутри" и в самой молитве, восполняя нашу немощность и исцеляя нас от нашей неспособности молиться: он присутствует в нашем молитвословии и сообщает ему божественное измерение (ср. Ориген. О молитве, 2). Оттого "испытующий... сердца знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за святых по воле божьей" (Рим. 8, 27). Молитва становится чрез действие Святого Духа все более зрелым выражением нового человека, который тем самым соучаствует в божественной жизни.

Наше тяжелое время особенно нуждается в молитве. Как в ходе истории — вчера и сегодня — многие мужчины и женщины оставили свидетельство о важности молитвы и посвятили себя прежде всего в монастырях к великой пользе Церкви хвалению Бога и молитвенной жизни, так и в последние годы растет число людей, которые в рамках целых движений, в ширящихся группах отводят молитве первое место и в ней ищут духовного обновления. Это — важный и утешительный знак; ибо опыт такого рода оказывается истинным вкладом в оживление молитвы среди верующих, которые находят в ней помощь, дабы увидеть во Святом Духе Того, кто пробуждает в сердцах глубокую тоску по святости.

У многих отдельных людей и во многих сообществах зреет сознание, что при всем головокружительном прогрессе научно-технической цивилизации, несмотря на подлинные достижения и достигнутые цели, человек стоит перед угрозой, угроза нависла над всем человечеством. Перед лицом этой опасности, наученные опытом пугающей действительности духовного упадка людей, отдельные лица и целые сообщества, ведомые внутренним чувством веры, ищут силу, которая в состоянии вновь выпрямить человека, освободить его от самого себя, от своих недостатков и заблуждений, нередко обращающих собственные его достижения ему же во вред. И тогда они открывают молитву, в коей оповещает о себе Дух, "подкрепляющий нас в немощах наших". Таким путем времени, в которые мы живем, приближают многих людей, когда они возвращаются к молитве, ко Святому Духу. И я надеюсь, что все найдут в поучении этой Энциклики пищу для своей внутренней жизни; и да поможет им Святой Дух напитать силой свое молитвословие в согласии с Церковью и под ее учительным руководством.

66. Посреди всех проблем, разочарований и надежд, среди отпадения и возвращения верующих в наше время Церковь сохраняет верность тайне своего рождения. Если остается историческим фактом, что Церковь вышла в день Троицы из трапезной Тайной

вечери, то можно тем не менее в определенном смысле сказать, что она эту трапезную никогда не покидала. С духовной точки зрения событие сошествия Святого Духа на апостолов принадлежит не только прошлому: Церковь всегда — в комнате Тайной вечери, она несет ее в сердце. Церковь пребывает в молитве, как апостолы, вместе с Марией, матерью Христа, и с теми, кто образовал в Иерусалиме первое ядро христианской общины и молясь ожидал пришествия Святого Духа.

Церковь навеки осталась с Марией в молитве. Это единство молящейся Церкви с Богоматерью принадлежит с самого начала к тайне Церкви; мы видим ее присутствие в этой тайне, подобно тому как она присутствует в тайне ее Сына. Об этом говорит нам Собор: "Благая Приснодева... осененная Духом Святым, родила Сына, поставила Бога первенцем среди многих братьев, то есть среди верующих, рождению и воспитанию которых она содействует в материнской своей любви... единственной своей милостью и благодатными дарами она глубочайшим образом связана с Церковью; она есть... образец для Церкви... Рассматривая таинственную святость Марии, Церковь подражает ее любви... Церковь сама есть мать и в подражании матери Господа своего, в силе Святого Духа девственно хранит неприкосновенную веру, твердую надежду и искреннюю любовь... И она, Церковь, есть тоже Дева, хранящая слово верности, которое она дала Жениху" (II Ватиканский собор. Догматическое установление о Церкви "Свет народов", 63—64).

Так можно понять глубокий смысл того, почему Церковь, в единении с Девой и Матерью, непрестанно обращается как невеста к своему божественному Жениху, что засвидетельствовано словами из Откровения Иоанна, которые цитирует Собор: "И Дух и невеста говорят: приди!" (Откр. 22, 17). Моление Церкви есть эта непрестанная просьба, в которой "Сам Дух ходатайствует за нас" (Рим. 8, 26): некоторым образом он сам высказывает молитву вместе с Церковью и в Церкви. Ибо Дух дан Церкви, чтобы силой его вся община народа Божьего, как бы ни была она разветвлена и многообразна, утвердилась в надежде, в той надежде, в которой "мы спасены" (Рим. 8, 24). Это надежда эсхатологическая, надежда окончательного завершения в Боге, надежда вечного царства, которая осуществляется в приобщении к троичной Жизни. Святой Дух, данный апостолам в заступники, есть страж и душа этой надежды в сердце Церкви.

В предвидении третьего тысячелетия после Рождества Христова, когда Дух и невеста говорят Господу Иисусу: приди! — эта ее молитва, как всегда, полна эсхатологической широты, призванной наполнить значением и празднеством великого юбилея. Эта молитва устремлена к спасительным целям, ради которых Дух Святой своим действием на протяжении всей истории людей на земле открывает сердца. Но вместе с тем эта молитва направлена и к совершенно определенному моменту истории, в коем заново воссияет та "полнота времени", на которую указывает нам 2000 год. К этому юбилею Церковь хочет готовиться во Святом Духе, как Дева из Назарета, в которой Слово стало плотью, была подготовлена Святым Духом.

З а к л ю ч е н и е

67. Пора заключить эти размышления — в сердце Церкви и в сердцах людей. Путь Церкви проходит через сердце человеческое; ибо здесь в глубокой прикровенности совершается спасительная встреча со Святым Духом, с сокровенным Богом. Именно здесь Дух Святой становится "источником воды, текущей в жизнь вечную" (Ин. 4, 14; ср. Догматическое установление о Церкви "Свет народов", 4). Сюда он приходит в качестве Духа истины, параклета, каким он обещан Христом. Отсюда он действует как Утешитель, ходатай, заступник — особенно когда человек и человечество стоят перед приговором проклятья, исходящим от того "обвинителя", о котором Откровение Иоанна говорит, что он клеветал на "братьев наших... пред Богом нашим день и ночь" (Откр. 12, 10). Святой Дух не перестает быть стражем надежды в сердце человека всех человеческих существ и в особенности тех, о ком сказано: "...имея начаток Духа... стенаем, ожидая... искупления тела нашего" (Рим. 8, 23).

Святой Дух в его таинственной божественной общности со Спасителем постоянно продолжает дело его, чрез сердце человеческое неуклонно вторгаясь в историю мира.

Здесь он воистину становится, как говорит Секвенция Троицына богослужения, "отцом бедных, подателем даров, светом сердец", становится тем "любезным гостем души", кого Церковь постоянно приветствует на пороге сердца каждого человека. Посреди тягот, посреди труда рук и разума человека приносит он "покой и укрытие", "отдохновение и успокоение" среди жары полуденной, в волнениях, расприх и опасностях каждой эпохи; наконец, приносит утешение человеческому сердцу, когда оно плачет, когда его искушает отчаяние.

Потому восклицает Секвенция: "Без мольбы твоей живой человек не выстоит, ни здоров, ни цел не будет..." Лишь Святой Дух "обличает во грехе", обличает зло, дабы восстановить благое в человеке и человеческом мире: дабы "обновить лице земли". Поэтому-то творит он очищение от всего, что "искажает" человека, "пятнает" его; он исцеляет также глубочайшие раны человеческого существования; он преображает засушливую пустыню душ в плодоносные нивы благодати и святости: "загрубелое" размягчает, "окоченевшее" греет, что "идет вкривь и вкось" — выпрямляет и возвращает на путь спасения (ср. Секвенцию Троицына дня "Прииди, Дух Святой").

Этими словами молясь, исповедует Церковь в нерушимости свою веру: есть, существует в нашем собственном мире Дух, который есть несотворенный дар. Как Отец и Сын, он не сотворен, не измерен, вечен, всемогущ, Бог и Господин (ср. Исповедание веры "Quicumque"). Этот Дух Божий "наполняет вселенную", и все, что им сотворено, познает в нем источник своей самости, самоидентичности, находит в нем свое трансцендентное выражение, обращается к нему и ожидает его, призывает его всем своим бытием. К нему как к заступнику, Духу истины и любви обращается человек, живущий истиной и любовью и не могущий жить без источника истины и любви. К нему обращается Церковь, которая есть сердце человечества, дабы испросить для всех те дары любви, какая чрез него "излилась в сердца наши" (Рим. 5, 5), и наделить ею всех. К нему обращается Церковь на трудных путях странствия человека на земле: она просит и просит непрестанно, чтобы и дела людей были праведны по его деянию; она просит о радости и об утешении, подать которое может лишь он, истинный Утешитель, когда нисходит в глубину сердца человеческого. (Здесь можно напомнить о важном апостольском послании Папы Павла VI "Радуйтесь в Господе", опубликованном 9 мая Священного 1975 года. Высказанный в нем призыв "вымолить сей дар радости" у Святого Духа сохраняет все свое значение, равно как и предложение "вкусить истинно духовную радость, каковая есть плод Святого Духа".) Церковь просит о благодати добродетелей, заслуживающих небесной славы; просит о вечном спасении в целокупности божественной жизни, к которой Отец от века предуготовил людей, создав их в любви по образу и подобию Святейшей Троицы.

Церковь просит от сердца своего, обнимающего все человеческие сердца, просит Духа Святого о счастье, которое находит свое полное осуществление в одном Боге: о радости, которой "никто не отнимет" (Ин. 16, 22), которая есть плод любви и, значит, плод Божий, ибо Бог — это любовь; просит о "праведности и мире и радости", в которых, по Святому Павлу, состоит Царствие Божие (см. Рим. 14, 17; Гал. 5, 22).

Мир есть также плод любви: тот внутренний мир, которого ищет измученный человек в недрах своего существа; мир, которого требует человечество, человеческая семья, народы, нации, континенты, в робкой надежде достичь его в подлинном смысле слова на пороге третьего христианского тысячелетия. А так как путь к миру в конечном счете проложен через любовь и цель его — создать *цивилизацию любви*, Церковь устремляет свой взор на Того, кто есть любовь Отца и Сына; она не перестает, вопреки растущим угрозам, чаять и веровать, не перестает требовать мира для людей на земле и служить миру. Ее надежда стоит на Том, кто, будучи Духом любви, есть также и Дух мира и не устает быть в человеческом мире, на горизонте человеческой совести и человеческих сердец, дабы "наполнить круг земной" любовью и миром.

Перед Ним я преклоняю колена в итоге этих размышлений и молю о том, чтобы Он даровал всем нам — как Дух Отца и Сына — благословение и милость, которые я во имя Пресвятой Троицы хотел бы передать сынам и дочерям Церкви и всей человеческой семьи.

Дано в Риме, у Святого Петра, в праздник Троицы 18 мая 1986 года, в восьмой год моего понтификата.

Joannes Paulus PP. II

ОДНУ РОССИЮ В МИРЕ ВИДЯ

Эти заметки — не рецензия и не критический разбор. Статью можно написать о романе, о литературном направлении. А это какая-то особенная литература: роман — не роман, нечто невнятное, неуклюжее, неотделанное, и ни к какому направлению не принадлежит.

Книга помечена январем 1975 года и, судя по датам начала и завершения работы, создана в очень короткий срок — несколько месяцев. Выходит в свет одиннадцать лет спустя. Это естественно; для настоящей книги даже мало. Книги иных наших соотечественников лежали и лежат под спудом десятилетиями. О том, чтобы напечатать в СССР, не могло быть и речи: ни одного слова Фридриха Горенштейна не может быть и никогда не будет напечатано в СССР. Легко представить себе вердикт какого-нибудь литературного законоучителя, одна штанина штатская, другая — галифе: вы пишете не просто антисоветчину, это еще полбеды, но вы сочинили антинародную книгу. Вы оклеветали русскую нацию. Вот это уже посерьезней!

Хорошо, напечатаем за границей. Но и за границей, на фоне "собраний сочинений", "больших русских писателей", "пронизанных истинно христианским чувством" этот темный, требующий слишком большого напряжения мысли, таинственный и в самом деле малопатриотичный роман никому не был интересен, никого, надо думать, не увлечет и теперь. Скорее всего книгу просто не заметят.

*

Тягостная эта книга не идет из головы, герои стоят перед глазами, не роман, а наваждение. Нищая девочка Мария скитается с младшим братом по городам Украины и юга России, "после смерти отца завалилась хата", на дворе 1933 год. Она учит брата, что воровать нехорошо, опасно, надо трудиться, то есть просить милостыню, достигает совершенства в этом труде, вечным кошмаром маячит опасность угодить в детский дом, потеряла братишку, мать, в конце концов становится проституткой и умирает в тюремной больнице в возрасте пятнадцати лет, после родов; дело закрыто и сдано в архив.

Какая-то другая девочка по имени Аннушка, в городе Ржеве, "третий участок, третий барак, комната номер девять", становится виновницей смерти своего брата (опять младший брат), потом губит невинного человека, якобы обворовавшего комнату, знакомится в детдоме (опять детдом) с девочкой-еврейкой и выдает ее немцам. Некоторое время спустя она умирает сама от неизвестной болезни, в Германии, едва успев вступить в отрочество, в свинарнике, где она работает на немцев.

Действие следующей части происходит после войны в городе Бор Горьковской области: к женщине, которую зовут Вера, работнице швейной фабрики, вернулся с фронта муж Андрей. Она верно ждала его все военные годы, но теперь оказывается, что она его не любит, не испытывает к нему никакого телесного влечения. Кончается тем, что она изменяет ему с Антихристом. Но в того же Антихриста влюбляется ее старшая дочь. Муж пытается убить Веру, но умирает сам.

Далее рассказывается о семье Кухаренко из Витебска. В 1949 году, в разгар репрессий, главу семьи арестовали, жена отправила детей, мальчика и девочку, в Москву к сестре Клавдии. Сестра замужем за искусствоведом Алексеем Иосифовичем, который скрывает свою национальность. Узнав о том, что произошло в Витебске, Клавдия сплавляет детей в детский дом, чему супруг-тряпка не противится; между тем нарастает кампания по борьбе с космополитизмом, Алексея Иосифовича Иволгина разоблачают как скрытого еврея и в конце концов сажают, на допросе следователь Сердюк угощает Алексея Иосифовича "казацким кулаком-кувалдой", но неудачно: подследственный умирает. Клавдия остается с сыном Савелием, болезненным и порочным подростком, и

как-то незаметно сводит дружбу с дворником. Дворник живет с дочкой, сиротой, которую он удочерил во время войны, когда какая-то женщина сунула ему ребенка из товарного вагона, перед угоном в Германию. Никто не знает, что дворник, по имени Дан Яковлевич, — на самом деле Дан из колена Данова, Антихрист.

И, наконец, пятая часть: в Москве, в шестидесятых или семидесятых годах, судьба сводит разных людей, таинственно связанных друг с другом: Андрея Копосова, сына Веры; Савелия Иволгина; некоего Васю — сына нищей девочки Марии из первой притчи; "пророчицу" Пелагею, приемную дочь Дана Яковлевича, Антихриста; наконец, самого Антихриста, который приходится кровным отцом Васе и Андрею. Андрей живет сосредоточенной духовной жизнью, углубляясь в мысли о Христе, иудаизме, Библии, неотличимые от мыслей самого автора. Савелий преодолевает тяжкое и странное психическое заболевание, следствие "неудачного смешения кровей", которому он был обязан своим появлением на свет. Вася из колена Данова, "дурное семя" Антихриста, патологический антисемит и, следовательно, самоненавистник, жалким и отвратительным образом кончает с собой. Пелагея становится женой своего приемного отца. Она рождает младенца, которому дают в честь его отца имя Дан.

*

Попытка кратко пересказать "сюжет", в сущности, не дает представления, о чем эта книга, и не только потому, что в книге 450 страниц. Ясно, что писатель рассказывает о злоключениях своих героев не ради или не только ради них самих. Секрет настоящей литературы состоит в том, что о чем бы вам ни рассказывали, ничто в книге не равно самому себе. Литература, в которой все есть как оно есть, лица и происшествия равны самим себе, А = А, есть литература второсортная, во всяком случае — устаревшая. Пять частей, называемых притчами, повествуют о "четырёх казнях Господних" — голоде, войне, прелюбодеянии, душевной болезни — и о каком-то разрешении, о смысле Зла, который отчасти проясняется в последней части. Значит, роман о Зле? Я бы сказал иначе. Словами Гете, поэта бесконечно далекого от автора романа "Псалом": о проклятии Зла, проклятии, которое само становится злом. О том, как страдалец превращается в источник страданий, жертва — становится палачом.

*

Бог насылает казни на человечество, на Россию, на простых людей, как некогда он насладился казней египетских на подданных фараона. Почему он это делает? Библия отвечает: чтобы заставить фараона отпустить евреев. Однако встает более общий вопрос. Виновные наказаны, и так им и надо. Но зачем страдают невинные? В романном мире подобный вопрос впрямую не ставится, и прямого ответа на него мы тоже не найдем. Из рассуждений автора — в которых нет недостатка — как будто следует, что было бы логичней спросить наоборот: а почему человечество должно оставаться безнаказанным? Существует древнейший способ осмысления страдания: вина, преступление, грех. А невинные, а те, кто не грешил? В том-то и дело, что безгрешных нет. Самое страдание есть доказательство вины. Весь наш род проклят.

Проклятие произнесено над человеческой расой, как об этом записано в Книге Бытия. Человек создан богоподобным, а это значит, что он создан свободным. Он свободен в познании добра и зла и свободен употребить это знание на погибель самому себе. (Человек, если верить Плинию Старшему, свободней самих богов: ибо он может то, чего боги не могут, — убить себя.) Познав добро и зло, человек навлекает на себя проклятье.

Однако в романном мире существует только Россия, и кажется, что вся ветхозаветная мистерия была разыграна для того, чтобы в конце концов совершился суд над этой страной без конца и края. И так как наша страна в мире Горенштейна, для которого вне ее никого и ничего не существует, — собственно, и есть человечество, то проклята от века и несет наказание за грехи, мучается казнями, мыкается без крова в поисках хлеба, как девочка Мария, страдает от тевтонского нашествия и меча войны, как Аннушка, становится жертвой звериной похоти, как работница Вера, и чахнет от какого-то тайного недуга, как герои четвертой притчи, — наша злая страна, Россия.

*

Проклятье нависло над ее историей — проклятье страны, которая избрала "строительство Вавилонской башни" и отвергла "строительство Храма". Очевидно, имеется в виду империя, имперская алчность и имперское прошлое, которое фатальным образом остается нашим настоящим. Но в таком случае не оказался ли прав Достоевский (к философско-националистическим грезам которого автор испытывает невыразимое отвращение и к которому он, может быть, сам того не замечая, чрезвычайно близок), не прав ли он, объявляя устами Шатова, что "никогда еще не было, чтобы у всех или у многих народов был общий Бог, но всегда у каждого был особый... чем сильнее народ, тем особеннее его Бог"? И тут наконец договаривается последнее слово: проклятье тяготеет над деградировавшим христианством. Началось это с того самого времени, когда разбилась вдребезги Чаша иуданзма, с отпадения христианства от Библии, с "заговора апостолов", который писатель каким-то образом ухитрился вычитать из достовернейшего, по его сведениям, "самого древнего и подлинного" Евангелия от Матфея, — заговора, который вместе с "внешней ненавистью сотрудничавших с римлянами коллаборационистов" погубил Учителя. На самом деле мысль о том, что подлинным основателем церковного христианства был не Христос, а апостол Павел, автор мог вычитать у Мартина Бубера; мог и не вычитать, не в этом дело. Важно, что в этой системе представлений коммунизм, одержавший победу в России, с его намерением накормить всех, смешать всех в одну толпу, с претензией достроить Вавилонскую башню, парадоксальным образом оказывается наследником потерявшего себя, взорванного внутренними противоречиями христианства, подобно тому, как Советский Союз оказывается продолжением Российской империи. Политический аспект — второстепенный в романе, политика есть всего лишь вульгарная версия метафизики, однако и этот поворот просматривается в книге довольно ясно.

Но тень проклятья простирается дальше. Мне приходит в голову странная мысль. Кажется, что проклятье тяготеет над самим романистом, которому досталось испытать чашу страданий и зла еще в детстве. Детство кошмаром стоит над его книгой. Когда-нибудь будут проанализированы инфантильные источники его творчества. Проклятие зла заключается в том, что из философии Горенштейна нет выхода.

Но есть высшее искупление, и называется оно искусством.

*

"Литература — это сведение счетов". Французский писатель Арман Лану, сказавший эту фразу, возможно, не отдавал себе отчета в ее многозначительности. Литература — это сведение счетов с жизнью и способ отомстить ей, отомстить так страшно, как никакое несчастье не может мстить. Литература может превратиться в сведение счетов с безрадостным детством, с властью, чьи представители — дети народа, кость от кости и плоть от плоти, с самим этим жестоким простонародьем, имя которому — российское мещанство, со страной, которая всем нам была матерью и мачехой одновременно. "А между тем отшельник в темной келье здесь на тебя донос ужасный пишет". Поди потом доказывай, что донос несправедлив. Искусство обладает непрерываемостью высшей инстанции. Его приговоры обжалованию не подлежат. Но в том-то все и дело, что нанеся удар, искусство в каком-то ином, высшем смысле врачует.

В повести "Искупление", вершине всего созданного Фридрихом Горенштейном до "Псалма", молоденькая девушка Сашенька становится частной носительницей зла, которое превосходит и ее, и всех; это зло неудержимо разрастается, вылезает из-под земли вместе с останками зубного врача и его близких, над которыми совершено изверское надругательство, зло достигает самих злодеев, зло везде, в каждом, и нет выхода. Но искупление зла приходит: это — ребенок Сашеньки и лейтенанта Августа, который приехал с фронта, чтобы узнать о судьбе своих родителей-евреев, и уезжает, чтобы не поддаваться искушению самоубийства.

В "Псалме" искупления зла нет. Вы можете сказать, что рано или поздно раны затягиваются, что искупление — сама жизнь, которая продолжается; но ведь это все рав-

но что не сказать ничего. Антихрист уходит, оставив сына, нового Антихриста, рожденного праведницей... И все-таки искупление есть, и мы это чувствуем, как некогда люди XIX века, для которых русская литература была евангелием правды в обоих смыслах слова: правды-истины и правды-справедливости; искупление — это сама книга, страсти слов, искусство.

*

В книге есть нечто вроде главного героя. Можно было бы назвать весь роман его именем. Это олицетворение проклятья, но вместе с тем и милости, — Антихрист, загадочный персонаж, странствующий по дорогам этой книги-земли, неизвестно откуда взявшийся, "посланный Богом". Он появляется в начале первой части: в чайной колхоза "Красный пахарь", куда заходит Мария, за столиком у окна сидит мальчик, судя по одежде — горожанин, но с пастушеской сумкой, молчаливый, чужой всем, и подает ей кусок хлеба, выпеченного из смеси пшеницы, ячменя, бобов и чечевицы, — "нечистый хлеб изгнания". Он встречается ей то там, то здесь, на дорогах, в разных городах, и в конце концов становится ей мужем на одну ночь где-то на окраине Керчи, на берегу моря. Он приносит несчастье. И так же он сопровождает действующих лиц в других притчах, он бессмертен и неуязвим, но вместе с героями взрослеет и стареет, и в конце книги это уже сгорбленный и седой, много повидавший человек, почти старик. Его земной путь завершен, и он не то чтобы умирает (хотя говорится о похоронах), а исчезает.

Для чего Антихрист посетил землю, отчасти становится понятно на последних страницах. Поучение Дана представляет собой антитезу Нагорной проповеди.

Пелагея, она же Руфина, приемная дочь Антихриста и мать его ребенка, спрашивает:

"— Отец, для кого же принес спасение Брат твой Иисус Христос: для гонимых или для гонителей, для ненавидимых или ненавидящих?"

Ответил Дан, Антихрист:

— Конечно же, для гонителей принес спасение Христос, и для ненавидящих, ибо страшны мучения их. Страшны страдания злодея-гонителя.

— Отец, — сказала пророчица Пелагея, — а как же спастись гонимым, как спастись тем, кого ненавидят?

Ответил Дан, Антихрист:

— Для гонителей Христос — Спаситель, для гонимых Антихрист — Спаситель. Для того и послан я от Господа. Вы слышали, что сказано: любите врагов ваших, благословите проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас. А я говорю вам: любите не врагов ваших, а ненависть врагов ваших, благословляйте не проклинающих вас, а проклятия их против вас, молитесь не за обижающих вас и гонящих вас, а за обиды и гонения ваши. Ибо ненависть врагов ваших есть печать Божья, вас благословляющая..."

*

Ненависть врагов ваших есть благословение Божье. Ближайший образ зла в книге Горенштейна, во всех его книгах — ненависть к евреям. Род неподвижной идеи, не то чтобы преследующей писателя, но стоящей над всем его мировоззрением, словно повисшее над горизонтом огромное мертвое солнце. Суть идеи в том, что с ненавистью невозможно бороться, перечить ей бессмысленно, — никто из его героев и не пытается это делать. Горенштейн мог бы процитировать Достоевского, по отношению к которому он оказывается в таком же зависимом противостоянии, как в его романе Дан-Антихрист — к своему брату-антагонисту Христу. "Пора перестать стыдиться своих убеждений, а надо высказать их" (из черновых записей к "Дневнику писателя", 1877). Убеждения, следовательно, таковы, что их можно стыдиться. Но в том-то все и дело, что антисемитизм не есть "убеждение". Его невозможно опровергнуть. Он неподвластен разуму. Он способен умертвить даже собственного носителя: почти все фанатики и рабы антисемитизма у Горенштейна становятся его мучениками и погибают жалкой смертью. Если бы автору

"Псалма", "Искупления", "Улицы Красных Зорь", пьес "Споры о Достоевском" и "Бердичев", до сих пор неопубликованного большого романа "Место" удалось втолковать читателям то, чему, по-видимому, их не научил наглядный урок нашего времени, — что антисемитизм не есть дело, касающееся одних евреев, но в с е ч е л о в е с к а я ш к о л а з л а, — если бы он сумел втолковать это отечественной публике, это значило бы, что он совершил невозможное. Однако даже крупный писатель не в силах это сделать. Мертвое солнце остановилось, как солнце Иисуса Навина, остановилось навек, а из романа мы узнаем, что в этом даже есть какой-то высший смысл.

*

Вы проваливаетесь в философию романа, как в черные ночные воды, на дне которых что-то мерцает. Попробуйте достать из глубины это "что-то" — мрачное очарование книги разрушится. Пространные рассуждения автора сотканы из "мыслеобразов" (термин комментатора Музиля Д.С.Давлианидзе), почти не поддающихся расчленению. Их прочность отвечает всему рапсодически-философскому строю и ветхозаветному стилю романа, поразительно цельного в отличие от некоторых других произведений писателя. Всякий будущий анализ "Псалма" должен будет с этим считаться.

С философией, впрочем, дело обстоит так же, как оно обстоит во всей большой литературе нашего века. Противопоставление образного и абстрактного мышления давно потеряло для нее смысл. Рассуждения представляют собой рефлексию по поводу происходящего в книге, но при этом они остаются внутри ее художественной системы; рассуждения — это не довесок к действию и не род подписей под картинками, но сама художественная ткань. Обладая всеми достоинствами (или недостатками) современной культуры мышления, они, однако, "фикциональны": им можно верить, можно не верить, они "неподлинны", они — искусство. Искусство беспринципно и эгоистично, и если оно подчиняет себе религию и даже мораль, то почему бы не прикарманить и философию. В современном романе рефлексия так же необходима, как в романе XIX века — описания природы. Иногда начинает казаться, что она и есть собственно роман, проза в чистом виде, а "действие" — что-то наподобие публицистических отступлений. Остаются ли в романе Горенштейна философствования о Чаше, о Библии, христианстве, проклятии и пр. частью художественного целого, собственностью искусства? И в какой мере? Выдерживает ли его проза эту колоссальную нагрузку? Есть рассуждения, которые просто вложены в уста персонажей. Есть рассуждения, отделяющиеся от персонажей, но более или менее принадлежащие им; таковы философско-религиозные упражнения человека из колбы, гомункулюса, сотворенного Савелием Иволгиным: вы можете считать гомункулюса вместе с его речами бредом безумного Савелия, можете рассматривать их и как пародию на философско-христианские увлечения кружка молодых людей, к которому принадлежит Савелий, — пародию на модные искания, захватившие молодую интеллигенцию столиц начиная со второй половины шестидесятых годов. Но все это еще принадлежит Савелию, на свой лад лепит художественный и мифологический образ. И, наконец, имеется "философия от автора". Кто этот автор? Кто начинает роман восклицанием ветхозаветного пророка: "Увы! Шум народов многих! Шумят они, как шумит море. Рев племен!.." Кому принадлежат вступления к притчам?

Кто рассуждает о нищенстве, целую теорию развивает о том, почему в стране, официально отменившей Христа, по-прежнему просят подаяние Христовым именем, а не именем Совета Народных Комиссаров? Неужели девочка Мария? Кто размышляет об отличии "трамвайно-троллейбусного" антисемитизма от "антисемитизма железнодорожного транспорта"? Искусствовед Алексей Иосифович Иволгин? Или сам автор? Кому принадлежит гротескный юмор, почти идиотический сарказм, неожиданно прорывающийся там и сям на страницах горестного романа? Чьи это разглагольствования о том, что "подлинная родина человека... не земля, на которой он живет, а нация, к которой он принадлежит. Нет ни русской, ни еврейской, ни английской, ни турецкой, ни иной какой-либо земли. Вся земля Господня... и подлинное право на тот или иной кусок земли дают не исторические завоевания, не исторические перемещения, не факт многовекового владения, а то, сделала ли нация кусок Господней земли плодотворным и

порядки на нем справедливыми или... гноит нация обширные пространства Господни, попавшие к ней в руки"? С кого мы должны спросить за эти отважные декларации, кому приписать сентенции вроде следующей: "Много грехов на душе у России, ибо таков ее удел; нации, завладевшей таким пространством, нельзя обойтись без своих и чужих мучений"? Кому принадлежит чрезвычайно важное, на мой взгляд, изречение, выражающее весь дух этого демократического, но не либерального, пронзительно-человеческого, но совсем не гуманистического творчества: "Гуманисты учили, что нет дурных народов... Моисеево же библейское учение, если в него вдуматься... говорило, что хороших народов нет вовсе"? Нет хороших народов! Есть хорошие люди. Не вернее ли будет сказать, что это вещает уже не Савелий, не Андрей Копосов, сын Веры и Дана-Антихриста — лицо, наиболее близкое автору, — а сам автор — декламатор и проповедник? Но опять-таки: кто этот автор?

Очевидно, что нам придется провести дополнительную границу между безымянным автором и собственно писателем, который "говорит его устами" (так Антихрист в романе часто говорит "устаами" библейских пророков). Можно заметить, что уста эти порой говорят свое: автор отталкивает писателя. Вообще все эти границы очень зыбки, гораздо более зыбки, чем, например, у западных романистов, чем границы между "пародией" и собственно авторским голосом у Томаса Манна (хотя и там отношения между героем, условным автором и самим писателем носят чрезвычайно деликатный характер). Важно, что все такие градации ограничивают абсолютный смысл высказываний, переводят их в художественную сферу и по крайней мере отчасти снимают ответственность с настоящего автора: искусство, как сказано, безответственно... Но особая зыбкость, неопределенность границ — характерная черта Горенштейна, с ней встречаешься то и дело. Начинает говорить как будто персонаж, а на другой странице вы догадываетесь, что это уже не персонаж, а сам автор. Двумя абзацами ниже — уже не "автор", а сам писатель. Литература незаметно перелилась в мутную, путаную, излучающую какое-то тусклое сияние, полугениальную, но и увечную философию, — философию не как художественную прозу, а как нечто самодовлеющее. В голосе автора появляются доктринерские ноты. Можете считать это художественным дефектом. Однако у сильного и самобытного писателя то, что выглядит как просчет, одновременно и признак силы. Такие писатели склонны на ходу взламывать собственную художественную систему.

*

"Ничего... Твое горе с полгоря. Жизнь долгая, — будет еще и хорошего, и дурного, всего будет. Велика матушка Россия!" Это из повести Чехова "В овраге". Липа, с мертвым ребенком на руках, едет на подводе, и эти слова, в сущности бессмысленные, но которые невозможно забыть, говорит старик-попутчик. Чувство огромной бесприютной страны и обостряет горе, и странным образом утоляет его. Чувство огромной страны присутствует в книге Горенштейна. Удивительное дело: иные из тех, кто будет читать ее (если будут читать), закричат, чего доброго, о ненависти к России, но создать эту книгу мог только русский писатель. Чувство страны насыщает ее ужасом, веет вечностью. Эта книга — не о коммунизме, не о советской власти; они, конечно, здесь присутствуют, вне советского строя невозможно представить себе жизнь ее героев, — но присутствуют как часть чего-то бесконечно более глубокого и обширного. Разоблачать советскую власть и коммунизм не стоит труда; не дело писателя. "Роман-размышление" (подзаголовок книги), перегруженный странноватым философствованием, менее всего дает основание считать его автора публицистом. Фридрих Горенштейн — один из немногих зарубежных русских писателей, не имеющих отношения к оттепели. Он сложился вне оттепели и даже вопреки ей. Это надолго обеспечит ему невнимание читателей. Но быть может, все, что мы тут пишем, все творения больших и небольших писателей, знаменитых и неизвестных, исчезнут без следа. Эта книга останется.

Борис Хазанов

Тирания, это ужасное и гнусное бедствие, обязана своим происхождением только тому, что люди перестали ощущать необходимость в общем и равном для всех законе и праве. Некоторые люди, неспособные судить здраво, думают, что причины появления тиранов — другие и что люди лишаются свободы без всякой вины с их стороны только потому, что подверглись насилию со стороны выдвинувшегося тирана. Однако это ошибка... Как только потребность в общем для всех законе и праве исчезает из сердца народа, на место закона и права становится отдельный человек. И действительно, в каком же другом случае неограниченная власть могла бы попасть в руки отдельного человека? Такой человек, который захотел бы уничтожить право и устранить общий закон, должен быть сделан из железа — человек, который вознамерился бы отнять эти блага у народа, он, один, у них, многих! Если же он сделан из плоти и крови и устроен так же, как другие люди, то он, конечно, не в состоянии это сделать. Но если потребность в равном для всех законе и праве и без того исчезла, то такой человек может достичь неограниченной власти. Поэтому некоторые люди не замечают тирании даже тогда, когда она уже наступила.

Неизвестный
греческий автор
V в. до н. э.

ВЫСОЦКИЙ: ЖИЗНЬ И ЖИТИЕ —

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ